

1989. № 4 (28)
АПРЕЛЬ

РОДІННИК

ISSN 0235—1412

ПРОЗА, ПОЕЗИЯ, ДРАМАТУРГИЯ, ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА,

РОДНИК

«АВОТС» («РОДНИК») ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ НА ЛАТЫШСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ. ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ЛКСМ ЛАТВИИ И СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ЛАТВИЙСКОЙ ССР. ВЫХОДИТ С ЯНВАРЯ 1987 ГОДА. ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ЛАТВИИ, Г. РИГА.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

АЙВАРС КЛЯВИС
(главный редактор)
ЯНИС АБОЛТИНЬШ
ВИЛНИС БИРИНЬШ
(ответственный секретарь)
ИЛМАРС БЛУМБЕРГС
ГУНТАРС ГОДИНЬШ
(редактор отдела)
МАРИС ГРИНЬЛАТС
ЭДВИНС ИНКЕНС
ВЛАДИМИР КАНИВЕЦ
(заместитель главного редактора)
ПЕТЕРИС КРИЛОВС
ЮРИС КРОНБЕРГС
ЯНИС ПЕТЕРС
БАЙБА СТАШАНЕ
АДОЛЬФ ШАПИРО
ВИЕСТУРС ВЕЦГРАВИС
ИМАНТС ЗЕМЗАРИС

РЕДАКТОРЫ:

ТАТЬЯНА ФАСТ
РУДИТЕ КАЛПИНЯ
АНДРЕЙ ЛЕВКИН
НОРМУНДС НАУМАНИС
ЭВА РУБЕНЕ

КОНСУЛЬТАНТ ПО ПОЭЗИИ

АМАНДА АЙЗПУРИЕТЕ

КОНСУЛЬТАНТ ПО ПРОЗЕ

АЙВАРС ТАРВИДС

КОРРЕКТОР

ЕЛЕНА ЛИСИЦЫНА

ПЕРЕВОДЧИК

ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

САРМИТЕ МАЛИНЯ

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР

ИНАРА ЮРЬЯНЕ

Рукописи принимаются отпечатанными на машинке в двух экземплярах, не рецензируются и не возвращаются.

Редакция приносит извинения читателям и автору статьи «Латышский язык: разгул анархии или прочный статус?» П. Удрису. Переводчик счел необходимым сохранить нейтральное латышское «zīds» в русском тексте, что по-русски звучит оскорбительно. Каждый язык укоренен в истории своего народа и слово «жид» теперь в русском языке прочно ассоциируется с такими прискорбными явлениями, как антисемитизм и черносотенство. То, что сходные явления не наложили своего отпечатка на, скажем, польское словоупотребление, не меняет дела. Равным образом можно было бы апеллировать к японскому или китайскому языкам.

ЛИТЕРАТУРА

Лиените Медне, Владис Спаре,
Юрис Звиргздиньш. «Ода комарам» (1)
Марис Чаклайс. Стихи (9)
Клавс Элсбергс. Стихотворение (10)
Клавс Элсбергс. «Приключения на
острове» (11)
Геннадий Брониславский. «ЖЗЛ» (14)
Геннадий Айги. Стихи (16)
Олег Золотов. Стихи (20)
Хорхе Луис Борхес. «Deutsches
Requiem» (22)
«Секта тридцати»
Стефан Малларме «Полдень Фавна» (26)
Валерий Замкин. «Тополиный пух» (28)
Петерс Бруверис. Стихи (30)

КУЛЬТУРА

Элиас Канетти. «Правитель и власть» (32)
Нормундс Науманис. «С Новым
годом» (45)
Артем Троицкий. «Rock in the USSR» (46)
Ольга Хрусталева. «Леониду
Жуховицкому, который есть, от поколения,
которое — нет!» (51)

ПУБЛИЦИСТИКА

Михаил Смондырев. «Студенты
и генералы» (54)
Юозас Урбшис. «Литва в годы суровых
испытаний 1939—1940» (60)
Вилнис Зариньш. «Философия
грабителей» (66)

ЛИТЕРАТУРА

«Одно стихотворение» (72)
Александр Шабанов. «Земляки» (74)
Олег Кулаков. Миниатюры (80)

ЛИЕНИТЕ МЕДНЕ, ВЛАДИС СПАРЕ, ЮРИС ЗВИРГЗДИНЬШ

ОДА КОМАРАМ

РОМАН

Пенсионер, выведший в этот тихий ночной час своего Джерика на прогулку, ощутил, что по брюкам его распространяется что-то теплое. Да, совсем ослабел пузырь, совсем, ах, бедный Микелис, мог ли ты представить себе подобное в юности!.. В детстве, забежав за угол, ноги мерзнут, быстрее, быстрее обратно... в снегу остаются круглые желтые дырочки, или позже, на сельских вечеринках, натанцевавшись и напившись пива, расстегиваясь не спеша, за спиной полуувядающие уже березки, срубленные для украшения, а над головой звездное небо — такое далекое и недостижимое... а потом легион, Волхов, болота, болота... испражнения сделались блеклыми и мутными, как ржавчина, пулеметные стволы приходилось охлаждать своей же струей, но ничего не помогло, ничего... и вот уже их, пленных, везут в поезде, а вокруг — Фландрия в весеннем цветении, а с виадуков на них мочатся бельгийки... в прошлом, все в прошлом... Что же осталось? Алюминиевая кружка с выцарапанной надписью «Дальстрой 1945—1954», пузырь этот проклятуций, да закалка — все та же, все та же...

— Убери пушку! — вскинув голову, выговорил он на ясном и правильном русском языке.

— Куда они поехали! — молоденький сержант милиции, опустив пистолет и отвернув в сторону фонарик, воинственно встопорщил чахлую и мягкую, как первая весенняя зелень, поросль усов.

— Туда, — как полководец, отправляющий свою верную армию на штурм неприятельской столицы, старик указал в другую сторону.

Объехав квартал, неслась, подпрыгивая на булыжнике, милицейская машина. Поднеся, извиняясь, ствол пистолета к виску, сержант впрыгнул в машину, и та, развернувшись на сто восемьдесят градусов, унеслась.

(Продолжение. Начало см. в № 3)

Возле стены, задрав тощую лапку и преданно глядя вверх, в глаза хозяину, справлял малую нужду Джеринька.

— Сегодня мне пришлось составить тебе компанию, дружок, — плутовски улыбнулся старый легионер.

Заметая следы, трехколесный жук петлял по Риге. Как опытный лоцман, инвалид лавировал среди насаженных тихими переулками, пока, наконец, чихнув и пару раз, как бы себя взбадривая, фыркнув, мотор не заглох, и коляска остановилась на берегу Даугавы.

Неслышно накатывались черные волны, горел красный глаз нового Дома печати, прогудел запоздалый буксирчик, толкавший перед собой тяжело груженную баржу. Пахло сырыми сваями, мокрым бетоном; повяло духом водорослей и масла.

— Пусто... — инвалид стукнул кулаком по маленькому, яйцеподобному бачку.

— У меня начинается пох... — Петерис выписывал пьяные кренделя вокруг коляски. — Я хочу сойти в гондолу и уплыть...

— Где мы! — сконфуженно моргая, осведомилась разбуженная тишиной и покоем Руута.

— ... по венецианским каналам, и слушать серенады, — продолжал лопотать Петерис, усевшись на каменные, сходящие в воду ступеньки.

— Выследили, суки! Шпионы! — внезапно завопил инвалид, обвиняюще уставив в темноту длинный кривой палец.

Вдалеке появились желтые «Жигули». Беззвучно, как король Стах во главе своей жуткой дружины, они призрачно скользили по радужно блестящему асфальту.

Никлавс, выпрыгнув на тротуар, вцепился в руль коляски.

— Разворачивайся! Деру!

— Без мотора не уйти... — старик отрицательно пока-

чал головой, краткий миг проследил за зыбким светом прожекторов машины, предвещающим ночь в участке, протокол и штраф, который из его пенсии не удерживали никогда. — Эх, была не была! Попробуйте форсировать реку! Я вас прикрою.

Никлавс, вырвав за руку из коляски Рууту, потянул к себе Петериса и склонился над инвалидом.

— А ты!

— Парень! — старик зло приосанился. — Я до Берлина дошел, фрицев бил! — передернув плечами, он согнулся над рулем, как в свое время над — пулеметом.

— Держись! — воззвал к нему Никлавс, скатываясь вниз по ступенькам.

— Будем живы — встретимся, — бросил через плечо инвалид. — У «Мельника»!

Проскочив мимо Рууты и сидящего Петериса, Никлавс остановился на краю тверди. Плотная, ненасытная волна заползла на нижнюю ступеньку, жадно облизала ее, долго и печально вздохнула, нехотя уползла обратно. Никлавс занес ногу и обмер.

— Сюда, сюда... — из темноты исходил призывный шепот.

Никлавс поперхнулся и сжал кулаки. Спину заморозила пробежавшая волна страха. Все... конец! Если пошли глюки — кранты.

Пятясь вверх, он выпученными газами вникал в темноту — почти сливаясь с бурой водой, к ступенькам тяжело приближалась большая черная лодка, на среднем сидении которой пребывал напавший старый плащ и мятую шляпу сам Харон — дружественно приподнявший весла. Лодка, царапая нос, соприкоснулась со ступеньками.

— Чего чешешься, живо прыгай! — шлепая веслами по воде, просипел плащ.

— Проклятое высшее образование! — прошипел Никлавс, разжав ладони, мышцы спины обмякли.

— Вваливаемся в ладью духов, господи! — он метнулся к Петерису, поклонился и подал руку Рууте. — Прошу вас, леди!

Руута, придерживая подол длинного белого платья, скользнула вниз грациозно, как юная графиня на своих первых танцуйках. Вот-вот капельмейстер поднимет руки, зазвучит искрящийся вальс, она склонится в реверанс и скользнет в объятия Никлавса и, стыдливо опустив глаза, закружит с ним по полусгнившим доскам эстрады. Лакеи в жестких ливреях вынесут подносы с переварившимися, лопнувшими сардельками на картонных тарелочках, в маленьких круглых чайных чашечках будет чернеть «Шварцвайс», Петерис — шут придворный, улыбнулся Никлавсу, — семенит у Рууты за спиной, рукой придерживая пряди ее светлых волос, которыми ветер норовил попасть ему в глаза.

— Прыгай, дылда! — Никлавс спихнул Петериса в лодку, и тот, ни слова не возразив, перевалился через борт, покачнулся, замахал — будто отгоняя комаров — руками и выругался.

— Я тебе ее передам. — Никлавс поднял Рууту на руки. — Только аккуратно, не урони!.. Женщина, все-таки...

Душноватое тепло навалилось на грудь, сдавило горло, горьковато пахнущие волосы Рууты щекотали нос, лезли за ворот свитера, ноги подогнулись, и Петерис бухнулся на мокрую скамейку.

Никлавс, оттолкнув лодку от берега, прыгнул следом, полы пиджака вспорхнули крыльями летучей мыши. Судорожно вцепившись в плечо Рууты и крикнув плащу: «Мотор!», он вслушивался в тихое гудение «жигулей».

Коляска инвалида стремительно рванулась вперед, врезалась, тормозя, в шины машины, зазвенели разбитые стекла.

— Дядя, ты с ума сошел! — из машины пробкой выскокил пухленький розовощекий милицейский курсант. — Если хочешь кончать с собой, так прыгай в Даугаву! Зачем

мне тачку портить! Что теперь начальство скажет, фара к чертям...

— Прыгай-прыгай, — зло кричал инвалид. — Ишь кузнецик выискался! Если хочешь, так сам в Даугаву и прыгай! А фара и у меня к чертям. И мне ее ты разбил!

— Я! — вытаращил глаза курсант.

— А кто же!! Ты меня задавить хотел! А для того ли я до Берлина дошел, чтобы ты, молокосос, переехал меня как котенка! Мы вас этому учили! Я тебе мирное небо над головой отвоевал, а ты мне: прыгай в Даугаву! — инвалид демонстративно сдернул с культи фланелевое покрывало.

— Извините... я... — лепетал розовощекий. — Я больше так не буду. Простите, пожалуйста, дядя!

— Выпить у тебя есть! — практично осведомился инвалид.

— Вы имеете в виду алкоголь? У меня есть, дома, в секции, «Рислинг», жена...

— Тогда поехали к тебе! Иначе я помру, и ты будешь отвечать! У меня сердце останавливается... — инвалид приложил руку к груди. — Шок...

— Хорошо, хорошо... сейчас поедом, — курсант беспомощно глядел на коляску инвалида.

— Занеси меня в машину! — скомандовал инвалид. — Коляску пристрой сзади!

— Да, да, — курсант внес пострадавшего в машину, вытащил из багажника трос и дрожащими руками прицепил коляску.

Высунувшись из открытого окна машины, инвалид протянул в сторону Даугавы растопыренную ладонь.

— Молодчина! — усевшись на дно лодки, трясся от смеха Никлавс. — Высший пилотаж! Это ведь другая машина!

Лодка скользнула вперед, очертания берега расплывались, и скоро «жигули» с курсантом и удовлетворенным инвалидом пропали из виду; кругом чернела вода, мерцали в небесах звезды, мимо, приветственно прогудев, проследовал буксирчик с баржой.

III

— Дама хочет пить и обязательно шампанское, — монотонно повествовал лже-Харон, скрытый широкими полями шляпы, сидя на веслах и щедро окропляя лицо Никлавса холодной влажной реки забвения. — Правильно, я и сам хочу. И я джентельмен порядочный: если дама хочет, то давай деньги и я пошел. Она дает, но, говорит, брюки оставь, а то, говорит, где у меня гарантия, что ты вернешься! Штаны, говорит, на тебе оставить, так ты хвост пистолетом и привет, мои бо́том и кровью заработанные денежки в карман и бегом к Леонтина! Я джентельмен честный: если дама говорит оставь брюки, оставляю всю экипировку. Только плащик, говорю, дай, голый же, говорю, не пойду! Она дает плащ и я иду. А на Малой Калну — ничего нет. Пусто. Приехал какой-то абстракционист на грузовике и все скупил. Иди куда хочешь, к Стумбулису, к Господину Эглитису, к Чорту, к Машке — у этой Бабы-Яги всегда что-нибудь да есть — хоть жидкость для волос, но в этот раз — нигде ничего. У «Мельника» опять всех гребут, а мне шампанское надо! Хоть в Даугаву прыгай, думаю. А на другом берегу что! Что! — плащ резко закинул весла в лодку, открыл, повернувшись, взору Никлавса бледную, поросшую рыжими волосками грудь и протянул вперед рукав, на конце которого двигался тонкий палец с длинным, обрамленным черным грязным ободком ногтем.

На другом берегу! Никлавс наморщил лоб — десятый участок, памятник Янису Павасарсу, Маринская мельница... Что еще!

— Улица Вею, вот что на другом берегу! — из-под шляпы донеслось удовлетворенное хихиканье. — И я подхожу к Даугаве и вижу: лодка!

Как часто слово «вдруг» спасает людей, думал Петерис, чьи чресла с одной стороны согревали широкие бедра Рууты, с другой же — холодили мокрые доски скамейки.

Zoja 89

Вдруг раздается звонок; узел, в спешке завязанный палачом, не затягивается; пуля застревает в стволе . . .

— Вей ветерок . . . — Руута, открыв глаза, прислонилась грудью к плечу Петериса, голос поднимался и опускался над волнами, легкий и нежный, как туман.

Сердце Петериса заскулило, он тут волюндается по темным водам, над головой проплывают облака, в пучине безмолвно скитаются рыбы, а он, как всегда, один. Хотя и Руута на коленях, а все равно один, вечно один, это вечное единожды один . . .

— Гони челнок . . . — слова тормозили Никлавса. Одни неприятности, кругом дерьмо. На работе — кошмар. На улице Дзирнаву шухер, на Малой Калну выпили все сухое, внутри все пересохло, дурнота поднимается все выше к горлу с каждой строчкой песни. Вей, вей — это песня судьбы — вздохнул Никлавс.

Руута, вместе с песней, переместилась на корму, Никлавс широкими, энергичными гребками гнал лодку через Даугаву, за спиной звучал рассказ о Леонтина и ее стройных ножках, о Терезе, проводившей ночь в двойном одиночестве с неким выходным костюмом и без шампанского. Петерис, погрузив руки по локоть в воду, выискивал желтые, на длинных стеблях кувшинки и бросал их Рууте.

Мимо братика дверей утекла речушка, в воздух взмыли голубочки, вот они и пристали к берегу. Главное, что живы, — Петерис, попеременно отжимая рукава джемпера, спрыгнул, оказавшись в воде по колени, главное, что живы!

Неподалеку длинная вереница поливальных машин орошала Даугаву; шоферы в кбинах, в которых, как светлячки, мерцали огоньки сигарет, удовлетворенно созерцали, как мощные, освежающие струи разбиваются о коричневые спины волн.

Куцый мужичонка в коротком, невообразимо широком плаще, походивший в нем на попавшую в карман пылинку, заторопился вперед, как диснеевский поросенок, резво мелькая розовыми голеньками. Хлюпающая промокшими туфлями, стуча каблуками по асфальту, они поспешили за ним мимо одно и двухэтажных деревянных домов, построенных из остатков сожженных Наполеоновскими войсками рижских предместий, мимо домов, вросших в землю погребями, обросших сарайчиками и кроличьими будками, укрепившихся собачьим лаем: наклонившись против ветра, который задувал за шиворот, вцеплялся в голени, всклокачивал волосы и бороду Никлавса, нахально обнимал Рууту за талию.

— Только, когда придем, — идите вы. Это не мой район, я с форштадта. Здесь мне могут припомнить — еще скальп снимут! В молодости я был лев. На всех танцуйках меня знали, и «Фанерка», и «Фуфайка», повсюду! — бывший лев, клацая зубами, плотнее укутывался в широкий плащ.

— К Миллии не пойдем, она жмотина, водка там всегда разбавленная. Марта своим дает в долг, там уже, поди, целая орава . . . — бормотал на бегу Петерис. — К Марии!

— К Марии я не могу, мы в одном классе учились. Что за девчонка была! А теперь? До ручки, вам говорю, до ручки! — Никлавс тыльной стороной ладони смахнул с глаза соринку вместе с набезвавшей от воспоминаний молодости сентиментальной слезой.

— К Фросе, только к Фросе! Водки не будет, так будет самогон, но первый сорт, спичку поднесешь — горит! — решил облаченный в плащ голос, владелец его воспоминания о ждущей шампанского даме, должно быть, оставил в брошенной на берегу лодке.

Все окна в квартире Фроси нараспашку, тяжелыми волнами из них вырывались, восходя к небесам, яркий свет, хриплые стенания аккордеона и мешанина громких голосов.

Кто там и сколько их! На улицу, будто позвали, выбралась дружелюбно улыбающаяся фигура. У Фроси нет — выдает дочку замуж, тот только что из Олайне. Раньше зашибал как полагаются — глотал что угодно, хоть крысиный яд. Теперь вылечился, теперь только водку принимает. Так что Фрося сегодня не торгует, но эти пусть заходят и

за стол, как люди. Нет так нет, тогда пусть идут к Микелису — это фирма. Хотя и конкурент, но человек золотой, Фрося и его звала, а тот — нет, работа есть работа . . . он может проводить. Ах, вы у Микелиса уже бывали! Ну, так он пару шагов так . . . проветриться.

Они прощально помахали освещенным Фросиным окнам и вновь согнулись против ветра — как плохо закрепленный парус, трепыхался впереди плащ, Никлавс, время от времени натывавшийся на Рууту, которую за руку волок Петерис, — в арьергарде. Рядом с ним, то с одной, то с другой стороны, цепляясь за неровности и проваливаясь в колдобины, спотыкался навязчивый голос.

— Мой дедушка торговал водкой уже в годы первой мировой, — голос, потеряв тело, причудливо звенел в ухе. — Только четвертями, только четвертями! Взял, дурень, и отправился с бермонтовцами, пару лет проторчал в Мемеле, и тут босиком пришли литовцы и выпили все его запасы, хорошо хоть самого к стенке не поставили, уехал голым в Америку, там сухой закон, сразу стал миллионером. Но разве там, в Америке, честный человек жить может! Заходит старый в свой гараж, видит — возле его «Фордика» Аль Капоне крутится. «Альфонс, — мой спрашивает — чего это ты тут крутишься!» А тот, дрянная такая, руку в карман, достает пушку и старику прямо в пузо! Из больницы, кое-как сшили, первым же кораблем — обратно, на родину. Тут как раз кризис, едва через больницу кассу тридцать латов пенсии выбыл, и те — взяточниками и уговорами. Хорошо хоть матушка с корзинкой по зеленому баламу пошла: прошу, господа, сельтерскую и закусончик, и не хотят ли господа айзсарги четвертинку для поправки души! Что, социки — не пили разве! А Демократический центр! А католики! Вот так вот, лат к лату, детишек и выучили. Мой брат даже, который в Австралии, так инженером стал, а сестра — та на пианино. Черт его знает, что там старик в америках жрал, только в немецкое время помер от язвы в брюхе. А папочка! Это был мастер! В немецкие времена — от легиона откупился — достал бочку «Антифриза», прогнал через торф, синьки добавил и: прошу! Еще со времен «Альгамбры», из погребов, чудом сохранилось, пейте и мирные времена вспоминайте! Это был продукт, не немецкая разбавленка — тридцать два градуса! Да разве на таком шансе Курземский котел удержишь, вас спрашиваю! И что ему мешало тут остаться! Нет, за три дня до того, как заваруха кончилась, напился, вспомнил все эти бурлацкие романы, которые «Новейшие известия» печатали, всех этих Тарзанов и Вилисов Лацисов и . . . приключений ему захотелось, обезьяне старой! Погрузил на корабль две бочки своего трехкостного коньяка и вперед, в Альпы, на Таити, в пампы Патагонии . . . А бог не ребенок неразумный, корабль на mine подорвался и с пузырями на дно, а старый привязался к бочкам и плывет себе, пить захочет — ладошкой из бочки зачерпнет, закусит какой-нибудь салачкой или камбалой, так и выплывет в Гренландии. Вот тебе альпийские луга, вот тебе Патагония! А мы с мамой его ждем-дождемся . . . — голос, зацепившись за лохматый куст сирени, оборвался, и еще какое-то время в ухе Никлавса звучали прерывистое сипение и хкеканье.

Окруженный высоким дощатым забором, дом Микелиса темнел в середине большого двора. Громадная собака беззвучно разевавшая пасть, волочила по натянутой мерцающей проволоке угрожающе громкую цепь, хозяин, приоткрыв небольшое окошко в двери, приник к тому своим единственным глазом и протянул широкую, как хлебная лопата, руку.

— Что! И быстро! Деньги вперед!

— Водку или коньяк. Две. Шампанское — одно. И что-нибудь закусить, — заказал Никлавс и недоверчиво покрыв громадную ладонь купюрой.

Рука пропала, но, через мгновение, злобно встряхивая зажатой в двух пальцах шелестящей сотенной, высунулась на улицу почти до локтя:

— Контора! Стукачи, деньги поместили. Ищите дураков в другом месте! Привет!

Окошко захлопнулось, загремел засов, хрипло залаяла собака.

— Собачка, собачка, не лай! — Руута просунула нос в щель между досками.

Злой лай съехал на глухое, удивленное урчание.

— Мы не не эти, кто вы сказали, вовсе нет! Дяденька, дяденька! — звала Руута.

— Микелис, Микелис, это не стукачи, ручаюсь! Я их привел, я! — пронзительно вступился застрявший в низкорослом кустарнике плащ.

— Кто это ты! Покажись! — на верху столба загорелась, слепя глаза резким светом, пятисотваттвая лампочка без колпака, украденная в троллейбусном парке.

В кустах раздался сдавленный крик, словно там кого-то душили:

— Он же меня узнает! Бежим!

Трещали сучья, что-то тяжело рушилось, громко лаяла и рвала цепь собака, Никлавс, зажав в одной руке купюру, а в другой локоть Рууты, наткнулся на едва устоявшего Петериса и, сопровождаемый собачьим лаем и неистовыми проклятиями, бросился прочь.

Далеко впереди, резво удаляясь, развевался черный плащ, за спиной тяжело пыхтит Петерис, собака сейчас вцепится в пятки, а за ней — и хозяин, в одной руке свиной тесак, в другой цыганская плетка, в третьей двустволка, заряженная солью, картечью, пулями дум-дум, вымоченными в настоявшемся кураре стрелами, как Шива-многорукый и повсеместный, всевидящий и видящий все насквозь — с ртутной, спертой здесь же, в троллейбусном парке, лампой во лбу, он их в землю закопает и из-под земли достанет, и все из-за какого-то бывшего Дон-Жуана с москачки — Казанова несчастный, Ловелас проклятый...

Они неслись, сигналы через заборы из колючей проволоки, перескакивали через подгнивающие мостики, валились на землю, зацепившись за живые изгороди, запутывались в проволочных заграждениях во дворах, возле кроличьих будок, перебрались через канал, обросли водорослями и пиявками, едва не очутились под одиноким, оставленным без присмотра асфальтным катком, когда за их спинами, из дома Фроси с победным кличем: «Врешь, не уйдешь!» высыпала вооруженная кольем толпа: часть с ног сбил ветер, другие запутались в упавших, в воздух взлетали ракеты и серебрящийся женский голос выкрикнул: «Rafavo, Rafavo!»

Как точно брошенное лассо, крик «rafavo» обвил голени беглецов и те остановились, будто вросли в землю.

— Это по-литовски «спасите». Я знаю, у меня одна бабушка была литовка! — сказал Петерис.

— Нет, это означает: «убивают!». Мой дедушка служил у Адамайтиса! — Никлавс не хотел отставать от Петериса в знании языков. — И еще я знаю: «radi peili!». Это означает: «покажи нож». Тогда все пугаются, и Адамайтис собирает кошельки. Мне дедушка рассказал, как такие делишки обделяются.

— Смотрите, как мы этих людей перепугали! — Руута сочувственно покачала головой.

— Людей?! — Никлавс злобно потряс кулаками, на эту банду дедушку с Адамайтисом и еще Каупеном впридачу напустить бы. Люди, тоже мне, обычные спекулянты водкой, куда только милиция смотрит!

— Мы напугали! — сказал Петерис. — Лучше ноги в руки, а то нас самих так напугают, что как зовут не вспомним.

Спасением впереди возникла железнодорожная насыпь и мост, через который, искря и испуская клубы пара двигался со стороны Риги поезд, цистерна за цистерной, вагоны с торфом, открытые платформы, рефрижераторы... Поезд сбавил ход и, дернувшись как в предсмертной агонии, прогудев, остановился.

Как ключья тумана, они пробирались вдоль состава — Никлавс, Руута с охапкой желтых купюшек и Петерис, стараясь своими башмаками сорок шестого размера не наступать на почти двухметровые стебли цветов, волочившись по земле, как вымокший павлиний хвост. Черт с ней,

с водкой, достанем, об этом пусть Никлавс думает, деньги, в конце-концов, у него, но вот эти стебли... Неправильно, что они по земле! Почти перевесившись через борт, руки до плеч мокрые... Я же мог выпасть и утонуть, а теперь они волочатся по земле... Кто бы меня в темноте нашел! Выкинуло бы где-нибудь возле острова Роню, с кувшинками в посиневших пальцах... Нет, так нельзя! Петерис нагнулся, подхватил концы стеблей и понес их за спиной Рууты, как паж — шлейф королевского платья, и Руута была королева, нет, она была принцесса Гундега, а Никлавс — король Синяя Борода, синевородый Никлавс... Театр, вся жизнь лишь театр, и ему тут отведена роль статиста. Не Морис, не Синяя Борода, один из многих, один из толпы, ничтожество...

Волнам сводчатых, решетчатых конструкций железно-дорожного моста хотелось в небо, залаяла собака и отворилась дверь сторожевой будки.

В четырехугольнике, освещенном четырьмя тускло-желтыми лампами, вырисовался силуэт с карабином, в предрассветной тишине громко клацнул затвор и раздался крик, страх в котором мешался с угрозой:

— Стой, стрелять буду!

Никлавс остановился и ощутил Руутин круглый высокий лоб, уткнувшийся ему в спину.

— Ка... ка... ка... — заикался Петерис, выжимая сок из приувядших стеблей кувшинок.

— На мост запрещается! Назад! Считаю до трех. Раз, два, два с половиной... Ну, холера, была не была... — страж направил в сторону Никлавса ходуном ходящий ствол. — Назад, назад!

Никлавс расправил плечи, хотел отступить, но ноги, оказалось, вросли в землю, у них были метровые, или двух, а то и трехметровые корни.

Руута плотно прижалась к его спине, закрыла глаза: Милый Кришна, это же не поле битвы Курушетра, сделай что-нибудь, прошу тебя, прошу...

Петерис боязливо высунул голову из-за плеча и косноязычно, как попугай, делающий первые шаги в овладении языком, закричал:

— Как... ка... ка... карабин убери!

— Ах, я тебе говно! Ну, дохлятина! — заорал страж, грохнул выстрел, и Никлавс упал на колени, увлекая за собой плотно прикинувшую к нему Рууту. Петерис припал к земле.

— Еще хочешь! Следующий будет боевым! Марш назад!

Петерис, внезапно придя в себя, быстро отполз и, вцепившись в рукав Никлавса, лихорадочно зашептал:

— Ну вставай, вставай же, он только попугай, пошли!

Никлавс встал на дрожащие ноги, уцепившись в его локти дрожали Руута и Петерис.

— Со... со... сос! Сотенная обмочилась... — Никлавс вытаскивал из кармана сырую, измятую купюру. — Денежку залапали...

— Плюнь ты на эту сотню, идики! — шипел Петерис.

— Еще и плюнуть! — Никлавс медленно, словно перекурился анаши, обнюхал купюру и сунул обратно в карман.

— Лезем под низ! — Петерис встал на четвереньки, посмотрел между колес, вскочил на ноги и принялся запикивать Никлавса под вагон.

Загудел локомотив, по всему составу, словно отдаленный гром, пробежала волна грохота, и в оступевшем мозгу Никлавса возникла мысль: елки зеленые, этот мерзавец из пулемета шпарит! Резко дернувшись, двинулся бурый вагон, и хриплый голос точно с небес изрек:

— Наверх, а не вниз!

Цепкие пальцы вцепились в воротник Никлавса, втащили, как котенка в вагон, потянулись за Руутой, бережно подняли и поставили рядом с чем-то большим, волосатым и мерно посапывающим.

Поезд набирал ход, Петерис бежал рядом с дверями и, не обращая внимания на протянутую руку, подпрыгивал, как собачонка, которая хочет забраться к хозяину за пазуху. Прыжки не удавались, и он едва не оказался под коле-

сами. «И вовсе войны не требуется, трамвай возьмет и отрежет» — кипящей смолой мозг жгли слова, сказанные инвалидом; он протянул руки и позволил втянуть себя в вагон, как куль с мукой.

— Что распрыгался как дохлая блоха! — сердился мужчина в широком синем халате и вымаранных в навозе резиновых сапогах, отступая в глубину вагона, где в полумраке толкалось стадо телят, короткими веревками из пакли привязанных ко вбитым в стену скобам; густо пахло нечищенным хлебом; мычание и тихие вздохи.

— Святые коровки! — прошептала Руута, ощущая, что сквозь ремешки сандалий, между пальцами просачивается навозная жижа.

— Посторонись! — высоко подняв лопату, из сумеречного конца вагона выскочил их спаситель, подбежал к дверям и с криком «Получай за пальбу!», вывалил ее содержимое на охранника, который, ухмыляясь, созерцал перемещение компании в вагон.

Страж сел на землю, винтовка, описав в воздухе плавную петлю, элегантно, словно созданную рукой художника, проскользнула между железными брусьями моста и, штыком вниз, как гарпун в кита вонзилась в спину какой-то волны.

— Сучьи дети! — вскочив на ноги, страж рукой соскребал с себя перемешанный с сеном трухой коровий навоз. — Хиппи несчастные!

Он заскочил в будку, схватил веник: навоз пригодится, нет хуже без добра, пригодится для садика, который — два на два метра — располагался по другую сторону будки на штабелях шпал, как Вавилонский зикурат, подобно висаячим садам Семирамиды. Небеса, ало окрашенные зарей и городскими огнями, удваивались водами Даугавы, а тут: стебли помидор, вьются подростки-огурцы, рядом же, в зелено-полосатой маскировочной одежде, нежилась гордость и надежда вохра — из семечка, выплюнутого из проезжающего «Шлафвагена» неким мужчиной в расцвете лет, вырос арбузик. Ему-то эта кучка навоза и достанется — питайся да расти! Винтовка вот только, где она там, а ничего — нырнет после и достанет!

— Так этому гаду и надо! — ликовал Петерис, в живых людей стрелять вздумал! А ну как попал бы! Вскрик и тишина... на двоих обоим одну яму роем... Хотя — эта пуля устранила бы все проблемы, перерубила бы сплетенный паучком судьбы Гордиев узел, самому который не развязать, руками, трясущимися с похмелья, никогда не развязать...

— Как в кинчике, точь в точь ковбойский фильм! — незаметно подергивая влажноватые в паху брюки, застенчиво улыбался Никлавс. — Пушка в недрах Даугавы, как Рууте и хотелось, а сволочь по уши в дерьме! Это ж Чингачук! Бросок достойный Гойко Митича! Какой замах, какой полет!

Никлавс отошел от двери и повернулся к Рууте. Та, вместе с вагоном покачиваясь на стрелках, вцепилась в костлявую спину теленка, коричневая шкура которого подернулась аж до недоуздки, над разлохмаченной веревкой которых крупный, покрасневший глаз смотрел, поблескивая, сквозь Никлавса в бесконечность.

— Это же тот дядюшка из бара — шептала Руута. — Ну тот...

— Вот сукин сын! — установив лопату возле стены, Йорген, разворошив сено, отыскал алюминиевую кружку и, обмахнув ту полой халата, зачерпнул из ведра. — А если бы патроны перепутал! Сразу видно, что пороха не нюхал, крыса тыловая, выскочка штабная... Мост он охраняет! Я ему поохраняю!

— Но Йорген, — Петерис всплеснул руками, — это же вагон для скота!

— Ну... — поднеся кружку к губам, бросил в ответ Йорген. — А мне что? Для скота так для скота. Чем мы сами не скот! Жизнь — это просто большой вагон для скота.

— А что ты тут делаешь! — спросил Никлавс.

— Не видишь, что ли: вино пью. У меня тут три с поло-

виной ведра. Хочешь! — он снова зачерпнул и протянул кружку Никлавсу.

Вагон качался и дергался, кружка стучалась о зубы, «Агдам» — мозг автоматически вычислил марку, закусить бы надо.

IV

Йорген, отойдя в глубь вагона, стащил с ходившей ходунком кучи несколько кип сена и разместил их вокруг бочки, перевернутой вверх дном, по которому елозили буханка хлеба и банка консервов.

Мгновение поколебавшись, Руута обеими руками приняла переданную ей Никлавсом кружку и принялась медленно пить. На вкус-то не очень, но теперь — когда все закончилось так хорошо: под ногами желтеет сено, за спиной коровки, и они стремительно покидают столичные пыль и безразличность — она не станет изображать сознательную идиотку, никакая она не председатель совета отряда. Выпить так просто — чтобы согреться и положить на волю течения и поплывет... выпьет несколько глотков и поедет. Вместе с Никлавсом, который так галантно предложил ей кружку и пододвинул ей эту столь чудесно пахнущую кипу сена; вместе с Петерисом, у которого такой интеллигентный лоб и длинные волосы, и он нарвал для нее кувшинки, и нес их и не потерял. Милый Петерис! И этот дядя из бара, чудный добрый дядя приехал в вагоне, вместе с коровками, и остановился, и подождал их... И теперь они поедут все вместе, только...

— А куда мы едем! — спросила Руута, сонно глядя на мелькающие мимо дома и кустарники.

— На восток, — Йорген, передавая кружку Петерису, был краток.

— На Восток... — мечтательно протянула Руута: на Восток вместе со святыми коровами, и ни о чем не надо ни думать ни волноваться, не надо спорить с матерью и выслушивать ее речи: с кем ты связалась, как ты можешь читать все эти глупости, не сиди и не пяльсь в стену, что я людям скажу, сколько ты думаешь так киснуть, молодая ведь, выкинь в печку все эти сказки и на танцы сходи, хоть что ли, и замуж выйди, выйди же наконец замуж! сколько мне на себе еще это ярмо тащить, был бы отец... И так с утра до ночи! Этого бы и святой не вынес! Мать, ну конечно, мать. Лучше бы сама замуж выходила. Так нет ведь! Копит только в шкафу кримплены, янтарные бусы и туфли на высоком каблук. Прочь, прочь! Это судьба, она уедет на Восток и будет сидеть там в заснеженных горах, птицы будут брать корм из ее рук, будут приходиться косули, а рядом будет Петерис с кувшинками... Все будет как должно быть на Востоке...

— Нет, в самом деле, что ты тут делаешь! — вино смыло страх Петериса, он вернул кружку Йоргену и ощущал карманы на предмет сигарет.

— Ну кретин... — Йорген немецким штыком вспарывал консервы. — Не видишь, что ли!! Телят гоно. Бригадир я тут.

— Но ты же... ну это самое... ну... — Петерис неопределенно потряс рукой в воздухе. — Стучишь!

— Стучу я по небу! — Йорген подцепил из томатного соуса кусок рыбы и закинул его в рот. — Так наступал, что скандал на весь околоток. Возвращаюсь как-то раз из «Шкафа» на рогах, но своим ходом. Что-то меня тут и потащило, наваждение какое-то, но оказываюсь в мастерской, беру зубило и молоток в руки и давай за надгробье. И черт меня дернул и высек я этот проклятый знак смягчения. Ну, правда, был уже совсем... Приволокся домой и отключился. Наутро — ничего не помню. Звонит Коля, установил, говорит, он этот камень. Он у меня всегда напарником — я только высекаю, он только устанавливает. Разделение труда, так сказать. А сам об этом проклятым значке — ничего...

— Какой знак смягчения! — сонно моргала Руута.

— Какой, какой... Обычный! — Йорген вытянул короткий и сильный указательный палец и изобразил в воздухе большой крючок. — А через день родственники тут как

тут и ну орать: мерзавец, чудовище, осквернитель праха! В газету написали, хорошо хоть у меня там редактор знаковый — вместе зашибали — не напечатал. В Союз художников фотографию послали. Не мою, конечно, — он рассмеялся — а камня. Со всей этой бижутерией, с розочками-штюльпанчиками и прочей распрекрасной прелестью. С одного края — колоски, с другого — березовая веточка, а в центре, громадными буквами: «АМАЛИЯ ПАКАЛЯ 1901—1978. Покойся с миром». Ну, эта задница покоится себе на здоровье, а я теперь мыкаюсь по свету с телятами! Когда приспичит, так от них не отвертись: господин художник, ах, господин художник! Да как вы сами думаете, да как вам самому лучше кажется, и вы же сами знаете! Нам ведь чтобы все стояли, удивлялись и завидовали. В прямую-то нет, а думали, думали! Эти насра . . . — Йорген покосился на Рууту и трахнул кулаком по стене — наследники. Черный мрамор им подавай, видишь ли . . . потом сами эту черноту откуда-то привозят, черт знает с какого баронского кладбища сперли! Змеями вокруг вьются! Я ведь обычно беру только аванс, процентов тридцать—сорок. Беру и пропиваю. А потом — приступаю, и никто еще не жаловался, и быстрота и качество. А эти! Они же взяли и залпали мне сразу все! Мне что, беру и пропиваю. Все! А на это, что, времени не надо! А после этого работать прилично можно! А они напирают как черная сотня, зудят, как комары на бычьих поминках: мастер, мастер, где ваша совесть, да устыдитесь же . . . Они меня стыдить будут! Меня! Что они все где-то там работают мне до одного места! — широко махнув рукой, Йорген разогнал всех Амалииных потомков и распрямился. — Я сдерживался, крепился и не выдержал! Да подавиться вы своим памятником! Взял и в два дня забацил. Вкалывал, как черт, самой чертовой бабушке лучшего бы не построил! На выставку эту каменюгу тащить можно было, приз получать! Это же конфетка настоящая, яичко пасхальное, а не памятник!

Йорген черпнул в ведре и укоризненно оглядел всех по очереди. Петерис, подобно председателю худсовета, со всем тщанием и всесторонне изучившему памятник и нашедшего его хорошим, утвердительно кивнул головой, и Йорген, передав ему кружку, продолжил:

— Да, но что-то меня все же грызло. Я так думаю, подсознание! — он пошлепал губами, как бы пробуя сказанное слово на вкус. — Да, подсознание и вытасило меня среди ночи в мастерскую. Оно заставило меня подняться, подпоясать чресла мои и направить стопы в мастерскую, где и вырубить эту закорючку. Восстановить, так сказать, историческую справедливость. Потому что ведь что я сделал! — он сурово взглянул на Петериса. — Я вернул одной старой латышской женщине ее настоящее имя, имя, с которым она честно прожила всю свою жизнь, смеясь и хихикая, конечно, но ей это не мешало! А эти, детки и внучоночки, не хотят быть честными латышскими задницами, они кушают на белых скатертях, подтираются финскими салфетками и крадут у своей прародительницы последнюю честь! А мне! Мне они устраивают такое, что не расхлебашь. Я не жалуясь, нет! Ну ладно, в долгах по уши: Коле за установку, за кран, еще то-сё . . . Тыщи три—четыре наберется, но я не жалуясь! Ну ладно, я привязан к телячьим хвостам, но это вот слово — Йорген приуменьшил и тогда с нажимом произнес — эта Задница там пребудет вечно, за свою работу я отвечаю!

— И за этих телят я отвечаю! — он выдрал из кипы, на которой сидел Никлавс, охапку сена и сунул теленку, который, вытянув шею — сколько позволяла короткая привязь — задней ногой чесался за ухом. — Один за всех отвечает. За всех телят в вагоне, а всего их четырнадцать. Или шестнадцать!

Йорген вопрошающе обернулся к Никлавсу, который, зажав в щепоти некое мелкое животное, злобно его оглядывал.

— Э, не все ли равно! — Йорген махнул рукой. — Сколько быть должно, столько и есть.

— Надо пересчитать! — Петерис, вернув кружку Йоргену, протиснулся мимо него и положил руку на коричневую, бархатно-мягкую спину теленка.

— Один — он толкнул животное и сделал, утопая в навозе, шаг вперед. — Два, три — запах хлева становился острее, телята недовольно оборачивали головы и мычали.

— Не один, а одна, дурень! — прокричал ему вслед Йорген. — Это телки. Только в конце два бычка. Я их специально привязал отдельно, чтобы к дамам не приставали.

— Одна, две, три — Петерис побрел в глубь вагона.

— Считай, считай, — бормотал Йорген, — все равно там будет столько, сколько быть должно, и за всех в ответе я, потому что эти кретиньи, бригада моя, как сошли на станции, так все четверо и с концами. Приехали на сортировочную, я диспетчера спрашиваю — стоим сколько! Раньше полуночи не тронемся. Ну, я своим разгильдяям, мартышка старая, говорю «вольно» — до полуночи, только закиньте им сена и хорошенько замкните, чтобы не разокрали. Сам в «Шкаф», принимаю, ровно в двенадцать — обратно. И вот, сижу, а этих — ни духа. Теперь еще ничего, остановились — я в те вагоны, задал сена, воды, основное дерьмо разгреб. А когда через пустыню поедем! Там, бывает, сутками без остановки, жара такая, что рукой к дереву не притронешься . . . У меня же в тех вагонах половина копыта по солнышку протянет. У одного там уже — он указал на двери — в соседнем вагоне, метровый язык высунулся, дышит тяжело. Морская болезнь, что ли? У, сволочи! Все четверо!

— Одиннадцать! — сквозь мычание донесся взволнованный крик Петериса.

— Как одиннадцать! — Йорген свирепо вскочил на ноги. — Четырнадцать их тут было, тебе говорю!

— Одиннадцать, одиннадцать, я сосчитал. А ты — четырнадцать, шестнадцать . . .

— Ну как чувствовал! — Йорген закинул кружку, облепленную нечистотами, в ведро. — Сперли! Три штуки . . . Будто я не знаю, что в каждый вагон грузят четырнадцать! Будто у меня в бумагах не записано!

— Сейчас, я сам . . . — он дернул кверху полу халата, ощупал карманы брюк, приподнял кипу сена, на которой сидел, какое-то время внимательно осматривал пол, будто бы надеясь обнаружить в одной из щелей пропавших телят, которым только свистни и протяни по тощим спинам хворостиной, как тут же пристроятся в ряд с остальными.

— Приподними задницу! — Йорген прикрикнул на Никлавса и, когда тот с трудом распрямил затекшие ноги, отпихнул его кипу в сторону и наклонился.

— Йорген . . . — Никлавс одной рукой взялся за протянувшуюся через весь вагон неощурунную ольховую жердину и подозрительно уставился на взволнованное, покрасневшее лицо Йоргена, на которое спадали седоватые, слипшиеся волосы. — Ты думаешь, они там! — он пригласил голос и глазами указал на кипу. — Под ней!

Йорген разогнулся, мгновение смотрел в перепуганное лицо Никлавса и расхохотался:

— Ну детский сад! Я же фонарик ищю! Надо посмотреть, может отвязался кто и спрятался за остальными. Они так иногда крест на крест перепутываются.

— Фу ты, черт . . . — борода Никлавса медленно расправилась в удовлетворенной улыбке. — А я подумал, у тебя — он покрутил пальцем у виска — помрачение наступило.

— А и наступило бы, так что! — Йорген скривился. — Ты знаешь, что это за телки! Племенные! Рекордная Элита! Ты знаешь, сколько каждая стоит! От тысячи до двух! Если кто сопрет или сама пропадет — платить из своего кармана. То, что они там, в среднеазиатских пустынях как мухи дохнут, что бродят вдоль Каспийского моря, жрут старые газеты и дают пять—шесть литров молока в день — это никого не интересует. Гонят и гонят составами прямоком на смерть, а если хоть одна по пути концы отдаст . . . Петерис! — он неожиданно вскрикнул и, засунув руки в карма-

Здесь в оригинале непередаваемая, увы, игра слов: по-латышски «ракаля» — это «задница», а «Pakala» — без смягчения — просто какая-то фамилия. (Прим. переводчика.)

ны брюк, гордо — будто только что услышал Указ о при-
суждении ему Государственной премии — распрямылся.

Петерис, мотаясь и дергаясь вместе с вагоном, пришле-
пал из его глубины и встал за Йоргеном.

— Этих ты посчитал! — не вынимая рук из карманов,
спросил Йорген.

Петерис заглянул через его плечо, рассматривая зага-
дочно расплывающуюся в полутьме часть вагона, в кото-
рой мрачно высились колышущиеся кипы сена, а под ними,
с двух сторон ограниченные длинными шестью, смиренно,
прижав ноги к животам и вытянув морды в одном направ-
лении, лежали три телки.

— В других вагонах я сено располагаю с одной сторо-
ны, — торопливо рассказывал Йорген, умиротворенно от-
кинувшись на кипах. — Вдоль всей стены. Вот с того конца
до этого места. Оставляя полметра, чтобы было только
где развернуться, и чтобы крайние не переели бы. У них
же ума вовсе нет: пока еда под носом будут жрать, пока
не разорвет. А в этом вагоне у меня салон, — он госте-
приимно улыбнулся. — Здесь я живу. И все тут живут.
Когда добирался до юга, открываем обе двери, едем и
насвистываем. В свои вагоны они только переспать уходят.

— Что! — Руута зябко натянула на колени подол юбки.

— Ну так ведь эти же... — Ах ты, черт! — Йорген
вскочил на ноги и, кинувшись к дверям, занес ногу через
порог. — Надо пойти посмотреть, не оторвался ли там кто.
Высыпется же из вагона!

— Йорген, спятил! — на ноги вскочил Никлавс. — Поезд
же едет, сам вывалишься!

Йорген в позе всадника застыл на пороге, вцепился в
двери обеими руками, поглядел в одну сторону, в другую
и осторожно вернулся в вагон.

— А, по-правде, мне-то что? Я хоть и бригадир, но отве-
чаю только за этот вагон. Какая разница, сдам в конце
рога и копыта, спишут. Ящур там или что другое сочи-
нят...

— Как же можно так относиться к жизни! Это низ-
ко! — Руута пробудилась от дремы.

— Но, девушка милая, мне ведь, и при всем желании,
одному не справиться! — Йорген медленно подошел к
бочке и, зубами оторвав от буханки кусок, принялся его
жевать.

— Это ужасно! — глаза Рууты заблестели. — Но Йор-
ген, ведь вы же так не думаете, вы же этого не хотите,
ведь вы же человек, который... который отвечает за все!

— Я!! Это я-то!! — Йорген чуть не подавился: он да
отвечай за все! — Нет, точка, ухожу в себя!

Никлавс, зачерпнув вина, принялся тормошить бороду:
как же это вдруг — только что Йорген отвечал за все, за
что есть и что будет, за что есть и чего нет. Сам ведь ска-
зал, и глас народа подтвердил...

— Не правда ли, коллега Петерис, — он боднул круж-
кой Петериса — ведь это диалектика: отвечая за все, ухо-
жу в себя.

— Не брызгайся. Чистое бытие, жизнь — это свя-
тое... — важно отвечивал Петерис.

Опять они ерничают, Руута стиснула зубы, всегда и над
всем! Но она докажет, она... она сама ответит за все!

— Я поеду сама и сохраню их жизни!

— Молодец девчонка, настоящий парень! — Йорген
моментально вернулся в мир. — Чего там! Не в Сибирь же,
а ведь и туда многие попадали, а некоторые даже и верну-
лись. Поехали!

— Дай пять! — он протянул ладонь, и Руута протянула
свою, значит так и надо, так и надо, телят пастушка в рощи-
це пасет, а на березке пташечка поет...

— У тех троих парней девица тоже была. Погоди, куда
я дел... — Йорген извлек из внутреннего кармана сюр-
тука четыре паспорта, раскрыл один, взглянул на фото-
графию, на Рууту и удовлетворенно констатировал: — Ну
точь в точь Даце Филькенберг. Вот, взгляни.

Руута долго всматривалась в чужое лицо. Как она могла!
Женщины, ее призвание рожать и охранять жизни, ей до-
верены были эти неразумные божины твари, в своей сле-

дующей кармической жизни стать которые могли Эйн-
штейнами! Как могла оставить их на произвол судьбы!
Но, быть может, через эту Даце Филькенберг мерцающий
Кришна проверяет ее, Рууту, ее любовь ко всему живому,
к всякой букашке, божьей коровке, коровке, теленочку!
Кришна, защитник пастухов и скотоводов! Да, все верно.
Да, конечно, она пойдет и исполнит свой долг!

— А вы! — ободряюще похлопав громадной лапицей
Рууту по плечу, Йорген обратился к остальным.

Никлавс помрачнел, только что все было хорошо — они
ехали неизвестно куда, без цели, как одуванчиковые пара-
шютики, кругом сено, снизу — соломенная подстилка, ря-
дом — несколько ведер с вполне сносным напитком, где
хочешь — сойди и ступай куда хочешь. А теперь! Привя-
зать себя к этим телятам! Он, городской парень, который
хорошо если у теленка морду от хвоста отличит, он, у кого
теперь неприятностей не расхлебать! Так что же, он,
Никлавс Роде, золотоискатель с Аляски, охотник за орхи-
деями в джунглях Амазонки, старый ковбой и траппер,
стал стар! Нет, едрит-твою-налево, концерт еще не окон-
чен!

— Веди нас, вождь народов! — Никлавс протянул ру-
ку, и Йорген, как туза, вставил в нее один из паспор-
тов. — Мы вырыли свои томагавки! Мы идем, Джон Браун!
Слава, слава, аллилуйя... — затянул он.

— В своем воскресном пиджаке! — подтянул Пете-
рис. — Давай и мне! Телята так телята... — что ему те-
рять! Свои цепи, а! Янитисов, место истопника! Ну появля-
ется еще запись в трудовой книжке, какая разница! — Эй,
Никлавс!

— Ты ошибаешься, — Никлавс раскрыл паспорт. — И
мои родители ошибались. Я... О, черт, Николайс Упитс!
Почти классик!

— А я — Петерис вертел в руках оставшиеся паспор-
та. — Я Арчибальд Суна. Тут еще, правда, Петерис Марке-
вич, но из Петериса в Петериса превращаться, что за кайф!

Он встал и, подойдя к ближайшему теленку, пошлепал
паспортом по мокрой, серо-багровой морде и принялся
слюсюкать:

— Му, му, му... узнаешь! Похож я! Теперь я погоню
тебя на восток так, что пыль клубиться будет. Я, Арчибальд
Суна!

Теленок протяжно вздохнул и потянулся к паспорту
длинным острым языком.

— Ты смотри, какой шустрый! — Петерис отдернул ру-
ку, и животное недовольно замычал.

— И-и, и-и — дразнился Петерис, запихивая паспорт в
карман. — Что ты, телок дурной, в паспортах смыслить!
Ты вообще знаешь, что будет, если паспорт посеять! И как
получить, знаешь! Не знаешь, вот и я не знал. Паспорт...
как я был счастлив... я думал, вручат торжественно,
что-нибудь пожелают, цветы, красивые девочки стишки
прочтут. Ничего! Заставили расписаться и содрали два
рубля. Ну ничего, теперь зато начнется эта взрослая жизнь,
все дороги открыты... Вы думаете, со мной начала дру-
жить какая-нибудь киноактриса! Сказала подождать!
Даже девчонки в школе продолжали дергать за рукав и
обзывать верблюдом...

— Ну, это вовсе не так глупо! В тебе, Петерис, и вправду
есть что-то от верблюда... такое прохладное благород-
ство и выражение на лице, будто у тебя постоянно то ли
живот болит, то ли штаны полные. Что-то такое аристокра-
тическое... Я этих девчонок понимаю! — Никлавс, согла-
шаясь со сказанным, задумчиво покаивал головой.

(Продолжение следует)

Авотс

МАРИС ЧАКЛАЙС

ДОРОЖНЫЕ ТЕСТЫ

1

Мне вспоминается сон или юность.
Была тропа в старушкиной корзине,
нет, множество различных троп и тропок,
и просек и проселков с большаками;
шоссе там были с пряжками мостов
и побеленные полотна магистралей.

В корзине рылись мы довольно долго
и приценились бы, но только ветер

остался от корзинки да глаза
старушкины: чета зеленых листьев,
однако выбрать я успел дорогу,
где гравий под копытом лошадиным
скрежет и под солнцем вязну я.

2

Ты откуда на дороге, ключик?
Ты смешишь прохожих или учишь?
Нет, спасибо! Не было печали!
Я своими обойдусь ключами.

Вдоль дороги ключики-зеваки,
словно вопросительные знаки.
Множатся ключи-цветы, звеня:
ты сорви меня, сорви меня!

Прежде чем дальнейший путь поманит,
ключ уже звенит в твоём кармане.

Рёбра отпер ключ тебе и что же?
Знаешь ли? Ты светишься, прохожий!

3

Полдень,
но уже мы у порога;
в каждом доме
радости так много;

ключ не нужен,
и звонок не нужен;
ты войдешь,
и ты со всеми дружен.

Холодильники
на каждом повороте,
в деревянных клетках
франтихи-телетёти.

Ягода — звонок . . .
Ты тронь его попробуй!
Что-то рядом запыхтит
радушною утробой.

Одиночество погаснет
в приступе веселья,
и душа поднимется
по стельку коктейля.

Вот очарованье
счастия двойного!
Как же это просто:
войти и выйти снова.

4

Дайте человеку напиток!
Глина — лес; оттуда летучие чашки;
у чайников клювы, как у пеликанов,
ручки — лебединые шеи;
конкурс красоты да и только!

Дайте же, дайте напиток!

Сервизы словно экипажи
английской и японской работы;
красуются китайские драконы
и латышские ромашки.

Где же взять стакан воды?

Вот хрусталь с небесным отливом,
шедевр чешского искусства,
Вот ваза — гондола,
вся в солнце каналов.
А я просто хочу пить.

5

От солнца, дорога-шрам;
возносятся озера к небесам.

Вверх тянется река, вдали синяя,
и каждая канава вместе с нею.

А пруд взлететь не может в липком сне,
он в неподвижной ряске закоснел.

И паруса повисли в жалкой хвори.
Где ключ, которым отпирают море?

Лишь мельница, муку гоня клубами,
Во сне глядит и шамкает губами.

Когда судьба влечет иных на землю
и кто взлетает ввысь, кто сладко
кто падает, кто бредит, кто блуждает,
в час призраков лишь стойкий побеждает.

6

— Дяденька, белый ты дяденька,
зачем из глубин явился ты?

— Чтобы ты больше не маялся,
чтобы со мной остался.
(Ты травянисто-зеленый,
хотя бы отмылся, что ли!)

— Тень ты вечно отбрасывал,
стань же кирпичиком-тенью.

— Сейчас, когда я сведущий,
сейчас, когда выбор сделан?

— Ты подготовился, стало быть?
Пора тебя брать, готово.

— Нет, старик, отправляйся,
вымой седую бороду.
Слишком, старик, ты зелен,
чтобы тебе поверили.

Мы с тобой повстречаемся
там, где корни встречаются:

но пока еще ключ в руке моей,
и бьет из глаз моих жизнь.

7

Мне вспоминается сон или юность.

Однако миновали оба сна,
и не осталось ни ключа, ни дома,
лишь духота гнетущая осталась;
вихрь намечается за перекрестком.
Вопрос. И новый тест. И никакого
сна больше никогда.

Знаксергс
Клabc

Фото ЮРИСА КРИВИНЬША

порою всплывает в памяти вечеринка
на которой я был
мелодия поселковой попгруппы (название я
позабыл)

солнечным было то лето
а дождик теплым до слез
и под ногами одиноким скелетом
качался вантовый мост

по речке пустой до сих пор Харонова лодка плукает

так запахи сено сплетает
как только поляну скосят
где мы и кто мы такие
правды не говори если спросят
соври лучше бросить кость им
завесить лапшой уши

вот и рассудок слушай не слушай
как насморк пройдет незаметно

раз звездный лодочник ближе к рассвету
весла через плечо перебросит
и только случайно раскрытым секретом
росу ботинки уносят
месяц протягивает тебе руку
ночные бабочки (счетом восемь)
садятся в рубашку кто мы друг другу
правды не говори если спросят

Клава Эйсбергс

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА ОСТРОВЕ

РАССКАЗ

В середине зимы над Луцвалсолой серой тряпкой висит тишина. Снег такой чистый, что даже слепит глаза, но, взглядевшись попристальнее, видишь городскую копоть. (Копоть — она всюду.) Под яблонями следы зайцев. Зайцы идут по застывшей Даугаве. И откуда они здесь берутся — почти в самом центре Риги? Эти ушастые?

Под серым бесснежным небом приходит конец давно замерзшей безымянной яблоне и старому смородиновому кусту. Не очень-то слушаясь бабушкиных наставлений, я уничтожаю их при помощи топора и пилы. Ирена сносит в кучу скрученные предсмертным ужасом сучья-руки. Пальчики хрупкие, ломаются, сыплются в снег. Все это весной пожрут маленькие жадные язычки пламени. Пепел исчезнет в грядках.

Экзекуция происходит не без юмора. Бабушка хочет, чтобы от яблони я оставил довольно приличный пенек с отростками во все стороны. «Будет, как у больших господ», — говорит она, лукаво глядя на нас. Должно быть, это от Ба все в нашей семье такие эстеты.

У безымянной яблони были горькие яблоки, которые становились съедобными лишь к Новому году. А, в общем, я ее недооценивал. Да что уж там. Сад — существо, подлежащее хирургическому вмешательству.

А человек в еще большей степени.

Из зарослей ивы вылезает знакомая кошка в белой манишке. Живот вечно по земле волочит. Героическая кошачья мама.

Подходит к нам. Бабушка хватается за кошку, сейчас понесет в будку кормить говяжьей печенкой. Но не понимающий своей выгоды зверь начинает царапаться и вырывается. Попытка удачна — кошка убегает обратно в кусты, а рука бабушки вся в белых царапинах. Показывается кровь.

Куда же, однако, через пять минут девается вся кошачья гордость? Тайком, ползком она продвигается в сторону будки. Старая голодная охотница. Ах, я, кажется, передумала. Ах, я сразу не сообразила. А что это здесь такое разбросано? Говяжья печень? Думаете, мне очень нужно?

«Не жрет, бандитка!»

«Ничего, потом все сожрет».

«Ну да! Хотя, может, и сожрет. Специально купила для нее печенку, а она не ест».

«Она ведь могла забрести куда-нибудь и не прийти к тебе. Что бы ты делала с этой печенкой?»

«Как это не прийти, когда прийти».

Мне нравится эта простая фраза.

Кажется, я обещал раздобыть обрезки досок и огородить малинник, чтобы не разваливался.

Пришел май. Я сторожил мастерские в Задвинье, почти рядом с железнодорожным мостом. Как-то вечером собрал подходящие куски, обвязал бельевой веревкой, зашпилил изнутри ворота и перелез через забор. Придя на остров, толкнул дверь будки (замок давно испорчен), скинул ношу и полез под скамейку за старым молотком. Пола у будки нет. Под самой скамейкой побеги малины, порочно бледные — неудавшийся продукт темноты — и всюду снуют жирные пауки.

Пауки живут повсюду.

Заборчик вышел просто прелесть.

На этой скамейке я однажды пытался уснуть. Лет восемь назад это было, туманной декабрьской ночью. Хлопая дверьми и чертыхаясь, я выскочил из квартиры.

Зрелость уже пустила ростки во мне и зацветала, как каштан, сдерживая свою злость я не мог. Я ушел из дома.

Таких друзей, у которых я мог бы остаться на ночь, у меня не было. Решил пойти на остров. В кармане был рубль — на кофе с утра и на кино. Огромный вопросительный знак маячил передо мной в тумане, щетиня загорбок. Хмурый, усталый, добрел до острова.

До сих пор стыдно — я, выросший и облазивший здесь все закоулки, в ту ночь чуть не проскочил мимо бабушкиного сада. Помню, шел между участками — всюду тихо, пустынно, там-сям чернеют пачки яблоневых стволов — вдруг останавливаюсь, как от окрика, оборачиваюсь — и впрямь вижу у себя за спиной сад Ба в тяжелом бесснежном сне. Прохлопал место, которое должен был найти с закрытыми глазами. Нехорошо.

Луцавсала состоит из речного аллювия — внизу темно-ржавый песок, а сверху жирная смесь песка и глины, довольно плодородная. Поверхность острова, большей частью ровную, в нескольких местах пересекают старые русла ответвлений Даугавы.

Возле одного такого русла и расположен сад Ба. Лет так восемнадцать назад (мне сейчас двадцать три) оно еще не успело зарости полностью, и там вечерами оглушительно хрипели лягушки. По краю русла росли ивы — они, должно быть, и высосали всю влагу.

В сухое лето к ним легко было подобраться. Я частенько вламывался туда внутрь, в самые заросли, путаясь в нанесенной весенним паводком жухлой траве. Я был маленький мальчик и принимал лозняк за дремучий лес, где спит заколдованная принцесса. Возбужденный близостью тайны, я разговаривал с нею, молитвенно складывая руки. Когда же у меня было воинственное настроение, то я, особо не спрашиваясь, залезал на черную ольху, что росла посреди ивняка, рвал ее твердые черные шишечки и швырял их в шелестящую гущу листвы, пришепывая: «Тынкш! бандиты, тынкш! убийцы, руки за голову, выходить по одному — всех зарюю в навозной куче!»

Со старым руслом связано еще одно островное переживание. Был прохладный сентябрьский день. Я шлялся без дела вокруг участка, пока не набрел на яму, из которой иногда черпали воду. Она вовсе не была глубокой. Сверху собрались стебли травы, разные сучки и прочая мелочь, образовав что-то вроде коврика. Воды почти не было видно. Не знаю, что на меня нашло, но я решил наступить на эту коричневую подстилку. Во-первых, может, и выдержит. Во-вторых, раз уж воды не видно, может ее и вообще нет. Высшая степень эмпиризма. В воде по горло. Стою, ору, как черт в западне. Из ямы не лезу. Наверное, боялся провалиться еще дальше.

Примчалась Ба, протянула мне руку и вытащила обратно на землю. Ну, момент был — сумасшедший спринт Ба. Надо же, внучек ко дну идет. Невероятно, бегущая Ба.

Бедный маленький солдатик.

Сад Ба находится неподалеку от Биекенгрависа, а на другой стороне острова, на берегу Малой Даугавы, метра на два вверх вытянулась гранитная пирамида — памятник четыремстам павшим во время Северной войны русским солдатам.

Когда плыли на остров на пароходике (это был для меня всегда маленький праздник), один раз вышли на берег осмотреть памятник. Я тогда, понятно, не знал, кому он поставлен — да и Ба забыла. Чудачество предков? Филиал Братского кладбища на острове садового изобилия?

Через этот памятник открылась мне дверь в историю.

Спилвская битва (9 июля 1701 года) продолжалась недолго — часа три, не более. Прикрытые дымовой завесой, шведы переправились через Даугаву и на левом берегу врубались в объединенное русско-польско-саксонское войско. Шведы хотя и взяли верх, но их предводителя Карла XII преследовали разнообразные неудачи. На берег он выпрыгнул лишь четвертым, а не первым (большой позор для одного из последних монархов, самолично

употреблявших оружие), а после на Спилвской поляне потерял свой легендарный сапог.

Горожане, вскарабкавшись на крыши домов и мачты кораблей, восхищенно кричали и хлопали в ладоши. Тому, кто в наше время изучает основы гражданской обороны, такая война показалась бы игрушечной.

Однако жестокость была неигрушечной, и трупы остаются.

То, что случилось после битвы, было ужасно.

«Саксонцев объяла паника. Они бежали вверх по Даугаве (. . .) За спиной остался остров Луцавсала, на который в первых числах июля на лодках и стругах были доставлены отряды русских. Брошенные на произвол судьбы, около 400 русских солдат стойко держались до последнего челоука еще день и следующую ночь».

Им-то и поставлен памятник, единственный на этом безмятежно цветущем острове.

Я почтил их память, как умел. Случилось, что однажды я привез на остров милое мне существо, и мы минутку посидели у гранитной пирамиды, обдуваемые весенним ветром.

Давно это было. Речной аллювий стал еще плодороднее. Победоносный, безумно увлекающийся Карл XII в синем солдатском мундире с медными пуговицами. Легендарный черный платок на шее. Длинный-предлинный меч в руке.

В руке шест плотгона. Другой Карл. Другие времена. Я уже на плоту. Плыдем по Биекенгравису за водяными лилиями.

Водяные лилии я воспринимал тогда как некое сгущение текущей воды. Я подолгу лежал на бревнах и нюхал воду Биекенгрависа (ничем не пахла), пробовал ее (и ничего плохого со мной не случилось) и пытался прикоснуться щекой к гладкой поверхности воды, но ничего из этого не вышло, щека вновь и вновь целиком оказывалась мокрой. Помню, страшно удивлялся жукам-водомеркам, тому, как легкими рысками перебежали они по водной глади. И не очень верил Христу.

Брат матери Карл манипулировал длинным шестом, я лежал и кайфовал, жуя стебелек лилии. Только не спрашивайте меня, какой от этого может быть кайф, понятия не имею. Карл насвистывал «Kā lai šonakt vienaldzīgi klusē». Цирк начался, когда мы приблизились к причалу для плотов. На причале стоял старик. Вид у него был грозный. Я перепугался.

— Послушай, скажем ему, что он сам спер свои бревна, да? Вор у вора дубинку украл, да? Ну что ты сам только что говорил?

— Стоп, стоп, потише,— Карл невозмутимо правил к берегу. Напрасно я греб маленькими ручонками, стараясь увести плот с намеченного курса.

Но на берегу наглядно подтвердилось то, что неправильно поставленным вопросом человек лишь выдает себя самого.

— Не вы ли те парни, о которых мне рассказывал Казимир? — спросил грозный старик.

— Те самые,— отозвался Карл.— Его лучшие друзья. Мы сочинили две строчки про старого Казимира и его плот. Вот такие две строчки:

Если кто-то плот сопрет,
Казимир, скажи, помрет?

Кроме Казимира, на острове обитали и другие серьезные личности, например, старик-сторож, который, бывало, завидит какую-нибудь садовую даму, копающуюся в грядках (попа в воздухе, как телевизор), и орет: «Бог в помощь, тетенька!» «Ах, плешивый черт (дурак, леший, поганец!)» — обычно следовал ответ. Иногда он спрашивал: «Ну, и когда же будут готовы карточки?» — что тоже относилось к приподнятому над грядкой телевизору. Этот могучий вопрос будет оценен мной должным образом только лет десять спустя.

Кстати, о барышнях с грядок. Замечу, что сад, в котором Ба ковырялась уже тридцать лет, вовсе не был золотым дном. Цветы у Ба расцветали всегда вовремя, когда на Матвеевском рынке их было уже полно, и цены падали.

В середине шестидесятых над островом со стороны Румбулы стали простреливать сигаровидные самолеты — наверное, не такие быстрые и ловкие, как сейчас, однако достаточно впечатляющие для мальчишки. Я наловчился задолго предчувствовать их появление.

Бывало, копаюсь себе, вдруг испуганно поднимаю голову — летит, только пока не слышно. Вскрываю, бегу к Ба, прячу голову в юбку.

Позже привык, не боялся смотреть — ну дает — уже там — уже над будкой — и тут приходит запоздалый звук. Ааа! Брр-у-у!

Imagine all the people
living life in peace

Неплохо было бы.

Иногда этот звук заставлял меня в кустах смородины. Все кусты у Ба были с так называемыми белыми, а на самом деле желтыми ягодами, которые, впрочем, от этого не хуже, а даже слаще, чем красные. С малиной все обстояло наоборот, у Ба вся малина красная, желтой нет. Тут же рядом — к счастью — соседские кусты: красная смородина и желтая малина. И никакого забора — на Луцавсале нет заборов. Случалось, пока строгий взор Ба блуждал в противоположной стороне, я тайком познавал мир в непрерывных сравнениях.

Воду для поливки огорода можно брать в разных местах. Под ивами, например, три ямы — и одна из них так хорошо знакома. Летом ямы высыхают, остается лишь немного мутной жижи, по которой бегают водомерки. Шага в шестидесяти вверх по дороге колонка. Настоящие мужчины ходили к ней босиком, голыми пятками по шлаку. Вода из колонки была здорово холодной и содержала много железа. Поэтому я ее не пил, боялся, что из растворенного в ней железа в животе может образоваться какой-нибудь гвоздь или шуруп — и тогда станет тяжело, просто невозможно какать. Самую лучшую воду брали из Биекенгрависа, и идти туда было интересно: по берегу росли сочные травы, пятки щекотала жидкая грязь. Была середина шестидесятых, противоположный берег был песчаным, там купались большие мальчишки из Задвинья. Я еще не умел плавать.

Водой из Биекенгрависа мы умывались по вечерам. Я нехотя натягивал свои коротенькие штанишки, сокрушаясь, что у нас на участке нет такого дома, где можно переночевать. Возвращались уже в сумерках — когда у маленьких солдатиков уже начинают слипаться глаза.

Помню еще одно происшествие на острове, которое больше походит на дурной сон.

В огороде у Ба росла пара подсолнухов. Мне пришло в голову проследить, как они будут поворачиваться вместе с солнцем. Терпеливо сидел, смотрел и увидел — и тогда позвал Ба. Она не отзывалась, она куда-то пропала. Я побежал на дорогу, вниз, к лозняку — и нигде, нигде ее не было — я плакал и заходил криком. Мир оказался выстроенным из множества мелких, подробных, переливающихся на солнце предписаний для безоблачного существования — и вот он рушился на глазах.

Когда вернулась Ба, я уже посинел от крика.

Где же ты была, на каких собраниях товарищества садоводов ты сидела — шестидесятые уже на исходе.

Как-то ночью (не так давно) у меня сочинилось небольшое стихотворение про Ба. Примерно такое:

В жизни ее так много теней,
падают в разные стороны.

Есть черные дни, но светлых дней
если не больше, то поровну.

В светлых тенях мы сами, как птицы,
другие от черта идут.

Одна-одинешенька копошится
Ба у себя в саду.

Дедушка воевал на войне
и в Англии заболел.
Эта тень могла быть длинней,
а вот коротка, как мел.

Я жизнь сквозь сито просею
и вытянусь тенью четкой.
Ну, а потом облысею
и буду тенями зачеркнут.

Детская ручка отметит мою
резкую черную тень.
Крови ночную заклеит струю
пластырем, белым, как день.

Жизнь оделяет нас опытом, но
по ветру гонит судьба.
В тени малины — ах, как давно —
я бегал за милой Ба.

Мы, дети и внуки, не всегда обходились
с Ба, как должно.
Что ж делать.

Остров частично затопляется водой. Чтобы не разворотить дороги, в низких местах их засыпают шлаком, битой черепицей, обломками кирпича и другим более или менее твердым мусором.

Я бродил по дорогам и выискивал себе машинки и драгоценные камни. Машинками у меня считались осколки печных горшков с лепными завитушками. На плоскую часть я клал груз, а в завитушке сидел маленький шофер. Драгоценные камни были кусочками твердого стекловидного вещества, что встречается среди шлака. Они слегка напоминали уральский хрусталь на маминой книжной полке.

Я был начальником большого предприятия. Крупные камни обычная машина-черепок везти не могла.

Пришлось самому превратиться в грузовик. Целыми днями я бегал, гудя без остановок.

В один прекрасный день остановился и сказал Ба: «Я испортился». Конечно, я не был испорчен. Просто я стал на одну ступенечку старше.

Уже было сказано, что той голой зимней ночью я почти проскочил мимо бабушкиного сада. Опомившись, в смиренности направился к будке, как к божьему храму. Я хотел укрыться в ней ото всех хотя бы на одну ночь — в середине века преследуемые скифальцы тоже прятались в обителях бога.

(Меня преследовал мой переходный возраст.)

Я вынес из будки все имущество и пытался устроиться на полуразвалившейся скамейке. Месяц, на котором живет теперь та девчонка, освещал мои бесплодные усилия. Я не учел того, сколь кошмарно я вырос. У мальчугана ножки болтались аж в полуметре от будки.

И спустя мгновение вдруг стало страшно-страшно-страшно холодно. Наверное, я задремал и тут же промерз до костей. Зуб не попадал на зуб.

В летних будках, будках детства не ночуют взрослые и высокие. Снова сложил на скамейку пакеты с минеральными удобрениями, кулечки с семенами и прочую чепуху.

Меня исколол раскидистый куст крыжовника, который рос на месте моей бывшей песочницы.

Это очень странный куст. По крайней мере, мне он кажется таким. Он вроде бы несомненно там растет, и в то же время его там нет.

И если он все-таки там растет, то как он может так расти — прямо из моей головы?

ЖЗЛ ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, МНЕНИЯ*

Известный в свое время адвокат Плевако взялся защищать одного крупного ростовщика, обвиненного в мошенничестве, заявив, что построит всю защиту на двух фразах. Получив слово, он сказал: «Господа присяжные, мы все часто пользовались кредитом этого человека, беря в долг на его условиях, а сейчас хотим взять его свободу. Как благодарные люди, мы должны и на этот раз позволить ему указать свои условия». Значительно повеселевший суд тотчас согласился, а мошенник попросился немедленно домой. Оттуда и пошла условная мера наказания.

Репино. В доме художника.

Первая мировая война действительно началась с убийства эрц-герцога австрийского Фердинанда в захолустном городке Сараеве.

Лемболово. Возле дачи.

Однажды на совместном пленэре Дерэн с Вламинком поспорили — кто раньше нарисует пейзаж. Закончив рисовать одновременно, они с удивлением обнаружили перед собой две абсолютно одинаковые работы. Обнявшись, друзья продолжили занятия живописью.

Павловский парк.

Сезанн, великий французский живописец, отличался крайней вспыльчивостью. Едва закончив картину, он набрасывался на нее и изрезал в клочья острыми мастихинами. В результате редкий музей сейчас может похвастаться законченным полотном мастера, имея при этом массу неоконченных шедевров. При такой замкнутости характера Сезанн мог броситься с мастихином даже на человека. Известно, что Ван-Гог, очень уважавший художника как художника, пытался с ним познакомиться, и впоследствии они даже встречались.

Планерное. На море.

Бунин встречался с Маяковским за обедом у Бриков. Выглядело это так: Маяковский подходит к Бунину, уже признанному тогда главе русских писателей, берет у него из тарелки кусок и отправляет себе в рот. Не говоря ни слова, Бунин берет тарелку и опускает пролетарскому поэту в карман вместе с содержимым, предложив позже подкрепиться еще. История эта, начавшаяся столь жизнерадостно, окончилась трагедией для русского человека. Бунин умер в крайней нищете вдали от Родины.

Зеленогорск. Ресторан «Олень».

Екатерина II переписывалась с Вольтером довольно долгое время, веля при этом дневники откровенного содержания. Другие известные истории дамы вели только дневники, да и то не все. Все переменяла революция.

Зеленогорск. Ресторан «Олень».

Дали, рисовавший параноидально-шизофренический бред на своих картинах, не отличался здравым смыслом и в повседневных поступках. Однажды он приехал в Париж специально для того, чтобы пройти под окнами Пикассо, другого знаменитого испанца, который в это время у себя в ателье сосредоточенно работал над очередным шедевром и настолько углубился в работу, что не заметил шума под своими окнами. Не состоялась встреча, могшая многое переменить на лице современной живописи.

На конференции профсоюзных работников жилищно-коммунального и бытового хозяйства. Клуб завода «Вулкан».

Бурдель, чьи скульптуры украшают площади и парки Парижа, учился в свое время у Родена, но ушел от него, чтобы учить наших Шадра и Мухину, которые оставили по себе плеяду талантливых учеников и последователей. Роден же учителей не имел и, по завету своего великого современника Сезанна, учился у природы.

Осиновая роща. На прогулке.

Этнограф и исследователь чукотского быта Овчинников в одну из экспедиций обнаружил в тундре племя пастухов, вождем которых был белый человек, отличающийся от всех красивым телосложением и греческим профилем. Сходство подчеркивала туника, одетая поверх обычной пастушеской одежды, и лира, применяемая им при камлании. До сих пор никаких этнических связей между чукчами и древней Грецией больше не обнаружено. Эта загадка еще ждет своих Колумбов.

Выборг. На заливе.

Эразм Роттердамский любил разговаривать с путешественниками о дальних странах и чужеземных обычаях. Но однажды, слушая рассказы Васко да Гамы об Индии, не поверил тому и написал ставший знаменитым трактат «Похвальное слово Глупости». Имея в качестве мыслителя большой вес в Роттердаме, он выходом своей книги значительно приостановил развитие торговых отношений Голландии с Индией морским путем, что позволило Англии захватить первенство и стать владычицей морей.

О-в Декабристов. На заливе.

Французский импрессионист Писарро, работая на пленэре, не ленился подойти к изображенному кусту или стогу сена для внимательного и всестороннего их изучения, только после того начинал их писать. Состарившись, художник уже не мог выезжать на пленэр и рисовал городские пейзажи прямо из окна своего ателье, бытовавшего в одной из мансард Монмартра. Но сила привычки заставляла старика выгнать на улицу, останавливать и подвергать всестороннему анализу каждого прохожего и каждый экипаж, долженствующий быть запечатленным на полотне, что придавало, да и до сих пор придает картинам Писарро необыкновенную живость.

Пл. Искусств. В музей-квартире художника.

Натуралист Дарвин был свидетелем трагического случая, произошедшего в Лондонском зоопарке, где на глазах старика расшвырявший оранг-утан растерзал служителя, убиравшего в клетке. Этот случай заставил усомниться великого ученого в торжестве его теории о происхождении видов. А последовавшее затем развитие генетики, появление парапсихологии и телекинеза довершили начатое оранг-утаном, определив теорию Дарвина как частный случай экологического равновесия. Совесть ученого и честолюбие боролись в душе старика, отравляя последние дни его жизни, мешая дальнейшей работе. Дарвин умер в нищете и забвении вдали от Родины.

Усть-Нарва. Возле дачи.

Американский композитор русского происхождения Стравинский в конце жизни, болезненно переживая удаленность от Родины, практически прекратил занятия композицией, вел уединенный образ жизни, стал нервным и раздражительным. Чтобы избавиться от докучливых учеников и почитателей, этот педант оставил у себя в кабинете несколько метрономов, воспроизводящих разные ритмические рисунки, имитируя процесс творчества, а сам, иногда в обществе другого великого русского, Рубинштейна, уходил в дальнюю комнату и просто пел знакомые с детства мотивы. Чудачества мэтра, благодаря вездесущему американскому репортеру, получили огласку, и даже уважаемые журналы печатали статьи о новой теории композиции, основанной на

* Фрагменты (прим. ред.).

наложении различных ритмов при полном уничтожении мелодичной канвы, распространяя по всему миру высосанную из кончика самописки сенсацию. А любимой песней Стравинского до конца жизни была русская «Дубинушка».

Дома. У камина.

Основываясь на строках известного стихотворения Пушкина «Памятник»:

Поднялся выше он главою непокорной
Александрийского столпа, —

группа молодых ученых-энтузиастов из Пушкинского дома выдвинула в свое время предположение, что в образе архангела Гавриила, держащего крест над Дворцовой площадью, запечатлен сам Пушкин, и что Александрийский столп является конкретным воплощением гениального поэтического образа, но низкое качество фотосъемочной аппаратуры того времени не позволило провести детальный научный анализ, позже начатую работу остановила война. Это, безусловно, спорное предположение, однако мощно аргументировано как уверенным тоном поэта, конечно же знавшего, о чем он пишет, так и близкими сроками установки памятника и сочинения «Памятника», что позволяет предположить знакомство Пушкина и автора статуи. Таким образом, мы могли бы стать обладателями еще одного памятника нашему гениальному соотечественнику — и как знать?

Мойка. Перед Спасом.

Синякова, четвертая из первых Председателей Земного Шара наряду с Хлебниковым, Петниковым и Кручёным, в конце жизни увлеклась китайской шпалерой. Однажды, укутанная в одну из них, Уречина пригласила на чай с тортом Потапова с Бугаевым, который пришел в американском нижнем белье и, не снимая пальто, съел два куса торта, а остальное, с добавлением чая, использовал для написания живописного экспоната на любимой шпалере старушки, чем взволновал ее юношеское воображение — а председатель повидала много настолько, что, с первой же чашкой чая, Синякова-Уречина передала артисту парампору Председателя Земного Шара, не преминув воспользоваться помощью Потапова, чтобы, тотчас, стереть искрометный всплеск бугаевского воображения с любимой шпалеры и вытащить из ванной комнаты новоизбранного Председателя, который, по-прежнему не снимая пальто, принимал душ. «Она спасла свою шпалеру, а я спасал свое шведское пальто», — небрежно обронил он Потапову уже дома.

Никитские Ворота. У дома-музея писателя.

Немного из быта Чукотки. Овчинников, в бытность свою начальником Фольклёрной экспедиции, наблюдал обряд вступления в шаманство одного из юношей пастушеской общины, предназначенного в шаманы; как описывает Овчинников, с детства, только по тому, что он — по словам членов общины — не принимал участия в общих играх и общинной деятельности, но уходил в тундру, где нюхал цветы, изучал растения в районе стойбища, что — как утверждают старожилы-пастухи, является признаками будущего шаманства, поэтому таким детям — по наблюдениям Овчинникова — община не мешает, но все ждут, когда такой ребенок объявит себя шаманом, что, собственно, и происходило в описываемом Овчинниковым случае. Овчинников сидел за общим столом с остальными членами общины, когда встал юноша и сделал объявление о вступлении в шаманство, затем спокойно сел на свое место; всем, в том числе и Овчинникову, была роздана еда, затем община приступила к обычному ужину, и что наиболее характерно, как замечает Овчинников, для описываемого обряда — это полное отсутствие мистицизма.

Дома. У камина.

Геродот, описавший быт скифов Причерноморья, много путешествовал по этой местности, пытаясь обнаружить стойбища кочующих воинов. Однажды, заручившись приглашением царя скифов, Геродот отправился в степи Приднепровья, радуясь возможности ближе изучить быт и обычаи кочевников, но, проскитавшись полтора с лишним года по дикой степи, исследуя, только что или давно покинутые стойбища кочевого племени, и находясь на грани жизни и смерти, послал царю нарочного с просьбой указать местоположение императорского стойбища, дабы воспользоваться приглашением и гостеприимством его высочайшей особы. Ответ, полученный немедленно, гласил, что он, Геродот, вот уже полтора с лишним года пользуется гостеприимством царя скифов, ибо домом кочевника издревле была дикая степь, а сам он, Геродот, до сих пор жив, равно как и его свита, что служит подтверждением радушия хозяев. Этим фактом можно объяснить скудость описания быта не только скифов, но и других древних народов.

Колодезь. Перед прудом.

Некрасов, выиграв как-то в карты 126 (сто двадцать шесть) душ крепостных, тотчас дал всем вольную, а сам оставался жить в пустой, необставленной, квартире в наихудшей части Литейного проспекта, терпя нужду и лишения и до конца жизни нося единственный шарф, связанный еще руками его матери.

У Литейного моста.

Художник Бурлюк, в период становления русского футуризма, был несколько озбочен слабостью поэтического крыла нового направления. Его знакомый по Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества, будущий художник Маяковский, как-то раз написал одно стихотворение. Узнав об этом, Бурлюк заставил его стать поэтом. Впоследствии Маяковский был известен именно как поэт, но рисовать при этом не бросил.

Ольгино. На даче.

Суриков любил в период подавленности и душевной депрессии, или просто отдыхая после работы, прогулки по кладбищу. Как-то, в глубокой задумчивости, артист остановился над чьим-то выкапываемым последним пристанищем, пристально вглядываясь в работу землекопа, напевавшего удалой мотив, стоя в полувыкопанной могиле. «Вот это образ!» — вскричал Суриков, ухватився за плечо какого-то господина, который, в свою очередь, обхватил Сурикова обеими руками за талию и, так же пристально вглядываясь в землекопа, вдохновенно прошептал: «Стрелец!». Через некоторое время, опомнившись, безумцы расцепили объятия, в которых дотоле находились, и представились друг другу. Собеседником Сурикова был Репин. Так состоялось знакомство двух великих русских берд.

Ресторан «Прибалтийский».

По дороге из Шварцвальдбогауза в Гроневиллингберг — а в Германии значительность города стоит как правило в обратной пропорции с величиной его имени — в маленьком постоялом дворе с трактиром остановился великий Гёте и вынужден был прожить в нем три недели. Привыкший к легким победам, великий романтик отправился на прогулку по живописным окрестностям совершенно необжитой местности, и по возвращении в трактир, убедился, что единственной представительницей прекрасного пола всей округи является полоумная прислужница хозяина, с значительными признаками вырождения на лице и во всем теле, но воображение великого провидца уже воспарило. Стоит ли говорить, что глухонемая от рождения полоумная Ниобея три недели оставалась холодна к пылкости и слезам великого Гёте, не зная даже его имени, но именно ее мы обязаны благодарить за ту чарующую неразделенность великой любви, пронизавшую впоследствии весь гениальный «Фауст».

Реполово. В ожидании электрички.

Что общего между Достоевским, водившим рукой перед пламенем газового рожка, дабы вызвать приступ эпилепсии, и Ван-Гогом, державшим руку над пламенем свечи, однако оба в свое время вошли в историю — в первую очередь — как гении с значительными отклонениями в рассудке.

Париж. Авеню де Виллье.

Поэт и Председатель земного шара, Хлебников был человеком в быту незаметным. Мог просидеть весь вечер в углу, не говоря ни слова и ни с кем не здороваясь, даже не пью чаю, а однажды был оставлен незамеченным в квартире Кульбина и Гуро, уехавших на море в отпуск, которые по возвращении обнаружили поэта-председателя сидящим в углу, на том же стуле, в глубокой медитации. Случайно заметив приехавших, Хлебников тотчас прочел им новую поэму. Так появилась «Зангези».

В гостях у друга.

Изобретатель двигателя нового типа Дизель, впервые в жизни отправившись в морское путешествие, погиб вместе с пароходом «Титаник», также совершавшим первый поход по Атлантике. Однако в цепи причинно-следственных связей этот случай следует рассматривать как чистую случайность.

*Добровольное общество «Знание».
Заседание актива.*

Утук был изобретен жрецами древнеегипетского бога Ута, которые возлагали священный огонь в особых сосудах с плоским дном, а по окончании ритуала использовали эти сосуды для разглаживания ритуальных одежд и постельного белья. Изобретение тщательно скрывалось от народа и стало известно только после завоевания Египта римскими легионами, сохраняя по сей день в своем названии имя древнего идола.

Эрмитаж. Золотые кладовые.

ВЕЩАМИ БОГА ПОСЕЩАЕМОЕ...

Несколько болевых точек из стихотворений Геннадия Айги для того, чтобы начать этот разговор:

Открыт — ты — в мясе — до — ума! —

такую-выворачиваемую точкою:

то в Коридор-Народ то в холод-Слова нет

(И ВНОВЬ: НАЧИНАЯ СО СНА)

что — часть моя?

на гибель занесенный:

доверчивости матерьял:

чужой для родины! душой как голосом

лишь для себя обозначаемый! —

(СНОВА: ПОРА ПОСВЯЩЕНИЙ)

.....
— как будто распада уже моего очертанья — с кровоподтеками
в складках (бумаги как будто прозрачной)

.....
и кровавыми будто бы ветками .....

и — качество жертвенной раны в глазах! —

.....
Рана-Глагол:

говорит сквозь лицо

(СНОВА: ТЫ С КОНЦА)

Можно ли считать эти разрозненные и взятые почти наугад строки несущими на себе остов-структуру поэтического произведения, то есть подчиняется ли здесь автор некоей заданной условности поэтического языка, или он отбросил ее как нечто несущественное (думаю, что этот вопрос всегда возникает перед читателем при первом столкновении с текстами Айги)? По сути эти строки можно прочесть как трагические самоопределения поэта (они так часто у него) этой Страны, которая воспринимается им «даже не образом смысла и звука — скорее пространством идеи-отчаянья!» Можно также вычитать в них существенные мотивы страдания, боли, жертвенности, гибели, распада, тленья, немoty.

Слова в обычной поэтической традиции выполняют свою семиотическую функцию обозначения предметов, хотя и могут быть сдвинуты по сигнификату, у Айги же — иной строй, иной порядок. Важным в этой связи представляется следующее замечание витебского мыслителя, теоретика супрематизма Казимира Малевича: «Все слова есть только отличительные знаки и только. Но если слышу стон — я в нем не вижу и не слышу никакой определенной формы. Я принимаю боль, у которой свой язык — стон, и в стоне не слышу слова (. . .) Поэт боится выявить свой стон, свой голос, ибо в стоне и голосе нет вещей, они голые, чистые образуют слова, но это не слова, а только ради буквы — в них. В них нет материи, а есть голос его бытия, чистого, настоящего, и поэт боится самого себя» («О поэзии»). Язык поэзии Айги — это язык стон. Почему и откуда эти боль и страдание? Поэт не может примириться внутренне с самой идеей смерти, и в его голосе звучат те успокоившиеся голоса, а также голоса мучеников сталинских лагерей, жертв насилия. Его многие стихи суть реквиемы, в которых запечатлены сострадание и содрогание души поэта, свидетельствующего о таком времени:

Где тьмы безвинных жертв (давно уж призраков),
где сам ты — жертва (лишь пока-живущий), — там:
родина (лишь это — родина): любовь и к-жертвам —
сострадание и сам-ты-жертва-среди-них. Лишь это:
родина. И лишь к такой — привязанность. И ту,
такую — не покинуть.

(РОДИНА-ЛИМБ)

Геннадий Айги — чувашско-русский поэт, вот уже более 35 лет живущий в Москве и вплоть до 1987 года не издавший ни одной строки из своих русских стихов в нашей стране. Лучше обстояло дело с его чувашскими стихами (по сей день издано 7 поэтических книг) и с переводами на чувашский (антологии «Поэты Франции», «Поэты Венгрии», «Поэты Польши»). До сих пор был известен в Чувашии только чувашский поэт А й х и (х произносится как южнорусское г, или в междометии ага), а за рубежом (и довольно узкому кругу лиц здесь) московский поэт А й г и (потому что всеевропейской известностью он был обязан своим русским стихам; изданы книги на чешском, словацком, польском, венгерском, французском, голландском и сербском языках). Теперь в восприятии широкой аудитории эти две ипостаси совмещаются в одном лице. Двужычие поэта — реальный факт и невольно задуматься о взаимосоответствии его чувашских и русских текстов. Но противоположности между сферами реальности, описываемых в поэтике Айги чувашским и русским языками, по-видимому, все же нет, ибо он исходит из одного и того же инвариантного семантического пространства с заданными свойствами и конфигурациями. Его чувашские стихи представляют собой упрощенную транскрипцию того же самого содержания, что и в русских текстах, они как бы адаптированы к уровню восприятия чувашской аудитории, либо они написаны по очень конкретным поводам, адресованы друзьям, связаны с чисто чувашскими реалиями и географическими точками Чувашьень. В состав этого пространства, которое складывалось на протяжении многих лет одинокого и стоического существования, включены многие источники и традиции, образующие сложное переплетение взаимопересекающихся смыслов.

Во-первых, это отталкивание от лирического способа философствования, характерного для Ницше, Кьеркегора, позднее Кафки, глубокое переживание и прикидка к собственной жизни выработанных ими категорий экзистенции. Во-вторых, усвоение опыта русского поэтического и художественного авангарда первой трети 20-го столетия (Маяковский, Хлебников, Крученых, Божидар, Пастернак, Малевич и др.). Далее, переживание судеб проклятых (poetes macidit) европейской поэзии, которые предельно остро ощущали и воплощали личную трагическую участь и переломные моменты жизни нации, страны. Это прежде всего французы — от Бодлера до Рене Шара; чех Иржи Вольккер, румын Илари Воронка; поляки — Норвид, Лесьмян, Милош, Боровский, венгры — Ади, Арань, Петёфи; в немецкоязычной поэзии — Рильке, Целан; чуваша — Сеспаль, Митта. Близкое, почти интимное знакомство с их жизненной судьбой и творчеством в мельчайших подробностях служили духовной поддержкой Айги в трудные для него периоды, когда голос его почти не пробивался наружу, а был окутан плотной пеленой сна, который хранил его от тягостей и забот дневной яви. В качестве еще одного светлого источника надежды, который питал и питает его поэзию, следовало бы назвать и постоянное, пристальное чтение поэтом христианской канонической литературы, памятников святоотечественной словесности и сочинений русских философов-идеалистов. Все это образует в поэзии Айги единый сплав, и недаром при присуждении поэту Литературной премии имени Андрея Белого за 1987 год Ленинградским Клубом-80 была принята такая формулировка: «за мужественное одиночество поэтического труда, преодолевшего национальную ограниченность чувашского, русского, французского языков и открывшего в просветах

высокого творчества единое поле человеческой культуры».

Даже это беглое перечисление элементов, из которых складывался духовный мир Айги во время «послеоттепели», в долгие годы социального застоя и идеологического омертвления, показывает, что как «поэт, пишущий на русском языке», он никак не вписывался в контекст современной советской поэзии, он был и ным (чужим, посторонним) по сути своего слова, а не только по внешним формальным характеристикам своего стиха.

Внешняя биография поэта поначалу складывалась благополучно. Его первые попытки на творческом поприще (до 1958 года он писал только на чувашском языке) были одобрены такими крупнейшими чувашскими поэтами как Эльгер, П. Хузангай, Митта. Г. Айги закончил в 1953 году Батыревское педагогическое училище, в том же году поступил в Московский Литературный институт. Он учился вместе с теми, кого принято сейчас называть «шестидесятниками» — Ахмадулиной, Мориц, Вознесенским, Евтушенко, латышом Имантсом Зиедонисом, бурят-ом Дондоком Улзытуевым, марийцем Валентином Колумбом. В 1958 году выходит его первая книга стихов «Именем отцов». Дебют 24-летнего поэта, однако, был встречен весьма агрессивно опекающими идеологическую чистоту чувашскими критиками И. Д. Кузнецовым (печально известным по своей борьбе с «чувашским национализмом» еще в 30-е годы) и Ип. Ивановым, который по-иезуитски пронизательно назвал свою рецензию «Стонущий голос». Критики вывели на чистую воду «идеологически чуждого поэта», обвинив его в пессимизме, культивировании страдания, во влиянии упадочнических течений Запада. В том же году Г. Айги был исключен из комсомола и Литинститута в связи с «делом Пастернака», обожание к личности которого он выразил в ряде ранних стихотворений. На первом Учредительном съезде писателей Российской Федерации в декабре 1958 года поэт-функционер А. Жаров процитировал (анонимно) несколько фрагментов из диплома Г. Айги (чувашские поэмы «Начало», «Завязь») и так трактовал причины его «творческого кризиса»: «... Я ужаснулся метаморфозе, происшедшей с автором. Его как будто подменили. Подстрочный перевод стихов, сделанный им самим, стал походить на перевод с какого угодно, только не с его родного языка. Ни его родной деревни, ни друзей, ни подруг в этих стихах уже не оказалось. Из них ушла живая жизнь, исчезли нормальные люди, взамен которых поселились какие-то условные, надрывные индивидуумы, вывернутые наизнанку. (...) Откуда у скромного, хорошего советского парня эта чужая лексика, чужая поза нахала-индивидуалиста, презирающего всех, кроме себя? (...) Кто же из современников толкнул на этот сложный и ложный путь простого нашего паренька? Кто сблизил его с верной дороги? Не Литературный институт, где, кстати сказать, учится у нас хорошая, талантливая, здоровая в идейном и моральном отношении молодежь. Этот парень подтверждает лишь пословицу: «В семье не без урода!» Литературный институт, правда, виноват: он тоже недоглядел. За пять лет не увидел, что в его воспитательную работу вносит поправку, как это вам не покажется странным, все тот же пресловутый поэт, который позорно прославился недавно пасквильантской прозой (речь идет о романе Б. Пастернака «Доктор Живаго». — А. Х.). (...) Исключили, слава богу, из Союза писателей его непрошеного учителя, не знаю, прямо или косвенно принявшего участие в формировании юноши, доведенного до творческой катастрофы».

После Литинститута, который он все же закончил, поэт работает в 1961—1971 гг. в Государственном музее В. В. Маяковского, где ему удается углубить свои познания в русском футуризме и отечественном авангарде. И далее, говоря словами самого поэта: «... шла работа, многое обдумывалось в «пространстве» без отклика и эха...».

Итак, хронологически относясь к «шестидесятникам», Айги, тем не менее, выпадал из их ряда, потому что

кумиры 50—60 годов русской советской поэзии после начального периода, чисто-внешнего эстрадного натиска на аудиторию, позднее пошли на компромиссы с официальными установками в области культуры и в результате пришли к декоративной духовности. Да и сама их поэтическая практика за редкими исключениями оказалась отрицанием декларативно провозглашаемой приверженности духовному началу. Они не стали подлинными наследниками русского поэтического авангарда и, пожалуй, точен был чешский критик Зденек Матгаузер, который писал еще в 1967 году: «Однако Айги — вслед за Пастернаком — открыл некий внутренний смысл и тихую философию авангардной поэтической формы. Он уловил нечто от затаенного жеста авангардистов, который даже после Октября, за их ударными ритмами и радостным самопожертвованием злободневным актуальностям, не переставал очерчивать контуры человеческого духа». Правда, у Айги мы не найдем «ударных ритмов и радостного самопожертвования» в этом смысле, его Слово это поэзия духовного протеста против унижения человека, который в период застоя был зажат в тисках; между лживым оптимизмом политических лозунгов и официозных речей и сниженным речевым словопотреблением простого люда и самого актуального жанра городского фольклора — анекдотов.

В 60-е годы параллельно притязаниям «шестидесятников» вызревала и другая структура на московской почве, представители которой глубоко и серьезно осваивали пласты отечественного авангарда, заново осмысливая неиздаваемых авторов, прочитывали мемуары, свидетельские показания теней ГУЛАГа, входили в живое общение с оставшимися из них в живых, накапливали и н о й опыт и силы для духовного сопротивления. Здесь можно было бы назвать много имен из круга современников Айги, составляющих ствол этой субкультуры, но было бы по-человечески несправедливо ограничиться простым их перечнем, хочу только заметить, что его поэзия изобилует посвящениями, адресатами которых являются эти люди. Возможно, что непосредственно после XX съезда молодые тогда поэты, художники, музыканты и питали какие-то надежды на возможность свободной творческой самореализации, но последовавшее вскоре похолодание, свертывание демократизации и гласности обрекло их на полуподпольное существование. Они избрали позицию сознательного отказа от актуально-диалогического отношения к повседневной реальности, предпочли внутреннюю, немую работу мысли (их время — это время «немотичей и немичей», по выражению Велимира) и медленное продвижение к духовным целям. Идейную основу этой субкультуры я бы рисковал определить как стоический эстетизм без иллюзий, который вбирает в себя мучительное осмысление трагического опыта человека, существующего в социуме, где «Бог умер», но в искусстве еще возможно Его проявление.

Восприятие поэзии Айги у нас всегда наталкивалось на определенные трудности. Долгие годы его имя практически не появлялось на поверхностном уровне журнальной и газетной критики, не входило ни в какие «обоймы», как в Чувашии, так и повсеместно. И лишь в связи с его переводческой деятельностью и присуждением ему премии Французской Академии (1972), Венгерского агентства по литературе, театру и музыке — АРТИСЮС (1978) появились глухие упоминания в прессе. Настороженное отношение вызывало и то, что его поэзия и неустанная пропаганда устной и авторской поэзии родного народа за рубежом получили целый ряд самых высоких оценок со стороны крупнейших европейских литераторов и деятелей культуры. Но трудный путь Айги в отечественной словесности обусловлен также содержательными и формальными моментами его поэтики. Сугубо индивидуальные синтаксис и пунктуация подчинены у него глубинной пульсации вязкого ритма и просодии, мерность которых разрывается иногда экзотическими восклицаниями, переходящими в косноязычное бормота-

ние и постепенно стихающими: «а начали мы с Белизны-Тишины!..» Синтаксические шифры, эллипсис, безличность глагольных форм, стяжение (инкорпорация) нескольких имен в одно слово, паузы направлены на сокрытие невидимых духовных сил. Все это создает неповторимый облик свободного стиха в его поэзии, который не имеет аналогов в современной русской поэзии и гораздо ближе стоит к европейским модификациям верлибра.

Стихотворение Айги чрезвычайно цельно, оно само по себе образует особую единицу номинации, в которой преодолеваются фиктивности языка человеческого общения во имя утверждения высшей реальности, и потому в его текстах ощутима торжественная велеречивость священных писем («иероглифы Бога»).

В лирическом роде понимание смысла высказывания обычно также задается границами жанра (интимная лирика, философская, ода, элегия и т. д.). Жанровая природа стихотворений Айги трудноопределима, но некоторая сгущенность, кристаллизация вокруг отдельных полюсов в его поэзии наметилась давно (при всей условности между ними, ибо жанровые тяготения часто совмещаются в одном тексте). Два из них были упомянуты

выше: это стихи-посвящения и стихи-реквиемы. И третий — может быть, самый важный и образующий магистрал его творчества — это жанр эпифаний (но, отнюдь, не в понимании Зиедониса). Скорее в джойсовском, восходящем к богословскому толкованию термина. Поэтический язык Айги из погружения в «самость», в глубины «есмы» восходит к Абсолюту, пытается свидетельствовать о неярвленном присутствии Бога-Творца в мире. Но сие сокрыто в тайне, и потому отдельные слова-индексы ориентированы на Сущего в себе, окружены м е с т а м и т и ш и н ы. к такой привыкать тишине что как

сердце не слышное в действии
как то что и жизнь
словно некое место ее
и в этом я есть — как Поэзия есть
и я знаю
что работа моя и трудна и сама для себя
как на кладбище города
бессонница сторожа

(ТИШИНА)

АТНЕР ХУЗАНГАЙ

ГЕННАДИЙ АЙГИ

СНЕГ

От близкого снега
цветы на подоконнике странны.

Ты улыбнись мне хотя бы за то,
что не говорю я слова,
которые никогда не пойму.
Все, что тебе я могу говорить:

стул, снег, ресницы, лампа.

И руки мои
просты и далеки,

и оконные рамы
будто вырезаны из белой бумаги,

а там, за ними,
около фонарей,
кружится снег

с самого нашего детства.

И будет кружиться, пока на земле
тебя вспоминают и с тобой говорят.

И эти белые хлопья когда-то
увидел я наяву,
и закрыл глаза, и не могу их открыть,
и кружатся белые искры,

и остановить их
я не могу.

1959—1960

НОЧЬ К ВЕСНЕ

темно в сенях
в одежде есть пугающее
от дерева ли зверя ли какого
пылающими островками
опасное для разума плывет

петух отметит криком оползень
далекого комка земли
и тьма хранит свои столбы и впадины
огнем неведомым притянутые издали

чтоб место белым дать полянам
края поляны затенить

1964

ЗНАМЕНА ГАЗИ-МАГОМЕДА

где
скоро-вещи-белокурия
для в-воздухе-шарами-девичье
как будто в шелку освещались
из тела-только-мысли-звезд

где вещи для готовли белокурия
для пряжи-в-воздухе-знамен
тогда еще как связки были
мощей из тела бог-белеет-вьюгой:

они как тени этой вьюги:
для Скоро-где-нибудь-святые
белея им сердцами стать

1965

НОЧЬЮ: ВЗДРАГИВАЯ

А. М.

Ночью, внезапно,
вижу я, вздрагивая, — между лицом и подушкой —
лицо похороненного друга:
оно — как бумага оберточная (содержимое вынули):
черты — как сгибы... не вынести этих следов исковер-
канных!.. —

безжизненно горе само! — все — как будто из вещи —
все более мертвой... —
и боль отменима — бесследно — лишь новою болью:
ее неживой очередностью!.. —
существование — как действие? — скомканья — словно рас-
считанного!.. —

«все» — как понятие? — есть — как обертка! — чтобы шур-
пать и коверкаться...

1971

А. Волконскому

отсвет невидимый птичьего образа
ранит в тревоге живущего друга

и это никем из людей не колеблемо
словно в системе земли
сила соловья создающая
словно в словах исключение смерти:
сердце — сечение — север

а рядом приход и уход
замечающих перья и когти
знающих гвозди крюки и столбы
не боящихся видеть друг друга

и надо на улице утром на шею принять
холод от стен и сугробов
и тайная фраза синичья
диктует сердечную славу всему

слава белому цветку — присутствию бога
в его тайнике для сомнений
слава бедной столице и светлому нищенству века

снегам — рассекающим — сутью бесцветья
бога — лицо

светлому — ангелу — страха
цвета — лица — серебра

1962

ЦВЕТЫ ОТ СЕБЯ САМОМУ

в разрешенной ему дорогой глубине
он затравленный жив

он стар но однажды приснилась глубоко и гулко
забытая словно для столара стол неудавшийся
впервые понятная дочь
и он просыпаясь себя помещал перед лампой
и понял себя существующим явно
самоспасающим садом

он думал: как странно что стены с утра существуют
о как непонятно за чьи говорится глаза
все это игра и отныне существенна
только защита себя словно глаза

как будто есть что-то пока кое-что берегут
зачем не разрушить когда лишь меня укрывает
и в сказке нет смысла ненужных беречь
о как непонятно мне это укрытие

и он тяжелеет бесшумно ногами
словно к атласу в детстве к ключицам внимателен
зная о чем-то растительно-ярком
о внешней и внутренней смежной чашобе
без цвета одежд

и добывает
цветы для себя в тайниках своего же хождения —
прекрасны как память во время расстрела в подвале!
воспитаны холодом лунным
в ночь гимназическую

и был он арктически-цепок как будто вися словно пух
— о где же то дно где диктуется слово Аа
где реки текут словно вниз и в платке пуховом
по — берегу — женщина
реки — Аа

1963

когда задерживается
распрощавшийся —

молчат... — лишь изредка
падают листья —

безвестья никчемная
(долго ль?)
заметность... —

в глаза не смотрят... — в застольи тихо... —

и лишь свечением
свободным... — чуть-чуть отстоящим:

держится (с вольным — от всех — назначеньем)
и есомость хлеба (да им пережито
будет и место!..) и рядом — немногость —

вещей притихших...

1975

И: ТАКАЯ ЗИМА

И. Вулоху

а зима? а снега?
да теперь уже так: ежедневно
это в воздухе-Мире
будто труп убирать (и к тому же воздушный)
и детей не пускать («тятя тятя
эти самые сети») детей не пускать
да как ямо-какой-то-копатель «поесть» тут
такие вот штуки в дому

да часы это тоже о том
(осторожно: ведь это — как плакать
это — крохи
да тряпки как будто)
так и быть — будто труп убирать (уточняем: уборка
та же самая в том что «душа»)
а зима? а снега? — до сих пор о таком?
(даже стыдно сказать! — а ведь все же а все же Душою
как будто была богородица! — можно
скороговоркою: так)
значит так и достаточно (значит
так и комкаться! — разве — стираясь как тряпка — да
разве чем-то хуже ли
«жизнь» называясь)

1979

МОЦАРТ: «КАССАЦИЯ I»

С. Губайдулиной

моцарт божественный моцарт соломинка циркуль божест-
венный лезвие ветер бумага инфаркт богородица ветер жасмин
операция ветер божественный моцарт кассация ветка жасмин
операция ангел божественный роза соломинка сердце кассация
моцарт

1977

ОЛЕГ ЗОЛОТОВ

* * *

Что за бес в полукружиях окон закатом тиснен —
опершись головой о метель, с чешуей в кулаке,
опершись, как о барскую шубу в передней — лакей,
это Моцарт пирует хамсой,
это все называется снег,
это рыбьих чешуек с небес кутерьма и печаль,
это жгут православные ворвань в золотых витражах,
и не будет метелью распят пианист с этажа,
но метелию сбудется, как пианист обещал:

в ароматной картонной коробке
апельсиновых шкурок очаг,
и кальмары плетут свои страсти на южной стене,
и когда-то еще догорит ледяная свеча,
и хамсы еще полный карман, и за окнами снег.

РОЖДЕСТВО

В саду поземка белых хал и саек,
затеяны бирюльки декабрем,
снег рушится, и кажется пиленным,
фигуры бьются в тонкие филенки,
как если бы кричал разносчик «сахар»

Как дети бы кричали «люминал,
и нам, и нам . . .»
случайную облатку
просыпавши на нянюшкино платье,
на вату в хвое — нафталином в вате
рот шепчет снегу, свету — «люминал»

И зябко над вечернею землей
снежинки трут надкрыльями о ноги,
и ребрами декабрь разлинован . . .
тосклив дуэт болезни и больного!
мне кажется, один из нас умрет
изящной смертью — от удушья светом,

как если бы зеленой краской
солнце
нарисовать на черепице крыши,
и выставить, не дав еще просохнуть,
как взять с постели — с крестиком, в кальсонах —
в холодный сад, где заморозки вишен.

И мнится — эти трое не дойдут:
я как слепнями, высосан любовью
вкруг глаз, в паху, у губ . . .
Великий Боже,
ведь правда — эти трое не дойдут?!

Что и висеть, что и плутать, вминая
колени в снег, в обход огней и кладбищ,
нащупывая в изморози складок
подарки милосерднейшей из складчин —
перо, кусочек сыру, люминал . . .

И, сплутывая шопот на бегу,
Уже Елена, и Елены губка,
и воды Лены тянут в море сгусток
бескровных тел, и шепчут на бегу:
что и висеть, что и плутать в снегу . . .

* * *

Что нам проку, Наталья, замерзнуть в белейшем
из царств,
что привез длиннозубый из Марбурга
в шпильках
и бритвах —
как с убитого цацки, такие срывая с лица
поцелуи — как вещи с убитого,

что нам с тех инвестиций — ошметки докембрийских глин
налепив на каркасы любви и карнизы ключицы? . . .
Да, ты вспомнила — был пуглив
бред, как пьяный Верлен в гостинице,

где толпятся суда, где пустив через жабры истом,
сигарет, лотереи, любви или пьяной лезгинки,
губы улицы выплевывают на стол
тюль, порозовевший на сгибах,

где в простенках кулис
приближаясь на прорезь ножа,
животом о живот, Галатея, с внезапностью серсо,
животом о живот, словно ежевечерне — рожать,
разогнав подмастерий,
в чаду фонарей и истерик.

. . . Из фургона забудут достать
то свечу, то окно, то не ту
гильотину внесут, веселясь на начале сезона . . .
Да, ты вспомнила — темноту
сильно морщило у горизонта.

* * *

Я болен — каким же из слов
Удушьяем, как венами — ноги подагрика,
Каким же — свиваемым лентой подарочной
Словом розовым, словно гортань? И каким же из двух

Отнимая от музыки, мне ключицы ломает Господь,
И каким же одним ослепительным бархатным словом
Мне вылизывать ночь, как негромкую ранку в висок,
И любовь — как собаке над костью
Мозги на изломе,

И каким же одним языком мне тянуть в небеса
С опустевших селений моего неразумного племени
То ли ладанку с шеи,
Из чулка ли — комочек десятки
Словом «нежность»,

«скоты-с»,
«карамболь»,

Или выдышком в флейту . . .

* * *

Осенние скрипки и зимние скрипки Шекспира!
Мне б на ночь — стакан молока да глоток Элюара,
Что ж у подбородка лелеять колючие грифы
До околечения,
В черные эфы смыкая
Улыбки во сне — из сладчайшего рода улыбок,
Улыбки старухам непуганным, пьющим из лужи:
«Что, бабушки, жарко?» . . .
А так — не ободрить болезных,
А тем не ответить — легко, в два приема поднявшись:
«Так жарко, родимый, такая-то выдалась осень . . .»
Ах, глупые стражи европиного подбородка!

Ах, вербы приличий, зеленые ноги поэзий,
Осенние скрипки и зимние скрипки Шекспира!
Столь долго качаться в нелепых пиитовых шеях,
А им бы — глоток молока да глоток Элюара.

* * *
 Страхи темной реки, и туманов, и ланд,
 о, помедлите у золотых изголовий!
 Жизни не было . . . льется и тянет коллодий
 музыки у керосиновых ламп.

О, утешьтесь молочными стеклами ламп
 от дождя, облепившего дом и качели,
 жизни не было . . . но не поспеть отреченью
 от дождя и от скрипа веревок качельных,
 и души, и ее зачарованных ланд . . .

Нам у музыки — смерти учиться б, а мы — все качелям,
 мы — душе, и ложбинке в ее золотую никчемность,
 этой связи окна и дрозда в воспалении гланд,
 где за тысячу верст по зрачку его и придыханью
 жизнь лилась, как в затылки царей — золотым опахалом,
 как из шума лесов — в мотыльки керосиновых ламп.

Жизни не было — это мясник
 все никак не закончит
 картинок в альбом,
 Только мясо, душа, свежекрашенной яхте в кильватер,
 Как на палубу строчки, бросает горстями любовь,
 Только ланды мерещатся в вантах, и так оживаю.

* * *
 . . . о скелетик сюжета, гардина несвежего кофе —
 из колетов не лучший — во тьме, где блестящие кольца
 белых платьев в испуге, чешуйчатых воротничков —
 все любовью пятнается,
 душеньки рвутся, цепляясь
 из цветочных аквариумов с канделябрами теплого дна.
 Ах, в предчувствии марта
 я буду ронять марципаны
 моей электрической рыбке Гимнарх
 словно голову — в волосы, словно у туберкулеза
 нет заботы иной — только женщине в волосы бить
 красных бабочек пятна, зеленые ленты алоэ,
 вкус и запах дождя, кодеина, надежды, судьбы —

что Господь не оставит едой и питьем и одеждой,
 и жуков, и букашек, и палочки-листья снесет
 к остывающей лампе, жестяной коробке из детства,
 где стекляшки и бисер,
 где всё мандаринами, всё . . .

* * *
 Вот ангел спит. А вот не спит дитя
 Среди опавших
 Почтовых ящиков.
 Вот каплей меда вывалился Спас
 Из проносимых сот . . .

Я склеил! Я сумел — мир прост,
 Обшарпанный от почты к почте,
 Как чемодан оставленный, как поезд,
 Любовь в икоте и варенье впрок,

Как не сойти с ума, как если всю
 Жизнь
 Горбатиться на партию Опавших
 Почтовых Ящиков и Прносимых Сот,

Как если бы на предрассветный ватман
 Наклеивши последние слова,
 Держать и длить — Дитя, и Спас, и Ангел,
 Все в благодати,
 Покуда мать жива.

Продаю (зачеркнуто)
 Отдаю домъ за нагишомъ

две полслезиночки от Феде
 скуластенький лафитник страсти
 Голанскую святую Матерь
 а пуще мыши боронитесь

Так в схламе в уголку
 старушка выводила
 БУКВЫ

О. Мандельштаму

. . . но я привязан к такому —
 по улицам, словно шлейф твой,
 носить туманы над рельсами,
 но я привязан, о нежность,
 теряя на переездах,
 плакать в елошные витрины,

а также, о нежность, а также
 в печь вместе с закатом и снегом
 последние класть поленья,
 последние этой зимою.

И слушать, о нежность, и слушать,
 как падает сажа в трубах,
 и думать — таким же звуком
 ровняют в манеже опилки
 за булькающим шариком сердца,

и думать, о нежность, и думать,
 и думать о камнях Сорбонны,
 о нюрнбергских черных факелах,
 и о кострах колымских,

и помнить: последняя нежность —
 разъятый на шарики ртути
 блестящий и трепетный разум
 в холодной ладони простыни,
 и незачем жить, выходит.

Но я так привязан, о нежность!

* * *
 Я сегодня играл, я на серой бессоннице сумерек
 растопыривши пальцы, играл

эту сказку зеленых сигар,
 что по стенам рисуют метелью зажженные улицы,
 я больничный ребенок,
 я в фольге шоколадной цыган
 карнавальный . . .

играл одинокими тонкими тропами
 сквозь волнуемый вьюгою город, и — о небеса —
 сквозь ресницы твои в темноте поцелуя атропина,
 сквозь ресницы твои, сквозь волнуемый город — писать,

что уже начинается,
 геммы летят бирюзовые
 в горностаевый лес и грачиные чащи волос,
 твой трельяж инкрустирован осени бешеным золотом,
 твой полет неподвижен покуда,
 а все ж — началось,

и споткнется о сердце, как нож, темнотою размеренный,
 за зеленым сукном темнотою ж размеренный вист.
 Я сегодня играл, я из серой бессонницы мебели
 составлял паланкин для моей чернокожей любви.

Иллюстрация СЕРГЕЯ ДАВЫДОВА

ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС

DEUTSCHES REQUIEM*

Вот, Он убивает меня, но я буду надеяться.

Иов, 13, 15

Меня зовут Отто Дитрих цур Линде. Один из моих предков, Кристоф цур Линде, пал в кавалерийской атаке, решившей победный исход боя при Цорндорфе. Прадед с материнской стороны Ульрих Форкель погиб в Маршенуарском лесу от пули французского ополченца в последние дни 1870 года; капитан Дитрих цур Линде, мой отец, в 1914-м отличился под Намюром, а двумя годами позже — при форсировании Дуная.¹ Что до меня, я буду расстрелян, как изверг и палач. Суд высказался по этому поводу с исчерпывающей прямоотой, я с самого начала признал себя виновным. Утром, лишь только тюремные часы пробьют девять, я вступлю во врата смерти; естественно, я думаю сейчас о своих предках, ведь я уже почти рядом с их тенями, в известном смысле я и есть они.

Пока — к счастью, недолго — шел суд, я не произнес ни слова; оправдываться тогда значило бы оттягивать приговор и могло показаться трусостью. Теперь — другое дело: ночью накануне казни можно говорить, ничего не опасаясь. Я не мечтаю о прощении, поскольку не чувствую за собой вины, — я всего лишь хочу быть понятым. Тот, кто сумеет меня услышать, поймет историю Германии и будущее мира. Убежден: такие судьбы, как моя, непривычные и поразительные сегодня, завтра превратятся в общее место. Утром я умру, но останусь символом грядущих поколений.

Я родился в 1908 году в Мариенбурге. Две теперь уже почти угасшие страсти — музыка и метафизика — помогли мне с достоинством и даже торжеством перенести самые мрачные годы. Не сумею перечислить всех, кому признателен, но о двоих умолчать не вправе. Это Брамс и Шопенгауэр. Многим обязан я и поэзии: прибавлю к названному еще одно широкоизвестное германское имя — Уильям Шекспир. Вначале меня занимала теология, но от этой фантастической науки (и христианской веры как таковой) меня навсегда отвадили Шопенгауэр — с помощью прямых доводов, а Шекспир и Брамс — неисчерпаемым разнообразием своих миров. Пусть же тот, кто, дрожа от любви и благодарности, замрет, потрясенный, над тем или иным пассажем в сочинениях этих счастливых, знает, что и я, мерзостный, тоже замирал над ними.

Году в 1927-м в мою жизнь вошли Ницше и Шпенглер. Один автор XVIII века считает, что мало кому по нраву быть должником своих современников; чтобы освободиться от гнетущего влияния, я написал статью под названием «Abrechnung mit Spengler»*, в которой отметил, что самое последовательное воплощение тех черт, которые этот литератор именует фаустианскими, — не путанная драма Гете², а созданная за двадцать веков до нее поэма «De regum patura».** Тем не менее, я воздал должное откровенности историкософа, его истинно немецкому (kerndeutsch) воинственному духу. В 1929 году я вступил в Партию.

Не стану задерживаться на годах моего учения. Они мне достались тяжелее, чем многим: не лишенный твердости характера, я не создан для насилия. Однако я понял, что мы стоим на пороге новых времен и эти времена, как некогда начальные эпохи ислама или христианства, требуют людей нового типа. Лично мне мои сотоварищи внушали только отвращение, и напрасно я уверял себя, будто ради высокой объединившей нас цели мы обязаны пожертвовать всем личным.

Богословы утверждают, что, стоит Господу на миг оставить попечение хотя бы вот об этой моей пишущей руке, и она тут же обратится в ничто, словно вспыхнув незримым огнем. Никто, добавлю я, не смог бы существовать, никто не сумел бы выпить воды или отломить хлеба, не будь всякий наш шаг оправдан. Для каждого это оправдание свое: я жил, ожидая беспощадной войны, которая утвердит нашу веру. И мне было достаточно знать свое место — место простого солдата этих грядущих битв. Я только боялся порой, что из-за трусости Англии и России все рухнет. Случай — или судьба? — соткали мне иное будущее: вечером первого марта 1939 года в Тильзите разразились беспорядки, о которых не упоминали газеты; в улочке за синагогой мне двумя пулями раздробило бедро, которое пришлось ампутировать.³ Через несколько дней наши войска вступили в Богемию; когда об этом объявили сирены, я полусидел на

* «Немецкий реквием» — оратория И. Брамса.

¹ Примечательно, что рассказчик не упоминает самого известного из своих предков, теолога и гебраиста Иоханнеса Форкеля (1799—1846), применившего гегелевскую диалектику к исследованию христианства, чьи переводы нескольких апокрифов вызвали критику Хенгстенберга и одобрение Тило и Гезениуса. (Прим. публикатора).

² «Расчет со Шпенглером» (нем.).

³ Иные нации живут в полной невинности, в себе и для себя, подобно минералам или метеорам; Германия — это всеобъемлющее зеркало вселенной, сознание мира (Weltbewusstsein). Гете — прототип этой вселенной отзывчивости. Я не критикую его, но при всем желании не узнаю в нем фаустианского человека модели Шпенглера.

** «О природе вещей» поэма Лукреция.

госпитальной койке, пытаюсь погнать и забыться в томике Шопенгауэра. Символ моей бесплодной судьбы, на подоконнике дремал огромный пушистый кот.

Я перечитывал то место в первом томе «Paragta und Paraliptomena»,* где сказано: все, что может приключиться с человеком от рождения до смерти, предрешиено им самим. Поэтому всякое неведение — сознательное, всякая случайная встреча — свидание, всякое унижение — раскаяние, всякий крах — тайное торжество, всякая смерть — самоубийство. Ничто так не утешает, как мысль, будто наши несчастья добровольны; эта индивидуальная телеология обнаруживает в мире подспудный порядок и чудесно сближает нас с богами. Какой неведомый предлог (ломал я голову) заставил меня искать в тот вечер пули и увечья? Не страх перед боем, нет; уверен, причина глубже. В конце концов я, кажется, понял. Погибнуть за веру легче, нежели жить ею одною; сражаться с хищниками в Эфесе не так тяжело (ведь столько безымянных мучеников прошли через это), как стать Павлом, слугой Иисусу Христу; поступок короче человеческого века. Битва и победа — своего рода **любогты**; быть Наполеоном проще, чем Раскольниковым. 7 февраля 1941 года меня назначили заместителем начальника концентрационного лагеря в Тарновицах.

Служба не доставляла мне радости, но я исполнял свой долг. Грус проверяется под огнем; милосердие и жалость ищут темниц и чужой боли. По сути, нацизм — моральное учение, призывающее совлечь с себя прозвизшую плоть ветхого человека, чтобы облечься в новую. В бою, под окрик командиров и общий рев, это превращение испытывает каждый; иное дело — отвратный застенок, где предательская жалость искушает нас давно забытой любовью. Я не случайно пишу эти слова: жалость высшего — последний грех Заратустры. И я, признаюсь, почти совершил его, когда к нам перевели из Бреслау известного поэта Давида Иерусалема.

Это был мужчина лет пятидесяти. Обойденный благами этого мира, гонимый, униженный и поруганный, он посвятил свой дар воспеванию счастья. Помнится, Альберт Зёргель в книге «Dichtung der Zeit»** сравнил его с Уитменом. Сближение не слишком удачно, Уитмен славит мир наперед, оптом, почти безучастно; Иерусалем радуется каждой мелочи со страстью ювелира. Он никогда не впадает в перечисления, в каталогизацию. Я и сегодня могу строку за строкой повторить гексаметры его великолепного стихотворения «Живописец Цзы Ян, мастер тигров», чьи стихи напоминают полосы тигриной шкуры и полнятся неисчислимыми и безмолвными пересекающими их тиграми. Не забыть мне и монолога «Розенкранц беседует с ангелом», где лондонский процентчик XVI века пытается на смертном одре вымолить себе отпущение грехов и не знает, что втайне оправдан, вгнуши одному из клиентов (которого он и видел-то всего раз и, конечно же, не помнит) образ Шейлока. Мужчина с незабываемыми глазами, пепельным лицом и почти черной бородой, Давид Иерусалем выглядел типичным сефардом, хотя и принадлежал к ничтожным и бесправным ашкенази. Я был с ним строг, не поддаваясь ни сочувствию, ни уважению к его славе. Я давно понял, что адом может стать все: лицо, слово, компас, марка сигарет в состоянии свести с ума, если нет сил вычеркнуть их из памяти. Разве не безумец тот, кто днем и ночью видит перед собой карту Венгрии? Я применил этот принцип к дисциплинарному режиму в нашем лагере и...⁴ К концу 1942 года Иерусалем сошел с ума, 1 марта 1943-го он покончил с собой.⁵

Не знаю, понял ли Иерусалем, что я убил его, чтобы убить в себе жалость. Для меня он не был ни человеком, ни даже евреем; он стал символом всего, что я ненавидел в своей душе. Я пережил вместе с ним агонию, я умер вместе с ним, я в каком-то смысле погубил себя вместе с ним; так я сделался неуязвимым.

³ Есть сведения, что последствия этого ранения были куда серьезнее. (Прим. публикатора).

* «Афоризмы и максимы» (нем.).

** «Современная поэзия» (нем.).

А над нами проносились великие дни и великие ночи военных удач. Мы вдыхали воздух, пьянивший как любовь. Сердце замирало от ужаса и восторга, словно захлестнутое прибоем. Все в ту пору было иным, новым, даже сны. (Может быть, я просто никогда не знал настоящего счастья, а бедам, как известно, нужен потерянный рай). Не было тогда человека, который не вбирал бы жизнь полной грудью, дорожа всем, что только способен вместить и пережить; и не было тех, кто не страшился бы потерять это бесценное сокровище. Но моему поколению предстояло пережить все: сначала — победу, потом — гибель.

В октябре—ноябре 1942 года во втором бою у Эль Аламейна пал в египетских песках мой брат Фридрих; несколько месяцев спустя, воздушный налет стер с лица земли наш родовой особняк, другой, в конце 1943-го — мою лабораторию. Осажденный всем миром, погибал Третий Рейх: он был один против всех и все — против него. И тогда случилось то, что я, кажется, осознал только теперь. Я верил, будто способен выпить чашу гнева, но обнаружил на дне неожиданный вкус — странный, почти пугающий вкус счастья. «Я рад поражению, — думалось мне, — поскольку втайне чувствую себя виновным и только так могу искупить содеянное». «Я рад поражению, — думалось мне, — потому что конец близок и у меня уже нет больше сил». «Я рад поражению, — думалось мне, — поскольку оно настало, поскольку им проникнуто все, что есть, было и будет, поскольку исправлять или оплакивать случившееся значит покушаться на ход вещей». Я перебирал эти объяснения, пока не пришел к единственному верному.

Давно сказано, что люди рождаются на свет последователями либо Аристотеля, либо Платона. Иными словами, всякий спор на более или менее отвлеченную тему входит в давнюю и бесконечную полемику Аристотеля и Платона; через века и пространства сменяются имена, наречия, лица, но не извечные противники. Эта скрытая преемственность есть и в истории народов. Громя в болотной грязи легионы Вара, Арминий не знал, что становится предшественником Германской Империи; переводя Библию, Лютер не подозревал, что выковывает народ, который уничтожит Библию навсегда; настигнутый русской пулей в 1758 году, Кристоф цур Линде в каком-то смысле предвозвестил наши победы в 1914-м. Гитлер считал, что сражается ради одной страны, а сражался во имя всех, даже тех, кого преследовал и ненавидел. И неважно, что сам он об этом не ведал: это знала его кровь, его воля. Мир погибал от засилья евреев и порожденного ими недуга — веры в Христа; мы привили ему беспощадность и веру в меч. Теперь этот меч обратился против нас, и мы подобны искуснику, соткавшему лабиринт и обреченному блуждать в нем до конца дней, или царю Давиду, осудившему чужака и обрешему его на смерть, но вдруг в озарении слышащему: «Этот человек — ты». Многие нужно разрушить, чтобы воздвигнуть новый порядок; теперь мы знаем, что среди этого многого — наша Германия. Мы пожертвовали не просто жизнью: мы пожертвовали судьбой любимой отчизны. Пусть другие клянут и плачут; моя радость в том, что наша жертва не знает пределов и не имеет равных.

Сегодня на землю нисходит безжалостная эпоха. Ее выковали мы, мы, павшие первыми. Разве дело в том, что Англия послужит молотом, а мы — наковальней? Главное, на земле будет царить сила, а не рабий христианский страх. Если победа, неподсудность и счастье не на стороне Германии, пусть они достаются другим. Да будет благословен рай, даже если нам отведен ад.

⁴ Здесь мы были вынуждены опустить несколько строк. (Прим. публикатора).

⁵ Ни в архивах, ни в печатных трудах Зергеля имени Иерусалема не встречается. Нет его и в историях немецкой литературы. Не думаю, однако, что этот герой вымышлен. По приказу Отто Дитриха цур Линде были казнены многие интеллектуалы еврейского происхождения, среди них — пианистка Эмма Розенцвейг. «Давид Иерусалем», вероятно, символ многочисленных судеб. Сказано, что он погиб 1 марта 1943 года; как помним, 1 марта 1939-го рассказчик был ранен в Тильзите. (Прим. публикатора).

Я всматриваюсь в зеркало, чтобы понять, кто я такой и каким стану через несколько часов перед лицом смерти. Плоть моя может содрогнуться, я — нет.

Из сборника «Алеф» (1949)

СЕКТА ТРИДЦАТИ

Рукописный оригинал приводимого текста хранится в библиотеке Лейденского университета; некоторые эллинистические обороты среди его латыни заставляют предположить перевод с греческого. По Лейзегангу, датируется четвертым веком новой эры. Гиббон мельком упоминает его в одной из сносок главы пятнадцатой своего «Decline and Fall».* Безымянный автор повествует:

«... Секта никогда не изобиловала адептами, ныне же их число вовсе оскудело. Уничтожаемые железом и огнем, они ютятся на обочинах дорог или в оставленных войною руинах, поскольку закон запрещает им возводить дома. Обычно они ходят нагими. То, что я предал бумаге, общеизвестно; теперешняя моя задача — запечатлеть на письме все, что удалось узнать об их учении и обиходе. Я подолгу спорил с их наставниками и не сумел обратить их в Господню веру.

Первое, что замечаешь, — насколько иначе они относятся к умершим. Наиболее невежественные считают, будто духи покинувших этот мир должны сами заботиться об их погребении; другие, понимая слова Иисуса в переносном смысле, держатся мнения, что наказ: «Предоставь мертвым погребать своих мертвецов», — порицает роскошь и тщету наших похоронных обрядов.

Требование отказаться ото всего, чем владеешь, и раздать имущество бедным неукоснительно почитают все: первые благодетели передают его другим, те — третьим. Отсюда нужда и нагота, приближающие их жизнь к райской. Они как один с жаром повторяют: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, и Господь питает их. Вы не гораздо ли лучше их?» Один текст впрямую запрещает копить: «Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры? Итак, не заботьтесь и не говорите: «что нам есть?» или: «что пить?», не пребывайте в беспокойстве и раздражении.

Мнение, что «всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем», недвусмысленно призывает к воздержанию. Однако, многие члены секты учат, будто все живущие — прелюбодеи, поскольку нет на земле того, кто не взглянул бы на женщину без вожделения. А раз желание столь же греховно, как действие, праведники могут без опаски предаваться самому разнузданному сладострастию.

Храмы секта отвергает: ее наставники поучают на открытом воздухе, с холма или стены, порой — с лодки у берега.

Название Секты вызвало немало споров. Одни считают, будто речь идет о числе оставшихся приверженцев, что смехотворно, но не лишено пронительности, поскольку извращенным учением о целомудрии Секта обрекла себя на исчезновение. Иные вспоминают Ноев ковчег высотой в тридцать локтей; третьи, подтасовывая астрономию,

* «Упадок и разрушение» (англ.).

ПРИМЕЧАНИЯ

Хенгстенберг Эрнст Вильгельм (1802—1869) — немецкий протестантский теолог.

Тило Иоганн Карл (1794—1853) — немецкий теолог, исследователь новозаветных апокрифов.

Гезениус Фридрих Генрих Вильгельм (1785—1842) — немецкий востоковед, гебраист.

Форкель — видимо, выдуман, хотя известен немецкий музыковед и музыкант Иоганн-Николаус Форкель (1749—1818)

Автор XVIII века — английский писатель и лексикограф Сэмюэл Джонсон (1709—1784)

Лейзеганг Ганс (1890—1951) — немецкий религиозный философ.

Гиббон Эдуард (1737—1794) — английский историк Рима.

Абракас — верховное существо в мифологии гностицизма (у сирийского ересиарха Василида и др.), к его образу, символу целостности мира, не раз обращались мыслители и писатели XX века (Юнг, Гессе).

толкуют о сумме ночей лунного месяца, четвертые — о возрасте крещения Спасителя, пятые — о первоуродных годах Адама, слепленного из красной глины. Все это — равно далеко от истины. Столь же бессмысленно отсылать к каталогу тридцати божеств или престолов, среди которых — Абракас, изображаемый с головой петуха, торсом и руками человека и хвостом извивающейся змеи.

Я знаю, но не вправе обсуждать Истину. Мне не дано возвестить ее. Пусть другие, счастливее меня, спасают приверженцев секты словом. Словом или огнем. Выстоять трудней, чем погибнуть. Ограничусь поэтому лишь изложением мерзостной ереси.

Слово сделалось плотью, став человеком среди людей, которые отправят его на смерть и будут искуплены им. Оно явилось из чрева женщины, принадлежащей к народу, избранному не только благовестить Любовь, но и принять страдание.

Людям необходимо забываемое. Гибель от меча или яда неспособна потрясти человеческое воображение до конца дней. Господь выстроил события в поразительном порядке. Для этого и нужны тайная вечеря, предсказание предательства, повторяющийся знак одному из учеников, благословение хлеба и вина, трижды отречшийся Петр, одинокое бдение в Гефсиманском саду, сон двенадцати учеников, такая человеческая мольба Сына о чаше, кровавый пот, мечи, изменнический поцелуй, Пилат, умывающий руки, бичевания, издевки, терновый венец, багряница и трость, горький как желчь оцет, Распятие на вершине холма, обещание благочестивому разбойнику, сотрясающаяся земля и наступивший мрак.

Милостью Господа, осыпавшего меня столькими благодарениями, мне был открыт подлинный и сокровенный смысл названия Секты. В Керихте, где я, по слухам, родился, доныне действует тайное собрание, именуемое Тридцатью Сребренниками. Это старинное имя и дает ключ к разгадке. В трагедии Распятия — пишу это со всем благоговением — были свои добровольные и подневольные исполнители, равно необходимые и равно неизбежные. Подневольны были первосвященники, платящие серебром, подневольна чернь, избравшая Варраву, подневолен прокуратор Иудеи, подневольны римские солдаты, воздвигшие Распятие для казни, вгонявшие гвозди и метавшие жребий. Добровольных было лишь двое: Искупитель и Иуда. Последний выбросил тридцать монет, ставших ценой спасения человеческих душ, и тут же повесился. Ему, как и Сыну Человеческому, исполнилось тридцать три года. Секта одинаково чтит обоих и прощает остальных.

Никто не виновен; каждый, осознанно или нет, исполняет план, начертанный мудростью Всевышнего. И потому Слава принадлежит всем.

Рука с усилием выводит еще одну мерзость. Достигнув означенного возраста, приверженцы секты переносят надругательства и подвергаются распятию на вершине холма, чтобы последовать примеру учителей. Это преступное нарушение пятой заповеди должно караться по всей строгости, требуемой божескими и человеческими законами. Так пусть же громы небесные, пусть ненависть ангелов Его...»

Здесь рукопись обрывается.

Из сборника «Книга бегущих песчинок» (1975)

Перевод с испанского и примечания
БОРИСА ДУБИНА

СТЕФАН МАЛЛАРМЕ

ПОЛДЕНЬ ФАВНА

ЭКОЛОГА

ФАВН

Увековечу нимф.

Их легкий ореол
Румянит воздуха невидимый подол,
Витают в гуще снов.

Так я влюблен в виденье?
Иль ночь мне нанесла всю эту кладь сомненья?
Ее не примет лес, мне не очертит грань
Поутру хрупкая деревьев филигрань.
Я все вообразил: победы и укоры.
Неужто . . .

женщины, чьи восславляю взоры,—
Ошибка чувств — и все? Подумай, ловелас,
Ведь все твои мечты не тронут синих глаз
Прохладной, роднику подобной, самой славной.
Другая — вся порыв, он разве не для фавна,
Как легкий ветерок в жару в твоей шерсти?
Нет, обморочен зной, и духота почти
Недвижна — утро хоть и бьется, свежесть помня,
Водю не журчит, свирель мою не полня
Аккордами из рош; а ветерок опять
Готов один на двух соломинках сыграть,
Так разойдется звук, еще сухой и колкий,
В дожде — и горизонт без милостливой щелки
Откроется тому, кто, метя далеко,
Небесный свод пронзил, искусно и легко.
О сицилийские брега тиши болотной,
Хвальбы мои — и те от здешних солнц дремотны,
Пусть говорят цветы, в их искрах путь мой жив:
*«Как я срезал тростник, талант ему внушив
Дол хризолитовый провидеть; винограда
Зеленый блик омыв в слезинках водопада,
Овечьей белизной шелковить зноя пыл —
Так родилась свирель: от лебединых крыл,
вознесший мой прелюд. Нет, то наяд кульбиты,
Не лебедей полет».*

В час пекла, весь разбитый,
Злую, что ансамбль исчез, вопрос оставив мне:

Не спутал ли я всех, желанных в полусне?
Смогу ль проснуться вдруг, как юноша, мятежен,
Волнами света сжат, и одинок, и нежен,
Достойный образец лилейной чистоты?

И только уст моих секреты не святы:
Особый поцелуй воспет как верх коварства:
На девственной груди моей печать из царства
Неистовых божеств, на мне зубов укус —
Но хватит поощрять к таинственностям вкус!
Тростник! Двойник, о ком ты здесь в лазурной тени
Поешь, отнес к себе игры моей волненье,
И в долгом соло ей мечтается дуэт,
Что дразнит красоту, запутывая след,
И, скрывшись между ней и песней легковойной,
Возвысит до любви тот «Способ», как примерно
Обозначают флирт двух чресел и хребтов,
И вытянет из их невнятных полуснов
Мелодии росток, бегущей фуги главы.

Сиринга, подчинись, о инструмент лукавый,
И зацвети в прудах, где ты меня так ждешь.
Надменно возбужден, обожествляя сплошь
Всех идолов, смогу заклясть их яркой тенью
Тугие пояски, отдамся наслажденью:
Из винограда так я высосал вино,
И чтоб не сожалеть, чтоб было лишь смешно,
Я к небу поднял кисть поблескивавших впадин,
И кожицы надул тех бывших виноградин.
Я жаден, пьян, до тьмы я в стебля срез смотрю.

Ах, нимфы, вспомним все, и воздуха струю
Вдохнем. *«Итак, мой глаз, сверля тростник, и в нимфу
Метнул копье — студи, вода, ей кровь и лимфу!
Как вопль ее речист, как меток был ожог,
Как волосы в волнах кружит незримый ток!*

Вся — дрожь, вся — свет, о вы, жемчужины-подруги
(Беспомощно пусты в истоме долгой руки,
Сплетенные вотще), на помощь к вам спешу,
Гурманки нежные, я вас не разбужу.
И с ними на руках лечу в лесок пахучий,
Где вянет стайка роз, став ненависти тучей,
Поскольку солнцу весь отдала аромат.
И наши шалости здесь явно невпопад».

Что ярость девственниц в сравнении с дикой страстью!
Священный груз мой стал меня скользкой частью,
И сменой судорог губам моим сквозь страх
Ответит. Я держу две молнии в руках,
Бездушность чувственной связав с сердечком шалой,
Что, чуть с невинностью простившись, влажной стала
От слез или иных не столь печальных мук.
Мое злодейство в том, что, победив испуг,
Я поцелуями рассек густые пряди,
А боги целость их блюдут чего-то ради.
Как ни стремился я сдерживать свой жгучий смех,
Нацеленный в одну (но он касался всех,
И палец вызвал вдруг в ней истинное чудо:
Зардевшись от сестры волнением, покуда
не ведавшим огня как тающий ледник . . .)
Из рук моих, что сил лишилась в лучший миг,
Добыча вырвалась, я пьян еще рыданьем,
Неблагодарность — вот ответ моим страданиям.

Что ж! Счастье мне дадут другие берега.
Девичьих кос венки украсят мне рога.
Как лопнувший гранат в пурпурных пчелках зерен
Гужению их рад — так пыл мой не позорен.
То нимб, то жал клубок — страстей изменчивой рой,
И наша кровь течет, увлечена игрой.
Лес в золотой золе не только маэстозен,
Непостижимый огонь заставит вздрогнуть осень:
То Этно спящую Венера посетит,
И ножки неземной меня пугает вид,
Царица! Это сон, беспомощный и грустный,
На что я посягну!

Отмсти!

Но абрис грузный,
Забывшая слова душа — не так слабы,
Что сдаться тихому полудню без борьбы,
И добровольно лечь, забыв про богохульство,
Надгробьем на песке — есть и в надгробьи буйство:

Открытым ртом поймать летящую звезду.
Прощай, земной союз, я тень твою найду.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Существуют два перевода «Фавна» на русский язык: И. Эренбурга (БВЛ, Западноевропейская поэзия XIX века) и Р. Дубровкина (Поэзия Франции. Век XIX). Вообще, Малларме переводили не раз, но считается он поэтом «непереводимым». Сейчас готовится издание Малларме в серии «Литературные памятники», для которого и сделан настоящий перевод.

Малларме начал «Фавна» в 1866 году, а закончил через десять лет, когда он наконец появился в 1876 году у Дюрена в суперроскошном издании с иллюстрациями Э. Мане. «Фавна» можно прочитать, имея в виду совершенно разные сюжеты: как эротическую поэму (Малларме использует легенду о Фавне и нимфе Сиринге, которая превратилась в тростник), как поэму о музыке, написанную по канонам музыкального произведения, как мистический текст, смысл которого дешифруется из символического ряда поэмы, как поэму о природе и процессе творчества. Загадочная композиция «Фавна» такова, что сюжеты эти не разбеднены, Малларме как бы нашел общий код, который

просто проявляется на уровнях духа, души, тела. Грезы, воспоминания, реальность — это один процесс, происходящий в Фавне, в музыке, которую он создает, играя на свирели (свирель состоит из двух тростниковых палочек — это и есть две нимфы, с которыми он забавляется), в пейзаже, который создан его музыкой и на фоне которого он отдыхает. Малларме пользуется очень широким диапазоном языка, стилистических ходов, смена тональности — трагической, китчевой, лукавой — происходит быстро, мгновенно, и потому непонятно, таинственно. И непереводимо. Мне кажется, тому, что происходит в новейшей русской поэзии произведение это созвучно своим «универсальным кодам», не давным-давно, на мой взгляд, никому из русских классиков до Иосифа Бродского. А поэты новой генерации работают с этим кодом уже как с естественным языком.

Февраль, 1987

ТАТЬЯНА ЩЕРБИНА

ТОПОЛИНЫЙ ПУХ

Мой интерес к людям, страдающим каким-либо из существующих отклонений от нормы, привел меня в одну психиатрическую лечебницу, расположенную на берегу небольшого искусственного озера и урезавшую у жителей этого района города довольно солидный кусок парка. Парк этот был почти непролазным. Деревья были насажены столь густо и хаотично, что нормально передвигаться здесь можно было лишь по широкой тополевой аллее, ведущей через весь массив к пляжу озера и своим вторым ответвлением сворачивающей к воротам лечебницы. Когда я шел сюда, я заметил, что дорога в обоих направлениях протоптана довольно равномерно.

Я разыскал главврача — его звали Алексей Алексеевич Межиров — и что-то долго говорил ему о своей любви к медицине, о будущей причастности к психологии . . . Все это было лишним. Теперь, когда я вспоминаю свои слова, мне становится стыдно за ту неумную выходку. С человеком, который тогда терпеливо выслушивал мой мальчишеский бред, можно было говорить вполне откровенно. Но все это я понял теперь, а тогда я даже не старался детально запомнить образ понравившегося мне человека: черты его лица, особенности походки, пластику жестов; и теперь, когда мне требуется это фотографическое воссоздание, а его нет, я корю себя за легкомысленность.

Я помню только, что у Межирова была огромная, почти квадратная фигура, широкое скуластое лицо, удивительно участливый взгляд и по-женски нежное руко-

пожатие. Казалось, он просто боялся раздавить мою руку.

Я и по сей день с теплотой смотрю в его лицо. Смотрю только словно через запотевшее стекло. Я вижу затуманенный силуэт Алексея Алексеевича, скользящий впереди меня по коридорам корпусов, лестницам, по выложенным гравием дорожкам лечебницы. Я вижу его выглаженный белый халат, движущийся по ломанной линии от одной синей куртки к другой, и я вспоминаю его большие глаза, которые тогда — когда мы сидели на скамейке у обсаженной стены — впервые сказали мне: «Вот увидите. Вам здесь будет хорошо».

Я вспоминаю, что именно здесь, на этой желтой скамейке, именно в этот час, перед обедом, я и услышал историю одного больного — историю, которая вывернула и опустошила меня на весь день, до самого вечера.

К больному, о котором пойдет речь, Межиров был как-то по-особому расположен. Он и сам, наверное, вряд ли смог бы объяснить причину своей симпатии. Может быть, она была в том, что его так же, как и Межирова звали Алексей Алексеевич. В больнице это совпадение было темой для плоских шуток.

«А ведь он был далеко не безнадежен», — так был начат рассказ, и тут же из густой тени сторбленной ивы, приткнувшейся у самого края газона, вышел худощавый сутуловатый человек тридцати пяти лет, с бледным вытянутым лицом и глазами, глядящими куда-то глубоко внутрь себя, в свой мир, свой сад, в котором, возмож-

но, круглый год цвели розы, и прямо перед ним на резной скамейке сидел кто-то внешне очень похожий на меня, только с более богатым внутренним миром.

О том, каким образом Артуров почти каждую субботу оказывался за воротами лечебницы, никто не знал. Я был удивлен, что до сих пор — уже задолго после его гибели — это остается головоломкой для персонала лечебницы. Ведь это так просто. Элементарная трансформация. Хотя, может быть, у него был иной способ передвижения в пространстве. Это не так важно. Важно то, что это понимаю я и этого не понимает и никогда не сможет понять милейший Алексей Алексеевич.

Стены вообще податливы. Они легко раздвигаются силой воображения. И вот я уже вижу Артурова, стоящего перед одной из скамеек парка с гладким красным кирпичом в руках. Учтиво подав корпус вперед, он рассказывает сидящим на ней о своем малыше. Его беспокоит, что тот часто бывает простужен. У детей в этом возрасте должно быть более крепенькое здоровье. Артуров забеременел еще когда жил там — среди родных, друзей и товарищей по работе, а родил уже здесь. И он поворотом головы указывает на стены лечебницы.

Никто из сидящих не пытается убеждать, предусмотрительно опасаясь метательного снаряда, любовно прижатого к груди этого человека в арестантской одежде. Они послушно, даже с некоторым напряжением, ловят каждое его слово, словно боясь упустить что-то очень важное, что может существенно повлиять на ход их дальнейшей жизни, и поэтому каждая следующая фраза Артурова принимается как основная.

Наиболее смысленные из тех, кто в столь злополучный час имел неосторожность присесть на скамейку недалеко от больничных ворот, скоро наперебой принимают расхваливать «малыша», и польстив таким образом родительским чувствам Артурова, спешно ретируются, на каждом шагу прибавляя в скорости.

У Артурова было два возможных направления движения: первый — по аллее парка, до конца и обратно, и второй — до перекрестка, находящегося примерно в километре от лечебницы. Там было сильное движение, и дальше он боялся идти.

Второе направление у главврача вызывало сильное беспокойство. Нрав у Артурова был тихий, но мало ли что могло произойти. Было какое-то постоянное предчувствие беды. И беда пришла. Она подскочила как всегда расторопно, оттуда, откуда ее не ждали.

Случилось все вот так.

Водну из суббот, вот так же как и сейчас, ближе к обеду, когда обнаружилось, что Артуров снова исчез, Межиров отправил двух санитаров на больничном фургоне отыскать его и вернуть обратно. Но так уж получилось, что в машину напросился только что оформившийся на работу санитар — молодой увалень, беспечный и нахальный, с лицом безоблачным и ясным, как курортное небо. Окажись я в то время рядом, я схватил бы его за руку, но тогда никто не почувствовал приближения катастрофы. Никто не заметил лукавой ухмылки у женщины, тихо прошедшей у ворот.

Машина прибыла на место. Артуров смиренно сидел на скамье у подъезда жилого дома, по-ученически сложив руки на лежащий на коленях кирпич, и с ужасом глядел на автомобили, пронесшиеся по магистралам. Он всегда сидел здесь, у клумбы, затоптанной с одного края.

Санитары подошли и один из них сказал:

— Алексей Алексеевич, едемте с нами обедать.

Но тут открылась задняя дверь фургона, и это чудовище легко спрыгнуло на землю.

Еще не успев выпрямиться, он закричал:

— Артуров, скорей лезь в машину! Главный купил тебе белого коня!

— Ну, зачем вы так, — ответил Артуров. — Я же все понимаю... Я иду. Иду...

Его взяли под руки и повели к раскрытой двери фур-

гона. Один из санитаров запрыгнул внутрь и принимал больного сверху, другой подсаживал сзади, когда быстрые руки выхватили у Артурова кирпич и отбросили его на тротуар. Кирпич раскололся на три части.

Поначалу Артуров даже не понял, что произошло. За время его растерянности санитарам удалось беспрепятственно втащить больного в машину. И тут началось.

Господи... что потом творилось с Артуровым! Он метался всю дорогу к больнице. Его насилу сдерживали.

— Они убили его! — кричал он. — Они все-таки убили его!

Если бы виновный во всем этом ужасе не перебрался на водительское место, пальцы Артурова, вероятно, добрались бы до его горла.

Артуров затих только на другой день, вечером. В следующие дни он отказывался от еды. Он не признавал никого. Артуров никак не реагировал даже на голос Межирова, днями дежурившего у его постели.

Такая форма самоубийства изматывала Межирова. Однажды он не выдержал. Он вдруг, неожиданно для себя, ударил больного кулаком по плечу и начал трясти его, ухватив за куртку.

— Ты же пропадешь, дурак! Пропадешь! — давил он сквозь зубы, забыв, что перед ним... сумасшедший.

Артуров застонал, и врач, опомнившись, отпустил его.

Межиров на минуту замолчал. Ну что Вы, Алексей Алексеевич, хотелось сказать мне ему, я и не думаю осуждать Вас. Я сам ненавижу людей, замкнувшихся на своем горе.

Просто Артуров был слабым человеком. Ему не дано было перебороть себя. Он так и умер через несколько дней, свернувшись калачиком на своей кровати.

— Он был приятным собеседником, — так был закончен рассказ, — и мне было искренне жаль его.

«Он был приятным собеседником». Я хотел бы, чтобы в свое время — когда и мой разум справит новоселье — так сказали и обо мне. И странно... почему-то иногда я думаю об этом без сожаления.

Я стал прощаться. Алексей Алексеевич сказал, что проводит меня до ворот.

По территории лечебницы парами и по-одиночке гуляли больные. Они были здесь под зорким взглядом врачей, но кто скажет, спрашивал я, где сейчас вон тот высокий седой мужчина, стоящий у стены, в каких то широтах мечется его дерзкая мысль, и где сейчас эта молодая женщина, глядящая на птиц.

«Стоит ли их жалеть, — думал я, — если главное — в самоубеждении, а судя по их лицам, им большего и пожелать трудно».

— Им вряд ли хуже, чем нам. Ведь правда?

Алексей Алексеевич не понял вопроса. Он молчал шагов двадцать, но потом вдруг спохватился и начал снова, как и час назад, запальчиво объяснять мне, что вся работа медперсонала лечебницы строится на чутком отношении к больным, что здесь все делается для облегчения их пребывания в этих стенах, и когда мы пожали друг другу руки, его глаза вновь сказали мне: «Вот увидите. Вам здесь будет хорошо».

Я улыбнулся ему как можно приветливее. Мне хотелось оставить приятное впечатление о себе. Как знать, долго ли мне еще осталось топтать траву за воротами этого рая, и если уж мне доведется в одно прекрасное утро свернуть в сторону от дороги на пляж, я бы хотел, по старому знакомству, выпросить себе некоторые привилегии, например, разрешение всюду носить с собой томик Ивлина Во, на тот случай, если я буду временами приходить в сознание.

А пока я уходил. С тополей летел пух. Он прилипал к одежде, путался в волосах, летел от ног и оседал сзади, вновь покрывая оголенную землю своими белыми хлопьями и не оставляя ни намека на то, что здесь только что прошел человек.

1985

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ ЖЕМАЙТИЙСКОМУ* ПОЭТУ
СТАСИСУ ЙОНАУСКАСУ*

1. СТРАХ

Один боится Бога, другой — императора.
Кровь боится покинуть плоть.
Книги боятся огня, манускрипты цензоров.
Народы не боятся права на самоопределение.

Боятся ли капиталист коммуниста больше, чем
Коммунист капиталиста? Этого я не могу сказать.
Пьяница не боится водки. Было время, когда и водка
Не боялась пьяницы. Ныне водку загнали в подполье.

Младший вепрь боится старшего вепря.
Старый начальник страх нагоняет на младшего.
Батюшка царский боялся бунтарского ветра
В тюрьме народов России-матушке.

Грибы не боятся дождей.
Боги не боятся людей.
Трупы тиранов не боятся воскресения.
Латыши в наши дни часто не боятся малокультурия.

Язык боится слияния языков.
Есть евреи, которые не боятся ехать в Израиль.
Лейшам* не стоит бояться латышей
И латышам — лейшей. Шовинизм боится дружбы народов.

2. О КАНГАРАХ*

Территория Латвии (не считая Пиеталавы*) — 63,7 тыс. км.
На территории Латвии, и особенно
На самом гнилом нарыве этой территории, Риге,
Полно памятников кангарам.

В Латвии ты не сможешь не повернуться,
Чтобы не натолкнуться, как на угол стола, на кангара
плечо или бедро.
У нас кангармонументы и кангарстатуи,
Целые кангарпроспекты, кангарпродукты, кангаргидростанции
и ангары.

Сами кангары бывают малы как вши, бывают большие
и титулованные,
И даже в отелях для некангарских душ часто
Живет лишь очередная труппа странствующих кангаров,
Или же пускает ростки любовь к синим, как чернила,
очам кангарки.

По крови латышской, как по засорённой реке, плывут корабли
и плоты под флагами,
И каждый второй штурман груз гуманизма, плывущий в родимую
гавань Сердца,
Может загнать направо и налево, поскольку каждый второй
подчинён
Какому-нибудь органу кангарности, например —
ЛАТВКАНГАППЕНДИЦИТНАБГОССЕЛЬМАШ'у.

Кангаром может стать любой —
Даже тот, кто не читал «Лачплесиса» Пумпурса,
Даже тот, кто ничего не читает, а также тот, кто каждый вечер
Голосом молоденького барашка читает своей дочке вслух
«Красную шапочку».

* * *

мы слышим друг друга
как отзвуки
мы видим друг друга
как отблески

как в реку брошенные камни
с кругами памяти на воде
встречаемся
как выброшенные водоросли
с пересыхающей страстью
обвиваем один другого

нас связывает столько
и столько разъединяет нас
остаемся в витражных стеклах
и блекнем в свой смертный час

* * *

у моей милой
пунцовая блузка
белоснежная юбка
и карминные гетры;

всегда и везде
она в моем сердце
(на колымской земле
в африканской пустыне
в ковбойском седле
и в бермудской пучине),
вот только любимая насовсем
не остается со мной,
видно, чтобы дожждаться ее,
не хватит мне жизни земной;

каждый раз, ускользая, она окликает меня:
— жди и верь,
встретимся у Милды*
после дождика в четверг!

и исчезает:
за деревьями, в светящихся окнах, в объятиях поэтов, в оперных
люстрах, в печальной песне, в которой слезы смшались с родиной,
в уголке папироски старенького стрелка, в замке Буртниеков на
шпиле, в клешне вареного рака или в незаметном кивке головы,
в происшествии, в праздничном (похоронном) шествии и т. д.

* * *

зыбкость незнания
вдоль парапета
зыбкость незнания
за аркой победы
зыбкость незнания
шелестом ветра
зыбкость незнания
или мы жаждали тщетно
зыбкость незнания
в игре светотени
зыбкость незнания
языков растворенья
зыбкость незнания
каждое утро
уже начиная с чистки зубов
зыбкость незнания
каждый вечер
проходя вдоль звездного парапета
к жемчужному берегу
на монолите Вселенной

порою кажется что
даже в гробу продлится
эта зыбкость
сквозь отверстия от сучков

* * *

Я абориген
выстрегал бумеранг
и бросил в историю —
выудил тысячу куршских * солдат

Первым делом напевая и шаманя
освободили Вентспилс от метанола нитрилакрильной кислоты
аммиака
а также некоторых других складов

Потом появились в Резекне
и залечив ожоги
избавили белорусских детей
от недостатка школ

В Яунелгаве мы успели создать
Центр культуры латвийских евреев
с типографией чтобы печатать тексты на древнееврейском

В свою очередь в Колке государственным
языком объявили ливский

В Риге православному собору
по адресу: бульвар Бривибас, 23*
вернули спиленные кресты

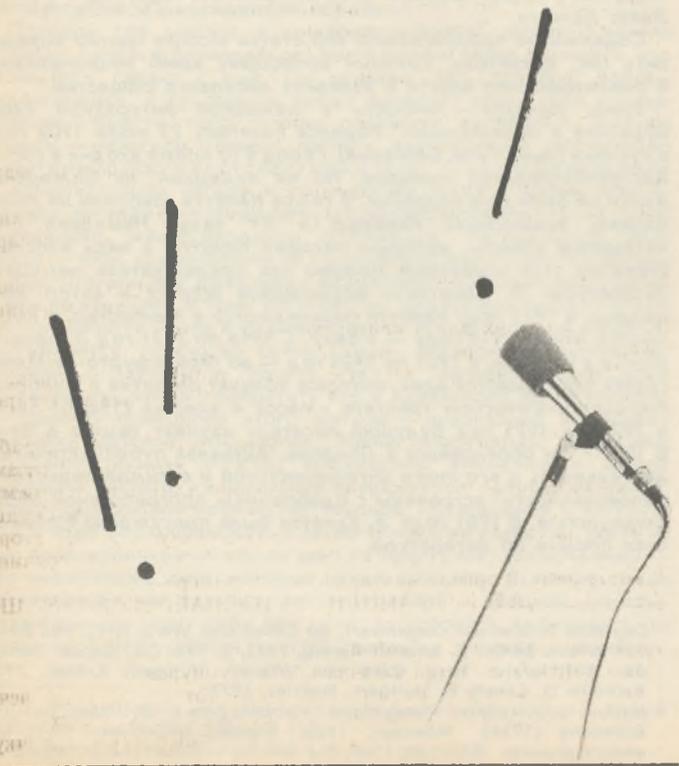
в заключение сели в лодки и погребли навстречу
дружелюбно улыбающимся викингским пацифистам

Перевел ГРИГОРИЙ ГОНДЕЛЬМАН

Примечания

Жемайтия — западная область Литвы.
Ст. Йонаускас — литовский поэт, стихи публиковались в журнале
«Родник», № 5 за 1988 год.
Лейши — литовцы
Пиеталава — бывший Абренский, ныне входит в Пыталовский район
Кангарс — действующее лицо эпоса «Лачплесис», колдун, выдавший
немецким рыцарям тайну силы Лачплесиса.
Милда — вульгарное название одного из памятников в центре Риги.
Курши — древнее латышское племя.
Ныне Дом знаний

Фото АНДРИСА КРИВИНЬША

ЭЛИАС КАНЕТТИ

ПРАВИТЕЛЬ

И

ВЛАСТЬ

Предисловие

XX столетие вошло в историю как столетие различных революций. Парадокс истории в том, что характеристика века постоянно дополняется — наше столетие можно также назвать и веком фашизма в самых разнообразных его проявлениях. Горькая правда заключена в афоризме Станислава Леца: «Средневековье случается в каждом столетии». И вероятно, избежать средневековья можно, лишь осознав, что оно может повториться. Формы фашизма будут становиться все изощренней, его завораживающая сила еще неотразимей.

Исторический опыт доказывает живучесть фашизма, эта тема и по сей день устрашающе злободневна. Фашизм видоизменяется, подстрчивается под сегодняшний день. В предлагаемой статье Э. Канетти исследуется его националистический вариант, ставший причиной возникновения «тысячелетнего рейха», и его закономерного разгрома через двенадцать лет существования. Идеология националистического фашизма во многом определила развитие и функционирование как социально-экономической, так и идеологической сфер. Поэтому исследование фашизма имеет не только научное, но и практическое значение. К тому же само явление нам понятно только в самых общих чертах — слишком многое не осмыслено или вовсе не поддается осмыслению. Хотя бы то, каким образом вполне разумные люди превращаются за короткий срок в безликих существ, готовых ради иллюзорного будущего с именем вождя на устах истреблять все на свете, себя в том числе. Живые мертвецы даже исполнены гордости от сознания своей священной миссии. Неумолимая жажда кумира гонит людей к роковому концу, и они, не ведая о том, с упоением кидаются перековывать инакомыслящих и строптивых. Психологический портрет идиологов — «фюрера», «дуче», «каудильо» и др. — известен — они все на одно лицо, несмотря на различие их экономических и политических установок. Схема проста: террор — неизвестность — рабская преданность. Но незнание механизмов возникновения и развития фашизма, бездумное равнодушие к последствиям и новым формам не уменьшает вероятности возникновения иной его вариации. Свой вклад в исследование

названного круга проблем внес австрийский писатель и ученый Элиас Канетти.

Содержание предлагаемой его статьи можно кратко определить так: правитель, который воплощает идею национализма, и реализация его власти в условиях массового общества.

Элиас Канетти — личность в немецкой литературе своеобразная и независимая.¹ Родился писатель 25 июля 1905 года в Русчуге (ныне Русе, Болгария). Город в то время входил в состав Австро-Венгерской империи. Но ни немецкий, ни болгарский языки не были ему родными. В семье Канетти говорили на языке евреев, покинувших Испанию в XV веке. Немецкий стал четвертым языком, которым овладел Канетти, а ведь впоследствии он стал известным именно как представитель немецкой литературы. Э. Канетти — выдающийся эссеист и автор афоризмов. В 1911 году Канетти переселяются в Манчестер, а после смерти отца в 1916 году — в Вену. С 1916 по 1921 год Э. Канетти учится в Цюрихе, с 1921 по 1924 год — во Франкфурте-на-Майне (здесь зарождаются идеи, которые получают развитие в философско-социологическом трактате «Масса и власть» (1960)). Затем с 1924 по 1925 год будущий писатель изучает химию в Вене. В 1939 г. он обосновался в Лондоне. Активная публицистическая деятельность и его книги антифашистской и антимилитаристской направленности² встречены с одобрением прогрессивной общественностью. В 1981 году Э. Канетти была присуждена Нобелевская премия по литературе.

¹ Deutsche Dichter der Gegenwart. Ihr Leben und Werk. Hrsg. von Benno von Wiese. Berlin: E. Schmidt Verlag, 1973, S. 195. См. также: Lexikon der Weltliteratur. Hrsg. Gero von Wilpert. Stuttgart: Kröner, 1975; Barnouw D. Canetti E. Stuttgart: Metzler, 1979.

² Можно упомянуть следующие произведения Э. Канетти: Die Blendung [1936]. München, 1963, Dramen. München, 1964, Der andere process. München, 1969, Die Stimme von Marrakesch. München, 1967 и др.

«Правитель и власть» (в оригинале «Hitler, nach Speer»), надо иметь представление о его трактате «Масса и власть». На него неоднократно ссылаются не только сам автор, но и многочисленные западные исследователи его творчества. Основополагающая проблема трактата — определение понятия массы. Массовое общество, как это ни парадоксально, заражено индивидуализмом, атомизировано. По Канетти масса — это своеобразная форма существования человеческой общности, обладающая характерными свойствами (некоторые из них упомянуты в предлагаемой статье). «Центральный феномен» массы, в соответствии с концепцией Канетти, это исчезновение «страха сближения» (Berührungsfurcht). Не менее образно сформулирован «центральный феномен» власти — это триумф самого жизнеспособного героя, пережившего всех. Выживший начинает считать, что он самый лучший, сильный и самый способный. Если выживание есть проявление власти, перевеса в силе, то нарастание у подножия власти массы погибших и угнетенных закономерно. Увеличение этой массы укрепляет власть, а выживший становится героем. Его власть и сила растут пропорционально увеличению массы покоренных, сгрудившихся у подножия его славы.

У теории Канетти — власть с массой увязывает приказ. Самый древний способ реализации приказа — загнать индивидуума в массу. Примеры находим в самой глубокой древности. Причина ухода в массу — ужас и страх. Уход дает чувство стабильности. Индивидуумы втянутые в массу, живут ее жизнью. Жизнеспособность массы обеспечивается жертвой. Таким образом власть коренится в страхе каждого индивидуума в отдельности, в массе он ищет убежище и вместе со страхом утрачивает в ней чувство ответственности за свои поступки. Власть, могущество, сила (Macht) — это способность воздействовать на других (насилие) и возможность повелевать. Ее символ — триумф выжившего сильного богоподобного героя-вождя над подобострастной толпой, готовой выполнить любой его приказ.

Свои взгляды Э. Канетти развивает только в рамках феноменологии власти и национализма. Поэтому в данном случае бессмысленно требовать социально-политической трактовки фашизма. В его работе звучит утверждение общечеловеческих ценностей и предупреждение о возможности возникновения массового общества, об ужасах вождизма и о причинах его возникновения. Ход размышлений Канетти свидетельствует о попытке преодолеть традиционную трактовку власти как гегемонии — подчинения по Макиавелли-Хобсу. Теория Канетти соприкасается с «микрофизикой власти» структуралиста М. Фуко (M. Foucault), с которой, в свою очередь, близки концепции «новых философов» Ж. Делеза (G. Deleuze), Ж. Гваттари (G. Guattari) и др. Но в общих чертах трактовка составных частей и законов национал-социализма перекликается с теорией «психотического космоса»,³ по которой структура и принципы концентрационного лагеря соотносятся с жизнью общества вообще. Как пример, можно привести труд ученого психоаналитика Бруно Беттельгейма «Просвященное сердце».⁴

Проведя три месяца в концентрационном лагере (сначала в Дахау, потом в Бухенвальде), Беттельгейм начал понимать, что понемногу сходит с ума. Он заметил, что, подобно другим заключенным, в свободное время начинает вести себя совсем странно. Вместо того, чтобы посвятить свободные минуты отдыху — заняться чтением, поспать, заключенные непрерывно и неумолимо обсуждают следующие темы: возможные перемены в администрации лагеря и последствия этого в жизни заключенных, догадки по поводу того, что назавтра привезут в лагерьный магазинчик, международное положение. Несуразность очевидна — ведь заключенные не располагают информацией как раз о том, что они так оживленно обсуждают. В лагере никогда ни о чем не известно. К тому же характер разговоров таков, что все, что ни случится — все к худшему, таким образом, подавленность усугубляется. Чтобы не сойти с ума, Беттельгейм принимает решение — изучить и понять, что в лагере проделывают с человеком, чтобы превратить его в идеального заключенного.

Один из принципов этого метода — прививание взрослому человеку детской психологии. Жизнь впроголодь вынуждает постоянно думать о еде; чрезмерное внимание в лагере уделяется чистоте, а в наказание за проступок — публично секут. В лагере огромное количество законов, предписаний и инструкций, к тому же, многие из них заключенным не известны. Часть из них противоречивы — что ни шаг, то проступок, заключенный — это нашалившее дитя, которое нужно наказывать. В лагере среди заключенных нет сильных, нет постоянной и крепкой дружбы. Заключенные ведут себя как дети: то ссорятся, то мирятся, то снова ссорятся; особой честью считается украсть что-нибудь.

В лагере процветает доносительство, хотя никакого вознаграждения за свою деятельность добровольные доносчики не получают.

В лагере наказывают не только человека, совершившего проступок. Ответственности за себя человек не несет, ее подменяет коллективная ответственность. Если проступок совершен в бараке, то наказывают всех заключенных барака, если во время работы — всю рабочую команду. Поэтому сами заключенные следят за порядком в лагере и за тем, чтобы не совершались проступки. В лагере постоянно поддерживается «фон террора»: время от времени кого-то у всех на виду секут, расстреливают, отправляют в газовую камеру. И в первую очередь наказывают того, кто хоть немного отличается от безликой толпы, кто еще сохранил хоть какую-то крупницу индивидуальности. Человек сам начинает разрушать свою личность, чтобы слиться с толпой и таким образом выжить. Заключенный действует только по приказу, нет права даже на самоубийство — попытка самоубийства карается смертью. Перевоспитывае работой, с которой справиться может любой — бессмысленным, тупым трудом, превращающим человека в «идеального заключенного». В лагере не заставляют делать единственно то, что действительно рождает в человеке человека.

Существование концентрационных лагерей отзывается на жизни всего общества. Об их существовании всем известно, но более подробных сведений нет. Отсутствие информации умышленно — чтобы человек не мог, хотя бы каким-то образом, подготовиться. Человек вдруг исчезает и все! Срабатывал принцип — моя хата с краю. В Германии поначалу была поднята шумная кампания против цыган — всех в лагерь! У человека в такой ситуации тут же возникает обыденная, удобная (и поэтому жуткая) мысль, — я не цыган, и это ко мне не относится. За цыганами последовали гомосексуалисты, наркоманы, владельцы публичных домов и проститутки. Затем настал черед людей, возмнивших, что имеют вес в жизни общества. Например, интеллигенты — физики, адвокаты, врачи и т. д. Они, видите ли, требуют свободный доступ к информации, поездки за границу. С ними поступают еще проще, произвольно выбирают каждого десятого и ссылают в лагерь, причем лидер может и не попасть в черный список.

Постоянно нагнетается атмосфера страха (социального психоза). Поддерживается она и таким незатейливым способом; как прослушивание телефонных разговоров. Чтобы выжить, человек сливается с властью. Такому человеку даже не надо приказывать, он уже знает, что нужно делать и чего от него ждут. Чтобы воспитать людей подобающим образом, создавались детские и молодежные организации с неизменными добровольными стучаками. Для тех же целей служат портреты вождя — куда ни кинешь взгляд, всюду Гитлер. Портреты для того, чтобы человек осознал, что он соучастник всех злодеяний, что он тоже помогает реализовать идеи национализма. Чтобы человек понимал, что он ничто, и чтобы он об этом никогда не забывал. А если он портретов уже не замечает, то человек уже превратился в «идеального заключенного».

После второй мировой войны немцы зачастую говорили, что они ведают не ведали о концентрационных лагерях, что они только выполняли приказы.⁵ Это характерная человеческая черта — не знать того, что знаешь и всю ответственность сваливать на кого-то другого, на вождя (который к тому же покоится в могиле). Поэтому порой доводится слышать, что сами немцы еще не в состоянии осознать и тем самым оправиться от травмы, явившейся закономерным результатом политики национализма. Ее жертвы не только узники концентрационных лагерей, но и последующее поколение⁶ (общество рассматривается как аналог). Труд Э. Канетти об элементах, механизмах и паранормальной природе «психотического космоса» имеет особое значение. Он — предупреждение и заставляет быть начеку, жить жизнью, достойной человека.

ИГОРЬ ШУБАЕВ.

³ См. Psychoanalyse und Nationalsozialismus. Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1984, S. 215.

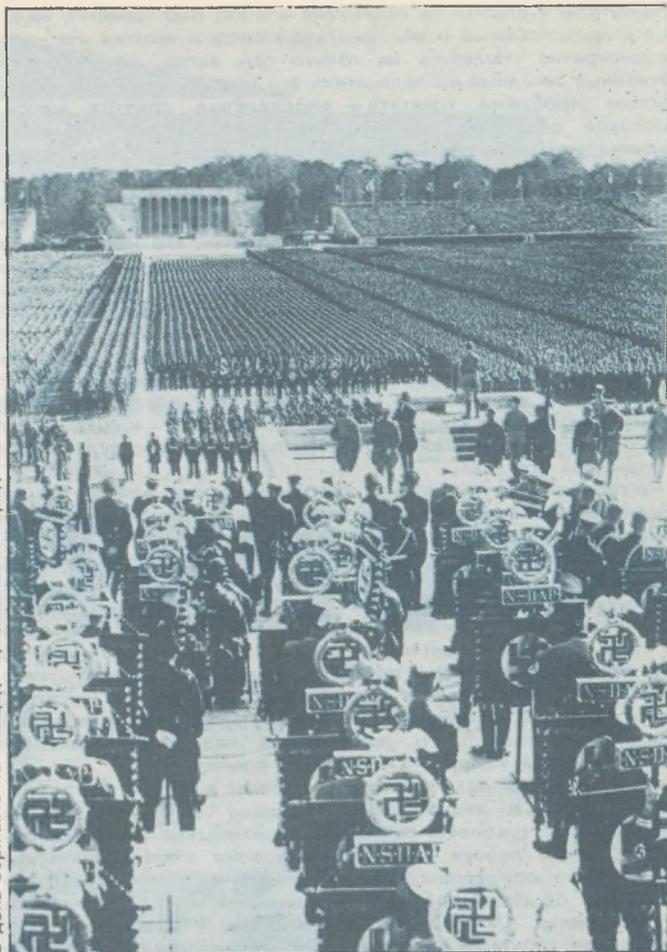
⁴ Bettelheim B. The Enformed Heart. New York, 1960.

⁵ Подробнее об этом и о том, что на подобные преступления не распространяется срок давности: Ясперс К. Куда движется ФРГ? — М., 1969.

⁶ См. Psychoanalyse und Nationalsozialismus. Frankfurt a. M. 1984, S. 159 u. Psychoanalyse unter Hitler — Psychoanalyse heute. In: Psyche. Lg. 40, № 5, 1986, S. 423—442 и др.

Нюрнберг, 1935 г.

В день вермахта на площади Цепелинов. Парад танков.

ЭЛИАС КАНЕТТИ ПРАВИТЕЛЬ И ВЛАСТЬ

Величие и Дауэр*

Пожалуй, самая поразительная часть книги Шпеера² это архитектурные планы Гитлера. Они даны в иллюстрациях и привлекают внимание прежде всего тем, что явно противоречат устремлениям современной архитектуры тех лет. Достаточно беглого взгляда, чтобы они неизгладимо запечатлелись в памяти.

Однако нельзя ограничиться столь банальной констатацией. Мы не имеем права тешить себя мыслью, что подобные феномены неповторимы. Необходимо пристально изучать их, выяснить природу и суть явления.

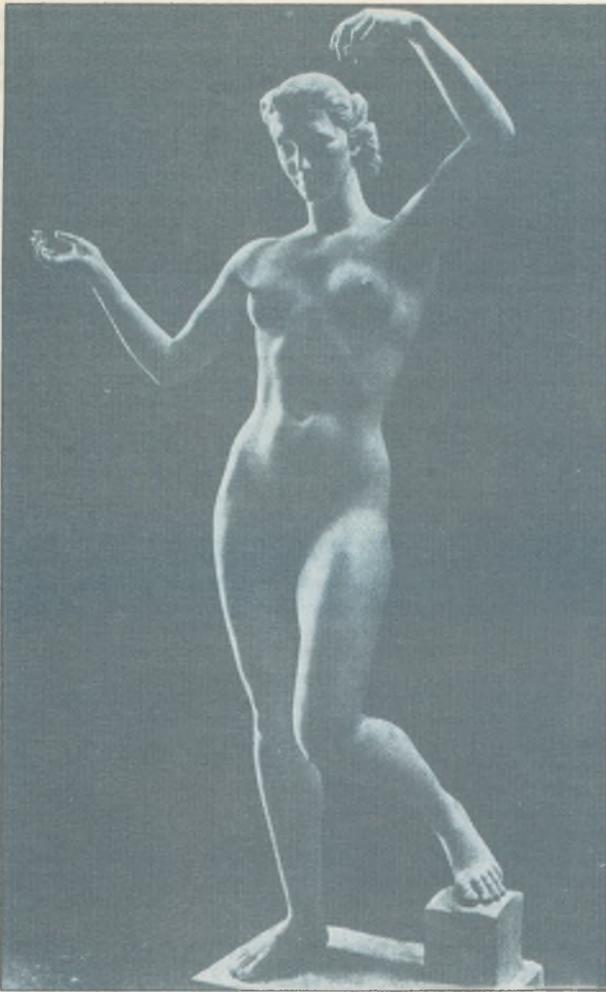
Первое, что бросается в глаза — на это неоднократно указывает и сам Шпеер — одновременность строительства и разрушения. Планы нового Берлина возникли в мирное время. Их завершение намечалось на 1950 год. Даже расторопному Шпееру, завоевавшему доверие Гитлера, быстротой своих построек, было бы не легко уложиться в предложенные сроки. Гитлер с такой страстью стремился реализовать эти проекты, что нельзя усомниться в искренности его намерений. Но одновременно разрабатывался грандиозный план покорения мира. Шаг за шагом, от одного успеха к другому обнаруживались размах и серьезность и этого замысла. Реализовать его без войны немислимо, так что война предполагалась с самого начала. Как бы ни сильны были позиции, которые можно утвердить без войны, в конце концов ЭТО должно было произойти. Империя, создавшая привилегии немцам (и возможно всем «германцам»), была рассчитана на порабощение всего мира, должна была внушать ужас, кровь **должна** была

пролиться, и она лилась рекой. Так что Гитлер «ввязался» в войну закономерно. Совпадение ее со сроками строительства дает повод заподозрить, что Гитлер намеревался скрыть до поры до времени свои милитаристские амбиции. Эта версия была известна и Шпееру, но он отверг ее. Шпеер прав, ибо учитывает обе стороны натуры Гитлера, не подчиняя одну другой. Жажда строительства и стремление к разрушению уживались в его натуре, проявляясь одинаково остро.

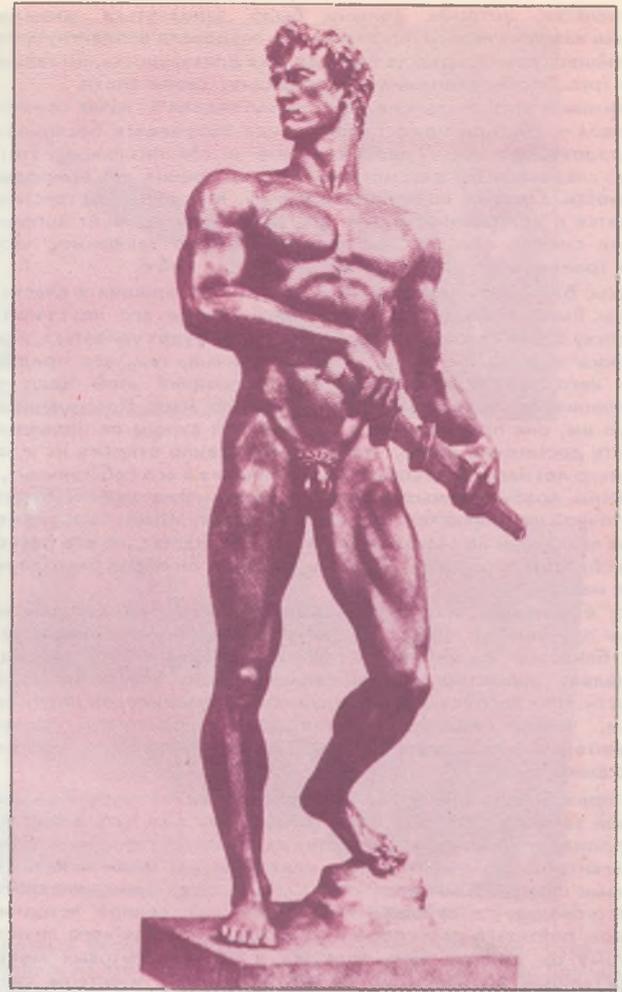
Поэтому так сильно воздействие проектов Гитлера на сегодняшнего наблюдателя. Смотришь на них и думаешь о чудовищном разрушении немецких городов. Знаешь, чем все кончилось, и вдруг видишь в полном объеме, чем все ЭТО началось. Причина столь потрясающего воздействия скрывается именно в этом противоборстве. Оно кажется загадочным и необъяснимым. Однако в нем в концентрированном виде выражено нечто беспокоящее нас и по ту сторону Гитлера. Это, по сути дела, единственный неоспоримый, постоянно повторяющийся результат всей предшествующей «истории».

Осознание противоборства позволяет многосторонне изучить внезапное обострение хода истории, каковым можно считать появление Гитлера. Мы не имеем права брезгливо отворачиваться, хотя такова естественная реакция. Но также нельзя довольствоваться обычными средствами исторического исследования. Их недостаточность очевидна. Где тот историк, сумевший предсказать появление Гитлера! Даже если какой-нибудь особенно «честной» истории удалось бы изгнать из своей кровеносной системы глубоко въевшийся в нее яд преклонения перед властью, то в лучшем случае она сумела бы предупредить о возможности нового Гитлера. Но поскольку он явился бы в другом месте и облик его был бы иным, то предупреждение было бы напрасным.

* Дауэр (нем.) — бесконечно продолжительное, долговечность. (См. примечания.)

Арно Брекер. «Грация», 1939 г. Скульптура для круглого зала в новой рейхсканцелярии.

Для истинного понимания этого феномена необходимы новые средства. Их нужно выискивать, добывать и применять, где бы они ни попадались. Методы такого исследования пока еще отсутствуют. Строгость научных дисциплин в данном случае подобна суеверию. От них ускользает как раз то, что должно стать предметом изучения. Нерасчлененное созерцание самого феномена — вот высшая предпосылка. Самодовольная вера в непогрешимость понятия, каким бы проверенным оно ни казалось, здесь вредна.

Гитлеровские постройки предназначались для того, чтобы собирать и удерживать большие массы людей³. Благодаря умению собирать такие массы, он пришел к власти, однако он знал, как легко они стремятся к распаду. Есть, помимо войны, лишь два средства предупредить распад массы. Одно — это ее **рост**, другое — ее периодическое **повторение**. Эмпирик массы, каких было мало в истории, Гитлер знал и формы существования массы, и средства ее сохранения.

На огромных площадях, таких необъятных, что их невозможно заполнить, масса может расти, остается открытой. Ее возбуждение, управлять которым было для него особенно важно, подогревается ее ростом. Все остальное, что касается образования таких масс — знамена, музыка, марширующие группы, действующие как зародыши кристаллизации масс, в особенности же долгое ожидание перед выходом важных персон, — все это было хорошо известно ему и его помощникам. Здесь не стоит подробно на этом останавливаться. Важно лишь, что в планах строительства учитывалась открытость массы, возможность ее роста.

Для периодического **повторения** служат постройки культурного характера. Образцом их являются соборы. Спроектированный для Берлина «Куппельберг»⁴ должен был по объему в 17 раз превзойти собор святого Петра⁵. В конечном счете такие здания предназначались для **закрытых** масс. Какими бы гигантскими они ни казались, есть предел их наполняемости, далее которого масса расти не может. Здесь речь идет уже не о дальнейшем росте, а о том, чтобы побудить ее к периодическим сборам. Масса распавшаяся, покинувшая какое-либо пространство, должна с уверенностью предвидеть возможность собственного восстанавления.

Во время спортивных мероприятий масса размещается в круг или полукруг. Несметные толпы расположены друг против друга, масса лицеизреет себя, следя за событиями, разыгрывающимися посередине. Когда образуются две партии, возникает двухмассовая система, подогреваемая развертывающимся состязанием. Образцы этой формы пришли из античного Рима⁶.

Другая форма массы, которую я обозначил как бесконечно продолжающаяся — Дауэр, возникает в процессиях, маршах и парадах. Я не хочу повторять то, что я уже сказал о ней в книге «Масса и власть». Важность ее Гитлер полностью осознавал, предусмотрев в своих планах 120-метровой ширины проспект, протянувшийся на 5 километров.

Эти постройки и сооружения, которые из-за своей величины даже на бумаге производят холодное и отталкивающее впечатление, в уме их создателя были заполнены массой, которая ведет себя в зависимости от архитектурного типа заполняемого ими объема и способа его ограничения. Чтобы дать точное представление о процессах, которые должны при этом протекать, нужно детально описать ход массового события в каждом из таких сооружений от начала до конца. Здесь это не может быть нашей задачей, достаточно указать в самом общем виде способы оживления этих зданий и сооружений.

Это воскрешение будет продолжаться и после смерти их строителя. «Ваш муж, — торжественно говорил он жене Шпеера в первый вечер их знакомства, — воздвигнет для меня сооружения, каких не строили уже четыре тысячи лет». Он имел в виду при этом Египет, особенно пирамиды из-за их величины, но еще и потому, что они стоят неизменными уже четыре тысячелетия. Их не скроешь, их невозможно замаскировать, они как будто заключают в себе Бесконечно Продолжительное, минувшие тысячелетия. Он долго находился под впечатлением их открытости и долговечности; то, что они, благодаря особенностям своего возникновения, служат также символами массы, может быть, четко ими не осознавалось, но, инстинктом воспринимая все, что касается массы, он должен был это почувствовать. Ибо эти сооружения, созданные трудом бесчисленных масс, являются символом массы, которая не распадается.

Его здания были не пирамидами и должны были заимствовать у последних только величину и долговечность. В них содержалось

пространство, которое должно было заполняться живыми массами каждого нового поколения. Их следовало воздвигнуть из крепчайшего камня, прежде всего во имя длительности, но также и для того, чтобы напоминать о традициях своей эпохи.

Понимание этих тенденций, как они выглядели в глазах самого строителя — Гитлера, не составляет труда. Разумеется, Бесконечно Продолжительное — дело сложное и сомнительное, этот вопрос следовало бы рассмотреть с точки зрения его природы и ценности. Однако, если предположить, что человек страстно стремится к долговечности, что для него не существует вопроса о ее смысле или бессмысленности, можно заключить, что в этих грандиозных планах он выражает сам себя!

Массы, благодаря возбуждению которых он пришел к власти, должны быть возбуждены всегда, даже когда его не станет. Поскольку более слабым наследникам это не будет удаваться, как удавалось ему самому, ибо он единственный, тем, кто придет после него, он оставит средства достижения этой цели — сооружения, способствующие возбуждению масс. Построенные именно им, они пронизаны его собственной аурой; он надеялся прожить достаточно долго, чтобы торжественно открыть их и за несколько лет наполнить собой. Воспоминания о его собственных, им самим возбуждаемых массах, в стенах этих зданий будет достаточной помощью тем, кто ему наследует. Может быть, даже скорее всего, они не заслуживают этого наследства, но все равно таким образом продлевается власть, которую он обрел благодаря своим массам.

Ибо, в конечном счете, речь идет о власти. «Вместилищам массы» присуще то, что можно назвать свойством «придворности», близости к престолу: рейхсканцелярия — его дворец, неподалеку министерство, черпающие свою власть из этой близости. Иногда, будучи в благодушном настроении, он подумал о том, чтобы сохранить старое здание рейхстага. Каким незначительным покажется старый рейхстаг рядом с новыми колоссами!

Его презрение к Веймарской республике, единственный смысл которой заключался в том, чтобы обеспечить ему путь к власти, будет понятно всякому, кто отметит карликовый рейхстаг в тени его гигантских монументов. Как ничтожны мы были и какими великими стали — благодаря Ему! Однако сюда примешивалось и благоговение по отношению к своей собственной истории. В старом рейхстаге разыгралось много важного для него лично, а потому он должен быть включен в число культовых мест.

Собственное восхождение он воспринимал с чувством суеверного благоговения. Мало того, что каждый его этап был подтвержден официально, чего он, естественно, не мог не ожидать от рабски услужливой истории (он сам постоянно возвращался к этой теме в широком и узком придворном кругу). Он мог распространяться об этом часами. История его трудностей, поворотов колеса фортуны была так хорошо известна слушателям, что они могли продолжить рассказ с того места, где умолкал он сам. Иногда он действительно умолкал и засыпал в ходе рассказа.

Особое влечение он испытывал к городу своей юности, к Линцу. Он ничего не забывал, помнил и о том, как пренебрежительно относилось к Линцу венское правительство. К Вене он вообще испытывал глубокую неприязнь, там ему пришлось худо; даже триумфальное вступление сюда германских войск в марте 1938 года не примирило его с Веной, и, как и ранее, его интересовал и в этом городе лишь Ринг с его роскошными зданиями. Даже то, что Вена расположена на левом берегу Дуная, он находил непростительным. Линц, наоборот, должен стать вторым Будапештом с великолепными зданиями по обоим берегам. Он осядет здесь в старости, и здесь будет воздвигнута его гробница⁷. В конце концов Линц станет важнее, чем Вена, и его внушающие зависть сооружения будут мстять за огорчения прежних дней. Это была его заветная мечта — превзойти Вену Линцем.

Поскольку слово произнесено, пора сказать, что значило для Гитлера **превосходство**. Это, пожалуй, лучшая возможность ближе понять механизм его духа. Любое из его предприятий, все его глубочайшие желания продиктованы стремлением превзойти; можно даже назвать его **рабом превосходства**.

Правда, он не одинок. Если кому-то понадобится одной чертой выразить сущность современного общества, то сразу бросается в глаза именно стремление превзойти. В Гитлере эта страсть обрела такой размах, что неизбежно наталкиваясь на нее всюду. Возможно, здесь коренится объяснение его внутренней пустоты, относительно которой Шлеер находит в конце книги выразительные слова.

Сравнение одного с другим возможно только в борьбе, превзошедший — всегда победитель. Представление о неизбежности борьбы, о победе как доказательстве правомерности любого рода притязаний настолько глубоко укоренилось в Гитлере, что, ни на минуту не допуская возможность поражения, он

считал оправданными собственную гибель и уничтожение, если поражение все-таки случится. Сильнейший — лучший, сильнейший заслуживает победы⁸. Он старался, насколько это удавалось, обмануть противника, победить бескровно. Бескровные победы подкрепляли в нем убежденность, что кровь будет, что достигнутое без пролития крови мало чего стоит. Над договорами, которыми гордился Риббентроп и которые так скоро нарушались, он смеялся до слез⁹. Он не принимал их всерьез уже потому, что они не стоили крови, а вражеских политиков, полагавшихся на договоры, он причислял к декадентам, страшачимся войны.

Однако жажду соперничать и доказывать свое превосходство он удовлетворял не только в войнах. Состязательностью он был буквально одержим, старался превзойти все, что угодно, это стало для него идеей, применимой повсюду как универсальное средство. Он считал необходимым поручать двоим решение одной и той же задачи, чтобы они старались превзойти друг друга. Все значительное, что только могло встретиться на свете, вызывало у Гитлера желание превзойти.

Фигура Наполеона, несомненно, возбуждала в нем соперничество. Елисейские поля, ведущие к Триумфальной арке, имеют в длину два километра; его парадный проспект не только шире, он протянется на целых пять километров. Триумфальная арка имеет в высоту 50 метров, его Триумфальные ворота достигнут 120 метров. Объединение Европы было целью Наполеона; он тоже достигнет этой цели, причем осуществит ее навсегда. Поход в Россию, благодаря Наполеону, был предопределен. Страстным желанием превзойти Наполеона объясняется энергия, которую он вкладывал в это предприятие, упорное стремление удержаться на захваченных позициях, которые уже нельзя было удержать, неприятие любых советов, даже объективных данных. Кавказ нужен был ему как плацдарм для броска в Персию; здесь он соревновался с индийскими планами Наполеона. Тем, что в этом последнем занозой сидела слава Александра Великого, доказывалась существование особой, кажущейся неисчерпаемой, исторической традиции — появление новых и новых фигур, питаемых страстью превзойти все, что было раньше.

Подчас ему не давали покоя весьма заурядные достижения. Но их следовало превзойти. Трибуна для почетных гостей в Нюрнберге будет увенчана фигурой, которая на 14 метров выше нью-йоркской статуи Свободы.

«Большой стадион» там же будет вмещать вдвое, втрое больше людей, чем Circus Maximus в Риме. Годтом¹⁰ был запроектирован для Гамбурга мост, превосходящий Золотые Ворота в Сан-Франциско. Центральный вокзал в Берлине должен был «победить» Grand Central Station в Нью-Йорке. В громадном купольном дворце могли бы многократно уместиться вашингтонский Капитолий, римский собор св. Петра и многое другое. Шлеер несколько не принижает своей собственной роли в этих состязаниях. Он был, по его словам, опьянен идеей создания в камне памятников истории. «Я воодушевил и Гитлера, сумев ему доказать, что мы в состоянии превзойти выдающиеся сооружения, по крайней мере, в отношении их размера». Ясно, что его захватила гитлеровская мания величия, и он не сумел противостоять растущему доверию, которое оказывал ему Гитлер. Однако уже тогда он сделал наблюдения, полный смысл которого был им осознан лишь позднее: «Страсть к постройкам для вечности оставляла его совершенно равнодушным к дорогам, жилым районам и земельным пространствам; социальное измерение его не интересовало».

Маниакальное стремление превосходить связано, как я показал в «Массе и власти», с иллюзией **дальнейшего роста**. Последнее же воспринимается как своего рода гарантия дальнейшей жизни¹¹. Следовательно, эти рассчитанные на много лет планы надо рассматривать и как средство продления его собственной жизни. В эти годы он часто прикидывал, сколько ему осталось. «Я не буду жить долго. Я всегда думал о том, хватит ли времени осуществить все планы. Я должен сделать это сам!» Такие страхи в их особенной окраске характерны для параноидальной природы. В кажущейся или действительной уязвимости тела кроются и другие опасности, связанные с непреодолимой манией величия. В истории болезни Шребера¹², паранойей которого была гораздо более выраженной, эта взаимосвязь обнаруживается с полной очевидностью. Страхи такого рода, конечно, не означают отказа от притязаний на величие. Наоборот, происходит «полезное» взаимодействие между страхами и притязаниями. Планы, реализация которых вызывает у человека опасение (ибо время, ему отпущенное, представляется недостаточным), сохраняют свою масштабность **принудительного** продления жизни. До 1950 года, когда планы нового Берлина станут реальностью, и еще пару лет (чтобы не только торжественно открыть, но и наполнить собой здание в помощь своим наследникам, т. е. чтобы увековечить свою функцию) он **должен** жить.

Кстати, удивительно, насколько велико воздействие интенсивно

Ворота немецкого павильона с Всемирной выставки в Париже, «Немецкий дом».

преследуемых и переживаемых целей даже не менее честолюбивых людей¹³. Можно предположить, что, не начнись война, ознаменовавшая начало катастрофы Гитлера, он дожил бы — вопреки страхам и ударам судьбы — до своего нового Берлина 1950 года.

Триумфальные ворота

Из всех сооружений, запланированных Гитлером для нового Берлина, были ему всего дороже Триумфальные ворота и гигантский Купольный дворец. Набросок ворот был сделан им еще в 1925 году, четырехметровая модель по этому наброску стала сюрпризом Шпеера к пятидесятилетию Гитлера в апреле 1939 года. За несколько недель до этого его войска вошли в Прагу. Время для Триумфальных ворот казалось особенно подходящим. Гитлер был глубоко тронут. Он вновь и вновь возвращался к модели, созерцал, демонстрировал ее гостям; снимки, свидетельствующие о восторге Гитлера, публикуются в «Воспоминаниях» Шпеера: вряд ли когда-нибудь другой подарок приходился ему столь же по душе.

До этого Гитлер неоднократно говорил со Шпеером о Триумфальных воротах. Они должны иметь 120 метров в высоту, т. е. более чем вдвое превзойти Триумфальную арку Наполеона в Париже. «Это будет по крайней мере достойный памятник немцам, павшим в мировой войне. Имя каждого из 1,8 миллиона павших будет врезано в гранит!» Это слова Гитлера, переданные Шпеером. Ни в чем так точно не выражена его сущность, как в этих словах. Поражение в первой мировой войне не признается и превращается в победу. Ее знаменуют Триумфальные ворота, вдвое большие, чем те, которых удостоился Наполеон за все свои победы. Тем самым возведено намерение эти победы превзойти. Воротам предназначено стоять вечно, а потому они будут из самого твердого камня. Однако в действительности их составляет материал неизменно более ценный — 1,8 миллиона мертвых. Имя каждого из павших будет врезано в гранит. Им воздано должное, но кроме того они будут тесно сплочены, теснее, чем это возможно в любой массе. Своим немислимым числом они конституируют Триумфальные ворота Гитлера. Это еще не мертвые новой, им запланированной и желанной войны, но первой — той, в которой участвовал он сам. Он ее пережил, он остался ей верен и никогда от нее не отречется. В сознании этих мертвых он почерпнул смелость не признавать результаты войны. Они были **ЕГО МАССОЙ**, когда у него не было другой, он чувствовал, что они помогли ему добраться до власти; без

А. Шпеер и А. Гитлер.

Победные штандарты. День партии в Нюрнберге, 1933 г.

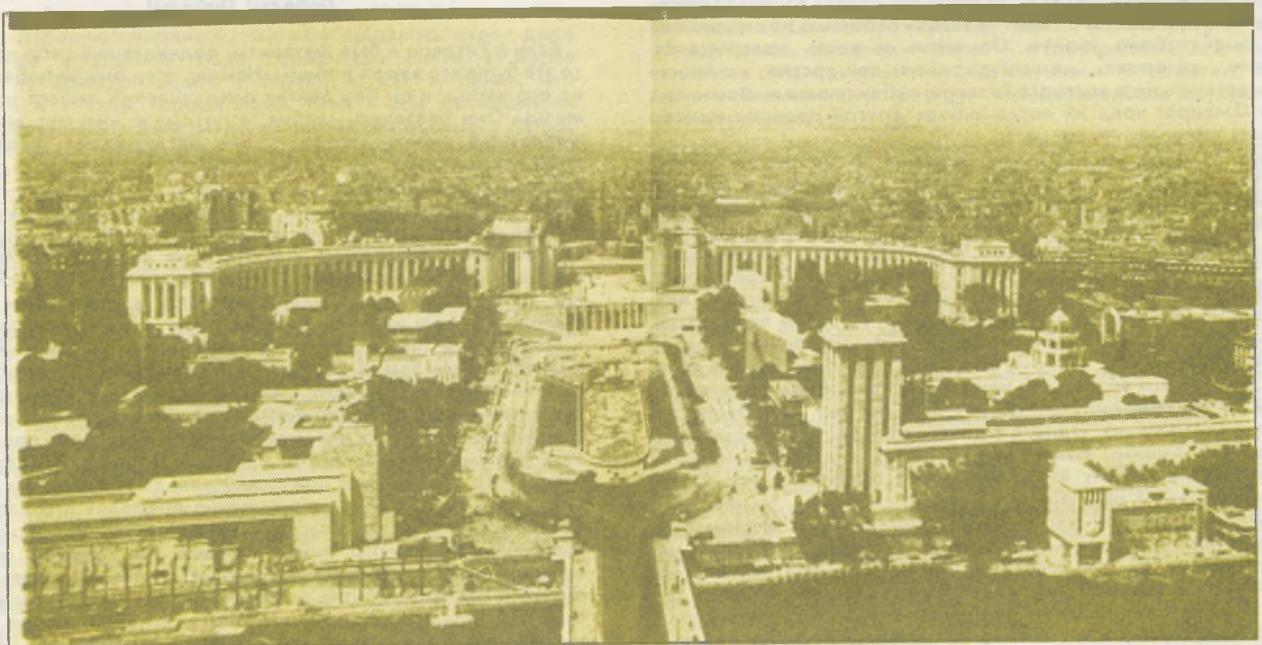
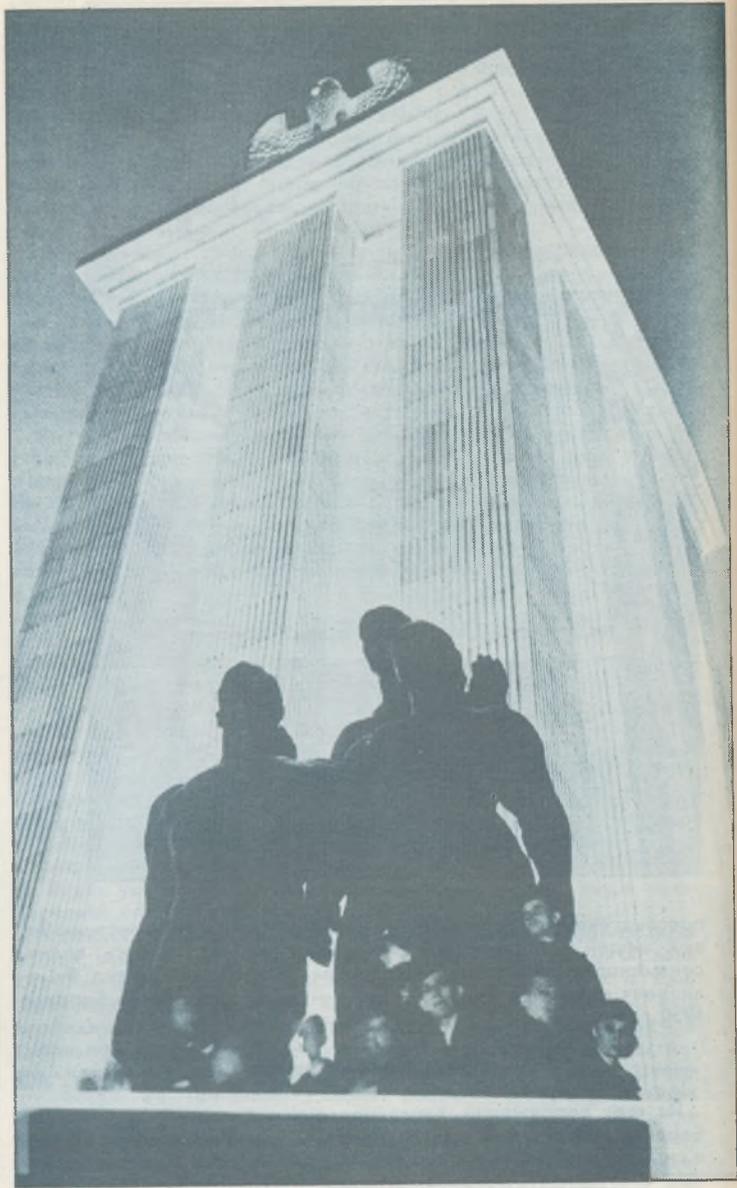
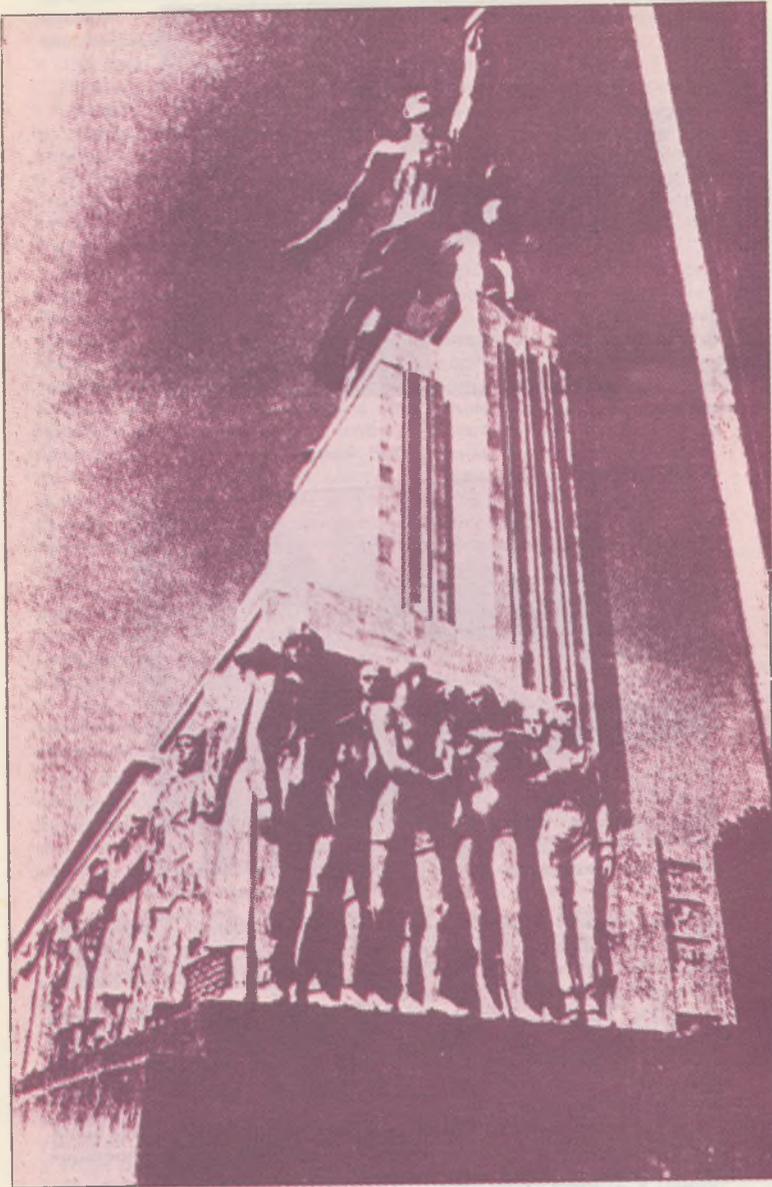
мертвых первой мировой войны его бы не было. Стремление собрать их всех в своих Триумфальных воротах стало признанием этой истины и его долга перед ними. Однако, это его Триумфальные ворота, и его имя предстоит им нести. Вряд ли кто-то прочтет много других имен; даже если в самом деле удастся выгравировать 1,8 миллиона имен, на подавляющее большинство из них никто не обратит внимания. В памяти останется лишь число, и это астрономическое число будет нести его имя.

Чувство массы мертвых было решающим для Гитлера. Эта была был одержим — и его одержимость проявлялась в зловещей жизненности — этими мертвыми.

Победы! Победы!

Если в Гитлере и был фатализм, подчинявший себе все прочее, то эта была его вера в победы. Немцы, если они не побеждают, — не его народ, и он без долгих размышлений лишает их права на жизнь. Они оказались слабее, а потому к ним нет жалости, он желает им гибели, которую они заслуживают. Если бы они побеждали дальше, как это было обычно при нем, в его глазах они выглядели бы совсем другим народом. Победители — это иные люди, хотя и те же самые. То, что столь многие верили в него, хотя города лежали в развалинах и практически ничто не защищало их от вражеских бомбежек, вовсе его не впечатляло. Хвастливые обещания Геринга защитить Германию от налетов не исполнились (за что он получил от Гитлера выговор), и в конечном счете это ставилось в вину массе немцев, которые уже не могут побеждать.

Получалось так, что он ненавидел армию за каждый отдаваемый ею клочок земли. Покуда было возможно, он сопротивлялся, не желая отдавать ничего, сколько бы жертв это ни стоило. Ибо все захваченное он воспринимал как частицу собственного тела. Его телесный распад в последние недели в Берлине, пронизательный и изображенный Шпеером, распад, который, несмотря на все, что Шпеер против него предпринимал, вызывал в нем сострадания, — это не что иное, как сужение пределов его власти. Тело параноика — суть его власть, с нею вместе оно расцветет или съедится. До самого конца главной его забавой оставалось спасение тела от вражеских надругательств. Он, правда, отдал приказ о последней битве за Берлин, чтобы умереть, сражаясь, — одно из клише исторического хлама, которым полна была его голова. Но «я не буду сражаться», говорил он Шпееру, — слишком велика опасность, что я буду ранен, и русские схватят меня живым. И нельзя, чтобы враги глумились над моим телом.

Всемирная выставка в Париже, 1937 г.
Слева — советский павильон, справа — немецкий павильон.

Я приказал, чтобы меня сожгли». Он умирает без борьбы в то время, когда за него сражаются другие, и пусть с ними происходит что угодно! Его же забота, чтобы ничего не случилось с его мертвым телом, ибо это тело тождественно его власти, она заключается в нем.

Однако Геббельсу, умершему рядом, удалось превзойти его в смерти. Он заставил жену и детей умереть вместе с ним. «Жена и дети не должны меня пережить. Американцы принудят их вести пропаганду против меня». Это его слова, переданные Шпеером. Последнему не было разрешено наедине проститься с женой Геббельса, с которой он был дружен. «Геббельс упорно держался подле меня... Лишь перед самым концом она наемкнула, что действительно двигало ею: «Я счастлива, что хотя бы Геральд (ее сын от первого брака) останется жить!» Последний акт власти Геббельса заключался в том, что он не дал детям пережить себя. Он боялся, что их приспособят к его собственному делу — к пропаганде, но уже против него. То, что он сумел найти удовлетворение в таком финале, не следует понимать как возмездие за всю его деятельность: наоборот, это ее кульминация.

Равнодушие Гитлера к судьбе своего народа, величия и успешия которого он изображал как единственный смысл, цель и содержание своей жизни, выступает в воспоминаниях Шпеера с особенной стороны, беспрецедентной в истории. Именно Шпееру внезапно пришлось взять на себя прежнюю предполагаемую роль Гитлера: он стремился спасти то, что можно было спасти для немцев¹⁴. Упорная борьба Шпеера против Гитлера, который решил, что немцы должны погибнуть окончательно, и обладал достаточной властью, чтобы заставить выполнять свои приказы, — это борьба заслуживает уважения. Гитлер нисколько не скрывал своих намерений. «Если войну не спасти, — говорил он Шпееру, народ тоже должен погибнуть. Не нужно заботиться о том, что потребуется немецкому народу, чтобы владеть примитивное существование в будущем. Наоборот, все лучше уничтожить. Ибо народ оказался слабым, и будущее принадлежит исключительно восточному народу как более сильному. Уцелели в борьбе только неполноценные, лучшие пали».

Здесь победа однозначно объявляется высшей инстанцией. Поскольку его народ, который он сам вовлек в войну, оказался слабее, даже уцелевшие не имеют права жить. Глубинным же мотивом было стремление не допустить, чтобы кто-то пережил его самого. С победившим врагом он ничего не может сделать. Однако он в состоянии уничтожить остатки своего собственного народа. Согласно испытанному методу, он объявляет их неполноценными, «ибо лучшие пали». Оставшиеся в живых становятся в его глазах паразитами. Однако нет даже необходимости доводить процесс обесценивания до конца, ему достаточно объявить их неполноценными, как ранее душевнобольных. Все, что он уничтожил, бодрствует в нем. **Масса убитых взывает к ее умножению.**

Ее необычайную численность он хорошо осознавал: сам факт и способ ее умножения держался в тайне, будучи известным лишь непосредственным исполнителям, и это возбуждало его. Они стали огромной массой, полностью состоящей в его распоряжении, его тайной. Как и всякая масса, она стремилась к приращению. Поскольку он не может увеличить за счет врагов, ибо враги сильнее, в нем просыпается желание увеличить ее за счет своих. Как можно больше народу до него и как можно больше после него должно умереть. Не понимая внутренней взаимосвязи этих процессов, часть которых к тому же была от него скрыта, Шпеер должен был чувствовать глубокое отвращение к высказываниям, их обнаруживающим. Смысл истребительских приказов Гитлера был предельно ясен. Но их основания, если бы кто осмелился потребовать их, были таковы, что заставляли Шпеера желать Гитлеру смерти. Сегодня трудно представить, что не каждый немец, узнавший об этих приказах, воспринимал их и реагировал на них точно так же.

Но все мы, немцы и не-немцы, благодаря тому, что узнали об этих вещах, стали недоверчивы к приказам. Мы больше знаем, этот страшный пример еще недалеко от нас, и даже тому, кто склонен доверять приказам, следовало бы досчитать до десяти, прежде чем подчиниться¹⁵. Тогда именно Гитлер приучал видеть великую добродетель в слепом исполнении каждого его приказа. Не было других, высших ценностей; отмена всех ценностей, которые в ходе веков были признаны общечеловеческим достоянием, произошла необычайно быстро. Можно, однако, сказать, что именно сознание этих ценностей сплотило человечество в удивительнейшую коалицию, выступившую против Гитлера. В пренебрежении этими ценностями, в недооценке их значимости для любого человека Гитлер продемонстрировал беспримерную слепоту. Даже если бы он победил, что немислимо, его власть быстро распалась бы уже по этой причине. В режисе повсеместно вспыхнули бы восстания, к которым в конце концов примкнули бы и его сторонники. Он, черпавший уверенность в победах

Наполеона, не смог усвоить уроки его поражений. Им двигало стремление превзойти победы Наполеона. Маловероятно, как уже было отмечено, что Гитлер настаивал на завоевании России, если бы там не потерпел крушение Наполеон. Дух Гитлера не мог противостоять победам, известным истории. Но и поражения своих исторических прообразов, уже для того, чтобы превзойти их, он должен был превратить в победы.

Он начинал с Версаля и поражения в Первой мировой войне. В борьбе против Версаля он завоевал свои первые массы и, в конечном счете, захватил власть в Германии. Шаг за шагом ему удалось повернуть Версаль вспять. С момента победы над Францией, что было равносильно обратному Версалю, он проиграл. Ибо теперь он был убежден в возможности любого поражения — даже Наполеона в России — обратить в победу.

Сладострастие возрастающих чисел

Он верил в себя безгранично: самое трудное получится, успех обеспечен, если за дело возьмется он. Речь идет о неожиданных решениях, хитрых ходах, сюрпризах, угрозах, лжи, торжественных обещаниях, нарушенных договорах, выжидании перед броском, наконец о войнах, но можно говорить также и о некоего рода всеведении, особенно в специальных областях знания.

Его память на числа — это нечто особенное. Числа играли в его жизни иную роль, чем у других людей. В них было что-то от масс, скачкообразно возрастающих. Предметом своего рода преклонения было число немцев, населяющих рейх в целом. Сладострастие возрастающих чисел прямо-таки ошеломительно в его речах. Сильнейшее средство возбуждения массы — это отображение перед нею ее роста. Пока масса ощущает свой рост, она не стремится к распаду. Чем больше число, которое должно быть достигнуто, тем сильнее оно запечатлется в массе. Однако нужно дать ей ощутить собственный рост. Чем острее, тем сильнее возбуждение. 60, 65, 68, 80, 100 миллионов немцев! Без миллионов не обойтись; действительность этих чисел он испытывал на себе. Это ему удалось собрать их всех вместе. Масса, пришибленная такими цифрами, переживает их как мгновенный прирост. Ее интенсивность достигает высочайшей, насколько это мыслимо, степени. Схваченный ею, внутренне уже не в силах освободиться. Его стремлением становится и внешнее слияние с ней.

Другие средства, используемые в подобных случаях, известны. Но не о них сейчас пойдет речь. Но стоит отметить дальновидность Шпеера, с какой он начал свою карьеру, обдумывая размещение огромных знамен.

Отношение Гитлера к большим числам переносилось в людей и на другое. Он испытывал удовольствие от дороговизны своих берлинских построек и намеренно добивался максимальной высокой стоимости. Пример Людвига II Баварского¹⁶ не отпугивал его, а скорее привлекал. Он представлял себе, как когда-нибудь американские туристы будут изумляться миллиарду, вложенному в берлинский «Куппельберг», и радовался возможности сделать его на полтора миллиарда дороже. Перед числами, которые сигнализировали о превосходстве над чем-нибудь, он преклонялся, это были числа — любимцы.

Когда наступил коренной перелом в войне, ему пришлось иметь дело с числами другого рода. Поскольку ничего нельзя было скрыть — он монополизировал право на любую информацию, так же как и на любое решение — министрам было вменено в обязанность знакомить его с цифрами, характеризующими производство в противоборствующих странах. Скачкообразно возрастающие, они обнаруживали роковое сходство с числами — теми, что ранее применялись им самим для достижения собственных целей. Они пугали и отталкивали. Он верил в жизненность возрастающих чисел. Теперь, когда они обернулись против него, он ощущал их враждебность, пытался избежать вредоносного воздействия этих чисел, не останавливаясь перед самообманом, различного рода ухищрениями.

Несостоявшиеся визиты

Когда большие немецкие города один за другим превращались в развалины, Шпеер был не единственным, кто считал посещение их Гитлером целесообразным и даже необходимым. Пример Черчилля был перед глазами. Черчилль постоянно показывался жертвам войны, прямо не участвовавшим в сражениях. Этим доказывалось не только его личное мужество, но и участие в судьбе потерпевших бедствие. Несмотря на множество дел, он находил для них время, свидетельствуя, что они нужны, что от них многое зависит. Он предьявлял к гражданам большие требования, но он относился к ним всерьез...

Гитлер, напротив, упорно отказывался появиться в разбомбленных городах. Вряд ли можно предположить, что ему — во всяком случае на ранней стадии развития событий — не хватало для этого

физической смелости. Его войска оккупировали большую часть Европы, и ему пока еще даже не приходило в голову, что он подставляет себя под удар. Однако кроме людей, ожидавших его приказаний, и немногих других, составлявших узкий придворный круг, он появлялся лишь перед массой, и это была масса совершенно особого рода.

Он умел орудовать обвинениями, в годы восхождения это было единственное средство объединить людей в массу. Когда они помогли ему добыть власть, он несколько лет делал все возможное, чтобы удовлетворить ожидания массы и обеспечить себе ее восторженную преданность. Это было время триумфальных поездок по Германии, атмосфера спонтанного праздника, которая не могла быть просто организованной. Как действовала она на него самого, свидетельствует Шпеер: он считал себя самым любимым народом человеком во всей германской истории. Со времен Лютера ни к кому другому не стекались стихийно крестьяне. Эта преданность плюс организационная подготовка дали ему силы перешагнуть границы. Последовала серия легких побед, тем более восприимчивых как чудо, что она не требовала правовых жертв. Он выступал триумфатором прежде, чем прогремел первый выстрел, и остался им, когда выстрелы грянули. Для него было естественным выступать в роли победителя, принимая выражения восторга. Они рождали массу того же вида и структуры, к каким он привык с самого начала.

Этим было предопределено его представление о себе самом, и было выше его сил предстать перед массой иного рода. Он не хотел, считал опасным изменить или расширять образ, сложившийся в общественном мнении. Он контролировал свои фотоснимки, держал в секрете существование Евы Браун, чтобы не утратить расположение немецких женщин к себе как к одинокому мужчине. Точно также он не хотел, чтобы его связывали с разбомбленными немецкими городами. Образ вечно победителя мог пострадать, могла быть подорвана вера в его способность обеспечить окончательную победу. Он ни с кем не общался, предпочитая сохранить свой прежний образ, незамутненный разрушениями в глубине рейха.

Следует также сказать, что он был просто не в состоянии посетить людей, имевших действительные причины горевать и печалиться. С какими словами он обратился бы к ним? Он не сострадал никому, разве что себе в самом конце; кому сумел бы он правдоподобно высказать участие и сочувствие? «Низкие» чувства, которые он презирал, он не мог бы даже сыграть, не то что ощутить. Отсутствие всего, в чем поистине выражается человек, — порыва к другому, совсем, может быть, незнакомому, порыва бесцельного, нерасчетливого, без прикидок на успех или воздействие, — этот абсолютный недостаток, эта ужасающая пустота высветились бы в его беспомощности и бессилии. Конечно, он панически боялся выдать себя в подобной ситуации.

Тайна и один-единственный

Ближайшее окружение Гитлера в Оберзальцберге¹⁸ — только несколько человек, среди которых он проводит почти все свое время — удивительно немногочисленно. Оно состоит из давно проверенного фотографа, шофера, секретаря, подруги, двух секретарш, диетовара, и, наконец, совсем иного человека — его лейбархитектора. Все, кроме этого одного, подобраны по принципу самой примитивной полезности. Они не только полностью зависят от него, но и ни в коей мере не способны судить о нем. Среди них он всегда уверен в своем чрезвычайном превосходстве. Они ничего не знают о том, что переполняет его, о его планах и решениях. Он может жить ради своей тайны, сохранность которой является высшей необходимостью существования. Это тайна великого государства, вершителем судеб которого является только он один, и перед самим собой ему очень легко оправдать необходимость абсолютной секретности.

Он довольно часто говорит, что никому не верит, во всяком случае — женщинам. Так как мыслящих женщин он к себе не подпускал, то ему совсем легко придерживаться женоненавистнических взглядов. В той среде, где никто не старается к нему приблизиться, он чувствует себя прекрасно, здесь ничто не мешает ему жить, ощущая себя единственным и исключительным, каковым он себя считает. Так как ни у кого на него нет прав, то он чувствует себя защищенным от просьб о помиловании, которые могли бы его настичь. Свою целостность он видит в своей твердости. Он не отступает от своих представлений о власти, он впитал в себя власть всех своих исторических предшественников и в последовательном ее сохранении видит залог своих успехов.

Все же он понимает, что власть нельзя реализовать без участия тех немногих, кто способствовал его восхождению, кто оправдал надежды. Им он позволяет многое до тех пор, пока служат ему и каждое его решение принимают без возражений. Он тщательно запоминает все слабости своих подчиненных, вплоть до коррупций.

Пока он их знает, пока ничего от него не скрыть, он их терпит, всезнание также и в этом отношении — одно из его кардинальных требований. Он заботится о поддержании этого всеведения, а права других на власть строго распределяет. Он, и никто другой, должен быть информирован обо всем. Он считает себя мастером распределения заданий между своими помощниками. Он следит за тем, чтобы они не находились слишком долго в его близи, иначе они смогли бы узнать больше, чем он соизволил им дать знать. Тут, пожалуй, Гитлер руководствуется верным инстинктом. Единственный его постоянный приближенный Борман, будучи секретарем, много знает, тем самым получает и власть.

Создается впечатление, что Гитлеру как раз нужно, чтобы у тех, кому он дал частичную власть, были свои слабости. Так их не только легче удержать в руках, но и не надо долго искать причину, если он захочет дать им отставку. Он чувствует моральное превосходство над ними. Он испытывает потребность иметь право сказать самому себе, что свободен от будничных слабостей — корысти, жадности, тщеславия — всего, присущего «мелкой» жизни. Он может политически обосновать, почему контролирует уже и свой внешний облик, демонстрируемый обществу. Его беспокоит, что он может прибавить в весе, но это не имеет ничего общего с предубеждением: у фюрера не может быть брюшка.

Его внушительные постройки должны повлиять на других важных персон и сделать их более уступчивыми. Но главным образом, как он говорит, они рассчитаны на вечность: эти строения должны укреплять самосознание его народа, когда его уже не будет на этом свете. Все, что он предпринимал, даже самое чрезмерное, служило его цели, и он не находит в себе ничего, чего бы он не смог убедительно оправдать, как в своих, так и в чужих глазах, потому что, будучи параноиком, он богато одарен способностью изыскивать обоснования.

В безопасном узком кругу он может без стеснения высказываться о своих способностях, что он и делает, не выбирая выражений, об этом в книге Шпеера написано весьма завлекательно, но тем не менее эти высказывания отражают и суть. Геринга он высмеивает за охотничью страсть: как это легко — издала убивать животных, это дело мясника — убивать животных. Об уничтожении же людей он высказывается. Неужто он считает это более опасным? «Философия» Розенберга ему кажется неприемлемой¹⁹. Он о ней невысокого мнения, но создается впечатление, что он завидует большому тиражу и распространенности книги Розенберга. Тираж его собственной книги намного больше, но ему не нравилось все, что хоть в чем-то приближалось к нему и хотя бы отдаленно затрагивало его исключительность.

Германофильство Гимmlера действует ему на нервы. Нужно ли всему миру напоминать, что германцы, современники Римской империи, жили в глиняных хижинах? Он, кажется, стесняется за тех древних германцев, живших без искусства и культуры. Он, имеющий представление о Грюнцере²⁰ и венском Ринге, чувствует превосходство над ними. Он довольно резко высказывается о Гимmlере, назвавшем Карла Великого²¹ убийцей саксонцев. Он согласен с уничтожением саксонцев, потому что культура в Германии должна прийти из страны франков. Согласие с бойней германцев-саксонцев словно предвосхищает его будущее равнодушие к судьбе немцев. А упрекать Карла Великого он не позволяет хотя бы только потому, что считает его своим предшественником.

Германцев он признает лишь начиная со времен Святой Римской империи, на него, собирающегося создать свою мировую империю, неотразимо действует привлекательность империй.

Его отношения со Шпеером существенно отличаются от всех прочих. В Шпеере Гитлер, по его собственному признанию, видит свою молодость. В общении со Шпеером не только находит удовлетворение его юношеское архитектурное тщеславие.

В общении со Шпеером к нему опять возвращается что-то от того восторга, которым он был когда-то переполнен в своем одиночестве. Возможно, что он ощущает что-то из относительной чистоты ранних лет, времени старательных и безнадежных эскизов, в которых проявлялось удивление перед другим, уже имеющимся. Возможно, что он ничем так не восторгается, как «грандиозной архитектурой». Однако он не в состоянии признать, что, реализуя эти эскизы, он уничтожает единственную ценность этого восторга — свои мечты и преклонения. «Реализация» захватила его со страшной силой, и он подчиняет ей все сохранившиеся в нем жизненные устремления.

Уничтожение

Характерное для параноиков двойственное стремление к существованию во времени и разрушению детально рассмотрены в «случае Шребера». Против остро ощущаемой и непрерывной угрозы собственной личности развертывается двойное противодействие: распространяясь через очень большие пространства, которые как бы «включаются» в саму личность, и — приобретая вечное существование во времени.

Дом Гитлера в горах Верхнего Зальцберга. Большой рабочий зал с видом на горы.

В случае полностью развитой паранойи даже формула «тысячелетнего рейха» не может рассматриваться как претензионная. Все, что не относится к нему самому, уничтожается или подчиняется, причем подчинение рассматривается только как временное решение, легко превращаемое в полное уничтожение. Любое восстание на подвластной территории непереносимо: восстания, говорит Шпеер, доводили Гитлера до белого каления. Только там, где он еще не достиг абсолютной власти, он может приспособиться, потому что речь идет о процессах захвата власти.

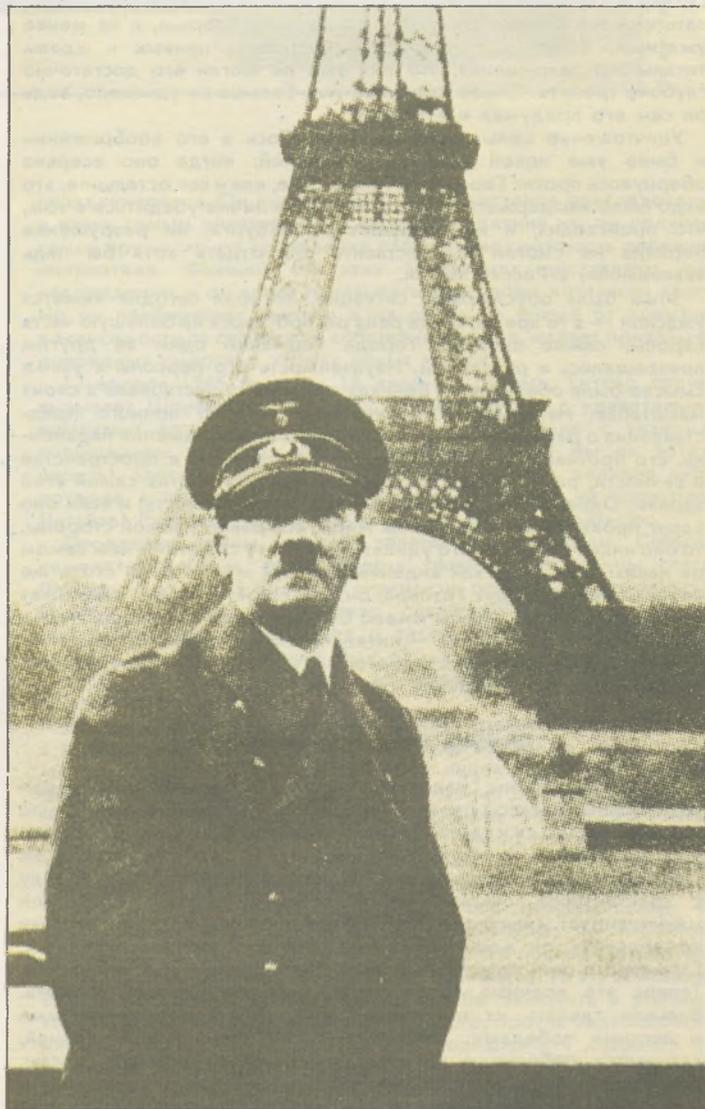
Рейх в своем распространении — это его собственная персона, которой никто и ничто не угрожает, и поэтому, пока она не распространится на весь мир, он поистине не может быть спокоен. Сюда же, как само собой разумеющиеся, относятся и стремления к вечному существованию. Свидетельств и того, и другого в «Воспоминаниях» Шпеера предостаточно.

На самом вершине гитлеровского Куппельберга в Берлине, на высоте 290 м, должен быть орел. В начале лета 1939 года Гитлер говорит Шпееру: «Орел здесь должен не только быть над свастикой, он должен подчинить себе весь земной шар! Венцом этого самого большого в мире здания должен быть орел, распростершийся над земным шаром!» Двумя годами ранее, в 1937 году, при обсуждении проекта Большого стадиона, он, как бы между прочим, говорит: «В 1940 году Олимпийские игры еще состоятся в Токио. Но потом на вечные времена они найдут пристанище в Германии!»

Книги, которые он изучает наиболее основательно, — о войне или об архитектуре. Это его любимое чтение. В этих областях своими точными знаниями он удивляет даже специалистов. Благодаря феноменальной памяти он легко одерживает верх в спорах с ними. Его архитектуру можно понять только с учетом его стремлений к «вечному» существованию во времени, он ненавидит все, что не камень. Стекло, за которым нельзя спрятаться, да к тому же еще и хрупкое — такой материал для великих строек вызывает у него самое большое презрение. Вначале он лучше скрывал свою тягу к разрушению, но тем ужаснее было ее проявление. В конце июля 1940 года, через три дня после наступления перемирия с Францией, он вместе со Шпеером и некоторыми другими сопровождающими посещает Париж, где еще никогда не был. В течение трех часов он осматривает ГрандОпера, прикидываясь хорошим ее знатоком («Видите, как хорошо я здесь ориентируюсь!»), церковь Мадлен, Елисейские поля, Триумфальную арку, Эйфелеву башню, Дом инвалидов, где он выказывает свое почтение Наполеону, Пантеон, Лувр, рю де Риволи и, наконец, Сакрекёр на Монмартре. После этих трех часов он говорит: «Это была мечта моей жизни, повидать Париж. Я не могу выразить, как я счастлив, что мечта сбылась!»

В тот же вечер по пути к главной ставке, в маленькой комнатке какого-то крестьянского дома, он поручает Шпееру возобновить

Гитлер в Париже.

строительные работы в Берлине и добавляет: «Разве Париж не был прекрасен? Но Берлин должен стать намного прекраснее! Раньше я часто обдумывал, не разрушить ли Париж; но ведь, когда Берлин будет закончен, Париж будет только его тенью. Зачем же его уничтожать?..» Шпеер недоумевал, как Гитлер может так спокойно, словно речь идет о самом понятном на земле деле, говорить о разрушении Парижа. Здесь проявляется близость превосходства и разрушения. Превзойти означает победить, и если это удается быстро, разрушение откладывается. Легкая победа над Францией на время спасает Париж. Париж пока должен остаться, чтобы послужить тенью новому Берлину.

Вскоре, в том же 1940 году, Шпеер становится свидетелем того, как во время ужина в рейхсканцелярии Гитлер договаривается аж до «возрастающего опьянения разрушением»: «Вы когда-нибудь видели панораму Лондона? Он так плотно застроен, что достаточно одного пожара, чтобы уничтожить весь город, как это уже было однажды двести лет назад. Геринг хочет вызвать в разных частях Лондона пожары с помощью многочисленных фугасных бомб нового устройства, повсюду пожары. В этом отношении у Геринга единственно верная идея: взрывные бомбы не подойдут, а фугасными это можно сделать — полностью уничтожить Лондон! Что они со своими пожарными смогут сделать, когда это однажды начнется?»

Тут видна наглая радость разрушения 8-миллионного города, и возможно, что именно это количество людей способствовало нарастанию радости. В слиянии тысяч пожаров в один огромный пожар проявляется один из подвидов образования массы. Огонь часто служит символом массы — символом разрушающей массы. Гитлер не удовлетворится символом, он опять превращает его в действительность, которую он символизирует, и использует как массу для разрушения Лондона.

Это возникшее вначале в голове Гитлера «опьянение разрушением» действует на Германию двумя различными способами. То, что он планировал для Лондона и там не осуществилось, стало действительностью немецких городов. Получается, как будто Гитлер и Геринг подтолкнули и уговорили противника использовать ими же самими придуманное оружие. Вторым, и не менее ужасным, было то, что Гитлер настолько привык к идеям тотального разрушения, что они уже не могли его достаточно глубоко тронуть. Самое страшное уже больше не удивляло, ведь он сам его придумал и взлелеял.

Уничтожение целых городов начиналось в его воображении и было уже новой военной традицией, когда оно всерьез обернулось против Германии. Теперь уже, как и все остальное, это надо было «выдержать». Он отказывался лично убедиться в том, что происходит, и ни разрушение Гамбурга, ни разрушение Берлина не смогли бы заставить его отдать хотя бы пядь завоеванной в России земли.

Этим была обусловлена ситуация, которая сегодня кажется ужасной — в то время, когда рейх распостерся на большую часть Европы, самые крупные города Германии один за другим превращались в развалины. Неуязвимость его персоны в узком смысле была обеспечена. Великая персона существовала в своих масштабах. Невозможно получить достаточно полного представления о разрушениях, происходящих в воображении параноика. Его противодействие, служащее расширению в пространстве и вечности, разрушающе направлено как раз против самой этой заразы. Однако оно в нем, оно — его составная часть, и если оно вдруг проявляется во внешнем мире, все равно с какой стороны, то оно никак не может его удивить. Быстроту событий в нем самом он навязывает миру как видение. Его дух может быть столь же незначителен, как дух Гитлера, он, так сказать, ничего не может предъявить такого, чтобы имело бы какую-либо ценность перед непредвзятой инстанцией — интенсивность внутренних разрушительных процессов заставляет его выступать в роли ясновидящего или пророка, освободителя или вождя.

Дивизия, рабы, газовые камеры

Во время войны радость Гитлера от пребывания среди возбужденной массы резко уменьшилась. Он привык с помощью радио обращаться к самой большой доступной ему массе, обычно ко всем немцам. У него больше нет и повода говорить о мирном увеличении количества немцев. Он занят войной, которую наряду с архитектурой считает своим прямым делом. Теперь он манипулирует дивизиями. Они сформированы, и он может ими командовать, он может поступать, как ему заблагорассудится. Главная его цель теперь — не выпускать из своих рук генералов. Теперь это военные специалисты, кого ему нужно убедить. Вначале сделать их покорными ему удается удивительными и легкими победами. Реальностью, или следующей стадией, становятся победы, к которым он раньше призывал массы, пообещав победы, но поистине смог организовать сами массы.

Для него нет ничего важнее, как оказаться правым несмотря на

сомнения специалистов. Каждое сбывшееся предсказание становится и неотъемлемой составной частью его сознания. Двуликая паранойя отбрасывает одно лицо, временное лицо преследования, и теперь состоит только из величия.

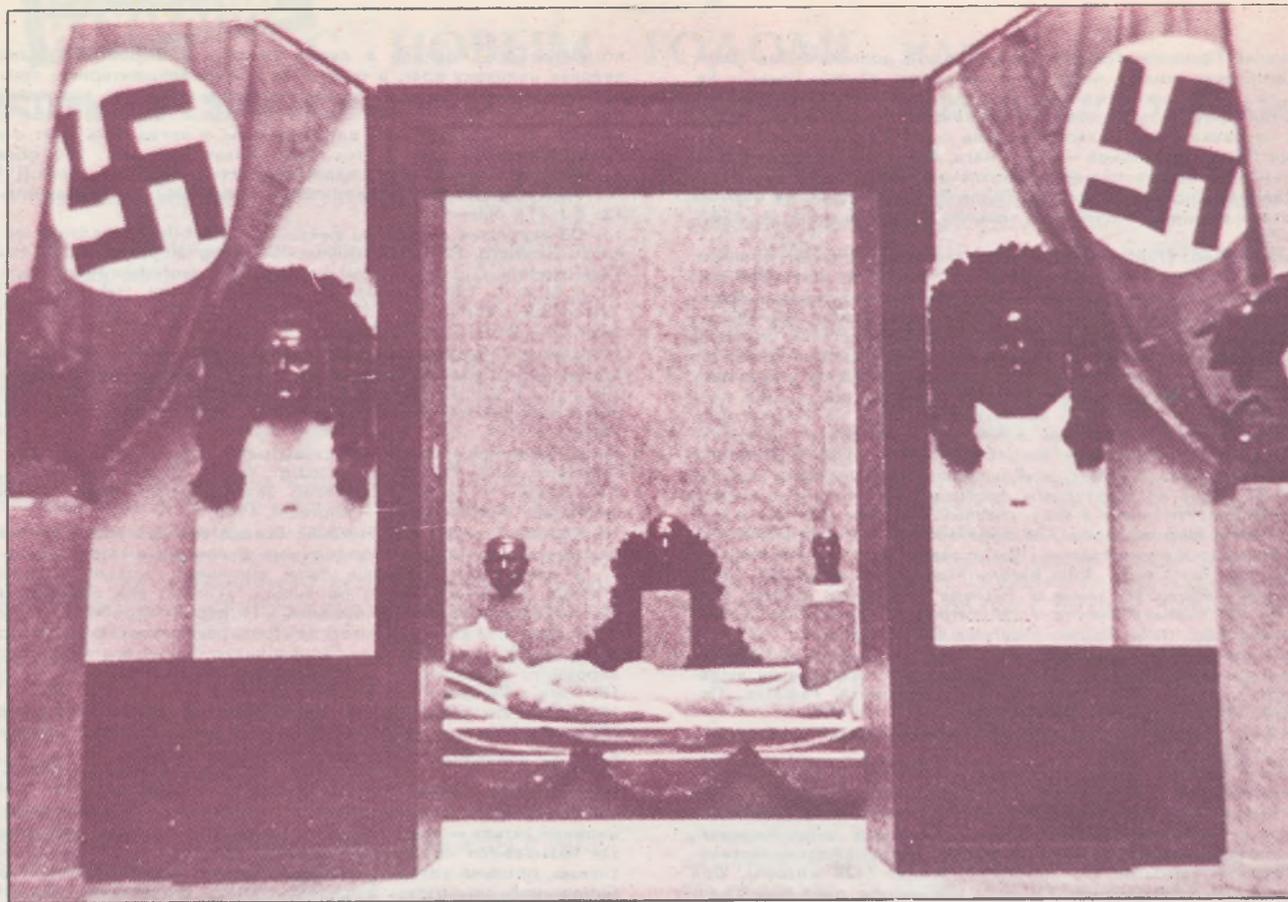
Его воображение никогда не свободно от масс, однако их состав и функции изменились. Своих немцев он покори́л, теперь он завоевывает рабов. Они полезны и их будет больше, чем немцев. Но как только военные действия сталкиваются с трудностями, то есть в России, и как только собственным его городам грозят бомбардировки, для него становится актуальной другая масса — уничтожаемые евреи. Он их собрал, теперь можно их и уничтожить. Он уже раньше достаточно ясно сказал, что намерен с ними делать, тем не менее, приступив к уничтожению по-настоящему, он заботится о том, чтобы сохранить все в тайне²⁰.

Можно было находиться так близко к носителю власти, как Шпеер, и непосредственно не столкнуться с самим уничтожением. Тут свидетельство Шпеера кажется особенно важным. Он не только знал о стадии рабского, принудительного труда, но и рассчитывал на него. Его планы частично основываются на нем. Об уничтожении же он осознанно впервые узнает значительно позже, когда война уже проиграна. С полной же правдой о лагерях Шпеер сталкивается в самом конце, когда включается в борьбу против Гитлера, но полнее всего с последствиями — впервые в Нюрнберге. Это похоже на правду хотя бы потому, что именно это побудило Шпеера постулировать коллективную вину руководства. Его твердая позиция в трудных условиях — он выступает против тех, вместе с кем он обвиняется и кто считают его предателем, откровенность его высказываний, он ничего не приукрашивает, главное его начинание — многолетнее писание воспоминаний, направленных на предотвращение возможности создания легенды о Гитлере, — все это обусловлено поздним обличительным шоком. Следовательно, Гитлеру в основном удалось скрыть от большинства немцев самое страшное свое начинание — уничтожение в газовых камерах. Но в его сознании оно поэтому было еще более действительным. Тем самым, любой путь на попятную был ему закрыт. Он уже не имел возможности заключить мир. Оставался один выход — победа, и чем невероятнее она казалась, тем больше становилась единственным выходом.

Наваждение и действительность

Наваждение в жизни Гитлера трудно отделить от действительности, они непрерывно переходят друг в друга. Однако в этом он вряд ли отличается от других. Разница заключается в силе наваждения, в отличие от большинства других людей, оно не довольствуется малым. Наваждение Гитлера, при его замкнутости, изначально и он не способен пожертвовать ни крохой этого наваждения. Все, что в действительности, относится к наваждению, как к целому. Его сущность такова: его питают только успехи. Неудача не может непосредственно затронуть Гитлера, у нее только одна функция, она подталкивает к новым рецептам успеха. Несомненность своей иллюзии он ощущает как свою твердость. Все, что он когда-либо предпринял, остается без изменений, ничто не разрушается. Ни одно здание, задуманное им, не имеет такого крепкого фундамента, как его наваждение.

Его наваждение не дает уйти в себя и жить рядом с миром: Гитлер создан так, что он это наваждение должен навязать окружающему. Путь изобретателя или особо одержимого человека, которым они идут в хотя бы только внешне родственных обстоятельствах, путь убеждения отдельных людей или пути создания произведений, которым они доверяют, можно сказать, реализацию убеждений, это НЕ ЕГО ПУТЬ. Этот путь не только слишком долгод, но и не соответствует содержанию его мании. Со времени первой мировой войны его сознание переполнено массой павших немецких солдат, которые, по его мнению, не могли погибнуть зря и каким-то, только ему присущим образом, остались живы. Он жаждет превратить их в ту предыдущую массу, существовавшую до начала войны. Эта масса определяет его силу, с ее помощью, непрерывно на нее ссылаясь, он мог создавать новые массы и собирать их вокруг себя. Он очень рано осознал власть этой силы и, без усталости упражняясь и совершенствуясь, развил себя в мастера масс. Что касается действительности этой силы, то он убеждается, что вполне возможно превратить свою манию в действительность. Он, можно сказать, находит слабое место действительности, самую расплывчатую ее часть, отпугивающую большинство тех, кто боится массы. Его почтение к другой — статистической действительности не становится от этого больше. Власть, питаемая массами, власть в ее сыром виде долгое время является единственным, чем он распоряжается, и, хотя эти массы быстро растут, все же это отнюдь не то, к чему он на самом деле стремится — его наваждение требует абсолютной политической власти в стране. Как только она достигнута, можно как следует браться за действительность. Он очень хорошо отличал ее от

Из выставки «Сила и форма», «Вид силы», Мюнхен, 1936 г.

наваждения. Его чувство реальности, с которым он весьма считается, заключается в реализации власти. К тому же власть используется для постепенного навязывания содержания своих иллюзий окружающим, исполнителям своей власти. Пока все не удастся, они не в состоянии понять, да и нежелательно, чтобы они разглядели химеричность структуры, в которую втянуты и в которой действуют. Только после неудач бросится в глаза неизбежное оцепенение, то есть маниакальность его начинаний. Пропасть между иллюзией и действительностью увеличивается, и гитлеровская вера в себя, утвердившаяся в счастливые времена, становится несчастьем Германии, таким же, каким было вначале для всего мира.

Он и дальше настаивает на своем праве предсказывать. Только он, и никто другой, имеет право предсказывать, что произойдет. Правильность его предсказаний подтверждалась достаточно часто. Истина будущего принадлежит ему, он вовлек ее в сферу своей власти. Предостережения он ощущает как препятствия своему будущему. Они приводят его в бешенство, даже, если их высказывают его самые верные помощники. Он сурово отвергает их как один из видов нарушения субординации. В его собственных глазах его предсказания приобрели характер приказаний. Предсказаниями он дает приказы будущему.

Ясновидение, равно характерное для параноиков, так и государственных деятелей, начинает проявлять свою маниакальную природу.

Ясновидение было ему нужно для оценки противников. Их замыслы он мог разгадать еще тогда, когда те были глубоко спрятаны. Этим и его верными предсказаниями обусловлено его «шестое чувство». Теперь же, в жестких условиях, выясняется, насколько нелепым может быть это его ясновидение. Десант в Нормандии он долго считает маневром, настоящий десант должен быть в окрестностях Кале²³. Меры, предпринимаемые против врага, определены этим нелепым провидением, в котором никто не может его разубедить, за которое он держится до тех пор, пока не становится слишком поздно.

Последствие неудачного покушения 20 июля — последнее действенное усиление его ощущения власти. Он чудом выжил. Это и впрямь чудо. На этот раз примером ему становится Сталин. Он признает то, как Сталин уничтожает своих генералов, и хотя ему фактически ничего не известно об их предательстве, он принимает, что они должны быть виноваты, потому что ненавидит

своих генералов. Он дает указания на их жестокое преследование и казнь самым унижительным способом. Казнив их, он получает самое примитивное проявление власти — возможность пережить неприятеля. Фильмы об этих экзекуциях доставляют ему наслаждение, и он велит показывать их в своем интимном кругу. Но он приберегает жертвы и на потом, и время от времени, в зависимости от ситуации и собственных нужд, издает приказы об очередных смертных казнях новых жертв.

12 апреля 1945 года, за 18 дней до смерти, Гитлер срочно вызывает Шпеера к себе. «Он увидел меня и с удивительной живостью словно одержимый бросился ко мне с газетным сообщением в руках: «Здесь, читайте! Здесь! Вы не хотели верить! Здесь!» Он говорил взалхоб: «Вот оно великое чудо, которое я предвидел. Кто теперь прав? Война не проиграна. Читайте! Рузвельт умер!» Он никак не мог успокоиться».

Продление войны кажется теперь обоснованным. События семилетней войны, когда смерть главной противницы спасла Фридриха от самой большой опасности, пожалуй, повторялись²⁴. Ничто так не способствовало совершенно бессмысленному продлению войны, как идея о таком повороте исторической судьбы. Фридрих Великий был одним из неизменных образов Гитлера, в конце концов — единственный его пример для подражания.

В своем бункере, который Шпеер сравнивает с тюрьмой, с развалинами вокруг, с русскими под Берлином, от которого мало что осталось, Гитлер способен надеяться, что смерть его личного врага является поворотом в войне. До самого конца он считает, что истинные мировые события происходят среди нескольких, совсем немногих государственных деятелей и зависят только от того, кто из них кого переживет. Ничто другое не может ярче показать разрушение его духа, вызванное представлениями о власти и его зависимость от этого представления. От исчезновения того самого Рузвельта, которого он высмеивал и обзывал «паралитиком», зависит теперь его последняя надежда.

Что касается влияния исторических примеров, то эту описанную Шпеером сцену в бункере следовало бы включить в учебники всего мира. Пока у нас нет ничего другого, против ослабляющего влияния фатальных примеров, как возможность создания совершенно достоверных образов. Стыд за подобную ситуацию, признание ее позорности, сущность порочных пророчеств — все тут соединилось бы в неизгладимое впечатление.

1. Бесконечно Продолжительное (философск.), долговечность (Dauer) — семантически емкое понятие в немецком языке. Dauer — не только то, что длится в пространстве и времени, не только сам процесс продления, но также обозначение бытия, представление человека о нем и тяга человека к вечному. В то же время Бесконечно Продолжительное — это и нега, и нечто влекущее. Dauer распространяется на все сущее и обозначает не столько вечность, сколько запредельность. См. также: Гачев Г. Д. Европейские образы пространства и времени — Культура, человек и картина мира. М., 1987, стр. 198—227.

2. Шпеер Альберт (1905—1981), один из главных нацистских военных преступников. По специальности архитектор. В 1931 г. вступил в фашистскую партию. Вскоре стал одним из приближенных Гитлера. Свою карьеру «придворного» архитектора начал с перестройки здания имперской канцелярии и сооружения трибун для нацистских слетов в Нюрнберге. Для него была учреждена должность «генерал-инспектора столицы рейха». После начала 2-й мировой войны руководил строительством ряда крупнейших военных предприятий, с 1942 г. — министр вооружений и военного производства. Один из инициаторов перехода Германии к «тотальной войне», по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге (1946) отбыл 20-летнее тюремное заключение. В 1969 г. опубликовал воспоминание и альбом, посвященный своим архитектурным проектам. Из контекста очерка видно, что Э. Канетти имеет в виду, главным образом, две эти книги.

3. Подробнее о формах массы, ее образовании и поддержании см. в книге Э. Канетти «Масса и власть» [1]. См. также: Reich W. Die Massenpsychologie des Faschismus. Köln/Berlin: Kiepenheuer & Witsch, 1971.

4. Купольный дворец по замыслу Гитлера и Шпеера должен был вмещать 150 тыс. человек. Высота — 290 метров. Когда началась война, Гитлер потребовал, чтобы проект стал еще более пышным.

5. Главный храм католической церкви (Рим, 16 в.). Высота — 130 метров. Строительство собора св. Петра поочередно возглавляли выдающиеся архитекторы эпохи Возрождения — Браманте, Рафаэль, Перuzzi, Сангалло Младший, Микеланджело.

6. Подробнее см., напр.: Лосев А. Ф. Эллинистическо-римская эстетика. М., 1979, стр. 45—55.

7. Э. Канетти воспроизводит здесь версию Шпеера. В научной литературе есть указание на то, что Гитлер предполагал соорудить себе гробницу в «столице движения» Мюнхене. Применительно к Мюнхену архитектурные амбиции Гитлера также отличались гигантоманией. Так, здесь предполагалось возвести памятник национал-социалистическому движению (высотой 212 метров) и вокзал (128 метров). Для сравнения: обелиск Вашингтона (США) — 170 метров, пирамида Хеопса — 146,6, Пантеон (Рим) — 45,6.

8. Характерно высказывание из «Mein Kampf» Гитлера: «Идея борьбы столь же древняя, как и сама жизнь, так как сохранить жизнь удается только тому, кто топчет жизнь других. <...> Победителем выходит самый ловкий, а не сильный, слабый проигрывает. Борьба — отец всему. Ведь не по принципам гуманизма живет человек и правит миром животных, который подчинил себе методами самой жесткой борьбы». См. [4].

9. См. напр., Договоры между Германией и СССР (Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918—1945. Serie D. Bd. VIII (1961). Bd. XI. I (1964) и интерпретацию их по Гитлеру — Риббентропу — Е. Jäckel. Hitlers Herrschaft. Vollzug einer Weltanschauung. Stuttgart, 1986.

10. Полувойенная строительная организация фашистской Германии. Была создана нацистским инженером Ф. Годтом. Действовала с 1938 по 1945 г. Строила дороги, аэродромы и другие военные объекты, в частности ставку Гитлера «Волчьего логова».

11. В тесной взаимосвязи с центральным моментом феноменологии власти Э. Канетти — триумфом выжившего, все пережившего (Überleben). «Момент выживания» — это момент власти. Когда лицезришь смерть, ужас сменяется удовлетворением от того, что сам не погиб. Вон, этот — лежит, а выживший стоит. Бой прошел, и кажется, что

погибший сам повинен в своей смерти. В борьбе за выживание человек человеку враг, в сравнении с этим элементарным триумфом все страдания ничтожны. Однако существенно то, что выживший один противостоит одному или многим погибшим. Он видит себя единственным, он чувствует себя единственным, и когда речь идет о власти, предоставленной ему в этот миг, нельзя забывать, что обладание ею вытекает именно из его единственности, и только из нее» ([1], 259). В статье «Überleben» переводится, в основном, как «пережить».

12. См. [1], 500—533.

13. Об искусстве в третьем рейхе см.: Die bildende Künste im Dritten Reich. Hamburg, 1966; Literatur und Dichtung im Dritten Reich. Hamburg, 1966; Hartung G. Literatur und Aesthetik des deutschen Faschismus Berlin: Akad. — Verl. 1983; Loewy E. Literatur unterm Hakenkreuz. Fischer Taschenbuch Verlag, Bd. 4303; Prieberg F. K. Musik im NS-Staat. Fischer Taschenbuch Verlag, Bd. 6901.

14. Шпеер оспаривал и, будучи министром, саботировал выполнение приказов Гитлера об уничтожении германской промышленности ([4], 196 и т. д.). См. об этом также у Neumann F. L. Behemoth. Struktur und Praxis Nationalsozialismus 1933 bis 1944. Köln: Europäische Verlagsanstalt, 1977.

15. О приказах и языке в третьем рейхе см. [4] и Klemperer V. LTI. Notizbuch eines Philologen. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1987. См. также: H. Scholtz. Erziehung und Unterricht unterm Hakenkreuz. Göttingen: Vandenhoeck — Ruprecht, 1985.

16. Король Баварии (1864—1886). Вследствие пристрастия к сооружению замков попал в непреодолимые финансовые затруднения.

17. В нацистской Германии были выпущены четыре фотоальбома: «Гитлер, каким его никто не знает», «Гитлер вне повседневности», «Гитлер в своих горах», «Молодежь и Гитлер» (подробнее см. [4], 102—103). Придя к власти, Гитлер централизовал пропаганду и встал во главе ее. 13 марта 1933 года было создано Министерство пропаганды и народного образования, которым руководил Геббельс.

18. Гора в Баварии, место ставки Гитлера.

19. Имеется в виду книга А. Розенберга «Мифы 20 века», первоизд. 1930 г. К 1943 году тираж «Mein Kampf» достиг 9480 тыс. экземпляров. а книга Розенберга — почти миллион экземпляров.

20. Карл Великий (742—814) — король франков, впоследствии император, воевал с саксонцами, и впоследствии посорил их.

22. См. об этом в книге «Империя смерти»: «... «кацет» (концентрационный лагерь — пер.) изобретения нацистское; появились вследствие так называемых «предохранительных арестов», т. е. арестов превентивных, причина которых не преступление, а политические, «расово-биологические» мотивы. В основном аресты совершались без соблюдения каких либо юридических формальностей, по произволу ([4], 242).

23. Имеется в виду высадка англо-американских экспедиционных сил на территории Франции, открытие второго фронта 6 июня 1944 г.

24. В ходе семилетней войны Пруссия оказалась на грани катастрофы. Но 25 декабря 1761 г. умерла императрица Елизавета, и русский престол занял Петр III, который немедленно заключил с Пруссией мир и возместил ей все потерянное в войне.

Литература

1. Canetti E. Masse und Macht. Hamburg: Claassen Verlag, 1960.
2. Canetti E. Die gespaltene Zukunft. München: Carl Hanser Verlag, 1972.
3. Melnikovs D., Cornaja L. Noziedznieks numur 1. Riga: Avots. 1985.
4. Мельников Д., Черная Л. Империя смерти. М.: ИПЛ: 1987.

Перевод на латышский сделан по: Canetti E. Hitler, nach Speer.— Canetti E. Die gespaltene Zukunft. München, 1972. S. 7—39.

Перевел с немецкого на латышский Игорь Шуваев.

IV. КОНСПЕКТИВНЫЕ ПРЕТЕНЗИИ В МАЖОРЕ

При оценке сценического воплощения рок-оперы я поймал себя на мысли, что ощущение целостности, оставляемое «Лачплесисом», в некотором роде феноменально. А именно — каждый отдельный номер сам по себе прост, даже элементарен — как с хореографической, так и режиссерской точки зрения. Перед нашими глазами создатели спектакля оперируют известными и знакомыми театральными приемами. Тут нет притязаний на новые открытия, на особо оригинальное кружево мизансцен. Возможно, именно это и создает приличествующее впечатление «латышской корректности», да, — впечатление хорошо сделанной работы. Характерно, что положительные отзывы о «Лачплесисе» звучат и со стороны так называемого консервативного поколения, которому ведь априори «противно даже думать о Лачплесисе в рок-музыке». Таким образом тоже может проявиться идея искусства, объединяющего всех людей: достаточно было понаблюдать консолидацию разношерстной публики в каком-то добродушном общем ощущении, господствовавшем в Спортивном манеже. Интересно, конечно, было бы узнать мнение музыкальных экстремистов или театральных гурманов о «Лачплесисе».

Хотя бы — о функциях и использовании хора и Ведущего в постановке.

Или — о значении цвета (белый — красный — черный) в материализации идеи «Лачплесиса», о драматургии цвета.

Или — о работе Угиса Рукитиса (костюмы) и Мартиньша Милбрета (украшения и другие металлические аксессуары).

И, несомненно, — о «женском музыкальном составе». Все только что упомянутые «компоненты» «Лачплесиса», по-моему мнению, стоило бы обсудить.

1) Жаль, что неудачное и невыгодное размещение хора в нише в глубине сцены не позволяет ему стать активным действующим персонажем — что, между прочим, внесло бы в спектакль дополнительный смысл — что-то наподобие роли Хора в античном театре. Меня еще смущало то, что «Даугавиню», несмотря на микрофоны, слышать было затруднительно. Об исполнительницах и певицах женских ролей можно заметить: «Нет больших и малых ролей, есть только большие и малые актеры». Но, к сожалению, память избирательна, в моей остались лишь Мирдза Зивере, Майя Лусена и голоса из фольклорных групп «Скандиниеков» и «Ильгов».

2) Казалось, что Ведущий — Янис Сканис привнес из театра в рок-оперу «лучшие латышские традиции»: пафос и менторский тон, мало что значащую многозначительность... Не думаю, что в этом виноват актер. Ведь это задача режиссера следить за тем, чтобы актер, которому в пьесе отведена роль комментатора и связующего звена между сценами, не стремился всеми силами стать центральной фигурой постановки. Особенно грустно было, когда Янис Сканис старался в финале перекричать все три рок-группы, вдобавок с таким оптимизмом и обещанием «зари коммунизма» в голосе, что это вступило в еще одно кричащее противоречие с происходящим на сцене (только что Лачплесису еще раз отрубили уши!). Мне кажется, эта ошибка в спектакле — идеологическая. К тому же — исправляемая, не так ли? Потому что не надо обещать то,

во что не особенно веришь или в чем сомневается весь спектакль, его живая суть.

3) Деятельность модельера Угиса Рукитиса мне всегда напоминает некоторое маневрирование между китчем и авангардом (в дизайне одежды). Так и на этот раз — полет весьма эффектен! Однако — опять — между... Стилизуя национальное, используя «абсолютно абстрактные» формы (зеленые и белые накидки) и, вместе с тем, вырядив в доподлинные народные костюмы а ля «ансамбль народного танца», легко можно потерять чувство юмора и единство стиля. Не мешало бы Рукитису срочно проконсультироваться у Голтве и Верзаччи**. Далее, «Лачплесис» — это еще одно доказательство того, что на хорошую идею нужны хорошие деньги. Да, из дальних зрительских рядов можно и не заметить «марлевых принцесс». И еще — будем надеяться, что в апреле спектакли пройдут с полной формой красных танцоров: с милитаристскими шапками, которые кому-то показались слишком подозрительными (?).

4) «Металл», отсутствовавший в музыке, в избытке и килограммами был на музыкантах. Остроумны и ярко выглядели атрибуты масонских организаций в руках черных сил. Неостроумно выглядел аусеклитис (точнее — аусеклис)*** на животе Яниса Спрогиса.

5) Идея объединяющей «концепции цвета» для театрализованного представления хороша, если она... не слишком ясна и не слишком легко узнаваема. Цвет все же мистичен, он таит в себе непосредственное и неформулируемое разнообразие воздействия: здесь я подразумеваю символику цвета в различных культурах. Ясно, конечно, что «Лачплесис» — это не спектакль о китайцах или для китайцев. Но! Нам, естественно, все ясно — почему Латвия и латыши белые, зло — черное и красное и т. д. Даже почему Кокнесис — зеленый, а Северная дева — фиолетовая! Но (и почему я вообще об этом говорю) — как бы мы выглядели на международном рынке шоу-бизнеса, например в Токио? В одной японской хайке сказано: белый цвет — цвет смерти. Красный — жизнь. Это так, между прочим.

Но и не только нам понятная символика цвета и его политизация в «Лачплесисе» собьет цену на, предположим, видеOVERSIYU рок-оперы и связанную с ней коммерцию. Меня пугает, что «интернациональная» кровать (всем понятный и приемлемый уровень поп-культуры), в которую уложен милый латыш Лачплесис («только национальный» — попробуйте перевести либретто на любой другой язык и без объяснений, кто такие Ликценуре, Лиелвардис, Стабурадзе и другие, дайте его турку или новозеландцу на обмозгование — ?!), эта кровать жанра национальной рок-оперы может оказаться тюремной камерой смертника. Одинокого, непонятого «другими».

«Только для латышей» — написано на дверях камеры?

Но это уже проблемы не только авторов Лачплесиса. Это проблемы «малых культур», это проблемы адаптации культур, о которых приходится думать в контексте интернациональных процессов обмена информацией. Пока политика в Прибалтийских странах — сенсация на первых страницах «их» газет. Политика, но не культура. Товарищ Лачплесис еще не Элвис Пресли. Говорят, что последний жив.

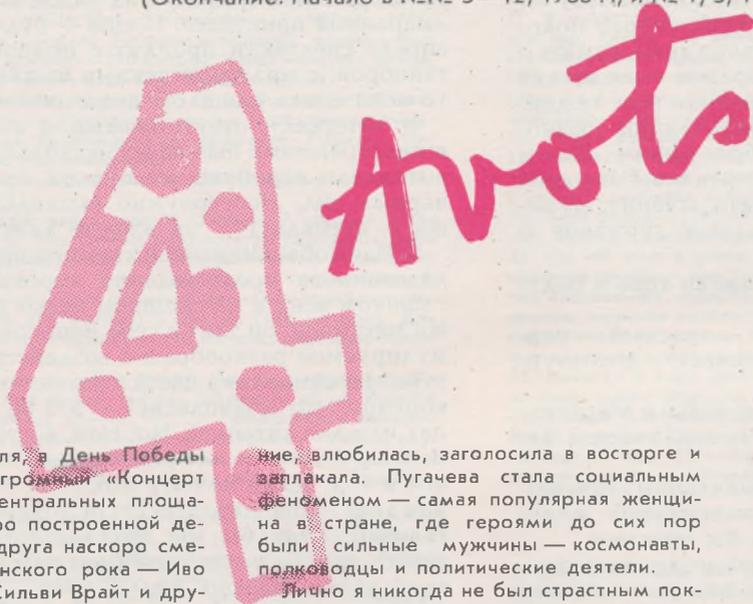
** Экстравагантнейшие дизайнеры-модельеры с мировым именем.

*** Элемент латышского национального орнамента, ставший национальным символом.

* Окончание (см. «Родник», 1989, №№ 1, 3).

АРТЕМ ТРОИЦКИЙ ROCK IN THE USSR

(Окончание. Начало в №№ 5—12, 1988 г., и № 1, 3, 1989 г.)

В середине фестиваля, в День Победы 9 мая, имел место огромный «Концерт мира» на одной из центральных площадей города. На наскоро построенной деревянной сцене друг друга наскоро сменяли все звезды эстонского рока — Иво Линна, Гуннар Грапс, Сильви Вraith и другие, а под конец все они выстроились вместе и в славной традиции «Band-Aid» исполнили сочиненную Петером Вяхи из «Витамина» песню под названием «Один ритм, одна мелодия». Я грелся на солнышке около сцены, и все выглядело очень и очень трогательно. «Молодцы эстонцы», — думал я, — «как у них все складно получается...» Впрочем — по чему бы и нет? Была бы хорошая причина.

Причина витала в воздухе — в прямом и переносном смысле. Трагедия Чернобыля была у всех на устах. Наша беспомощность и бесполезность в этой драматической ситуации не давали покоя. Большой рок-концерт в помощь Чернобылю... Идея созрела. Вернувшись в Москву 13 мая, я приехал к Алле Пугачевой.

Об этой замечательной особе стоит немного рассказать — хотя её удивительная карьера и жизненные приключения заслуживают отдельной книги. С 1975 года, когда Алла в возрасте 26 лет выиграла поп-конкурс в Болгарии, она остается недосягаемой звездой советской эстрады. Фактически, она изменила лицо нашей поп-музыки: после десятилетий господства гладких манекенов-исполнителей на сцену ворвалась взбалмошная рыжеволосая фурия с человеческим голосом, свободными манерами и извечными любовными проблемами. Публика затаила дыха-

ние, влюбилась, заголосила в восторге и заплакала. Пугачева стала социальным феноменом — самая популярная женщина в стране, где героями до сих пор были сильные мужчины — космонавты, подководцы и политические деятели.

Лично я никогда не был страстным поклонником поп-кабаре, это просто «не моя чашка чая», но яркий талант и харизма Пугачевой несомненны. Что еще важнее, Алла — интересная личность, более глубокая и вдохновенная, как мне кажется, чем ее песни. И хотя ее часто обвиняют в «дурном вкусе», она вовсе не буржуазна — скорее, наоборот. Для примера — лишь одна маленькая история... В конце семидесятых западногерманское телевидение захотело снять интервью с «советской суперзвездой», и обязательно у нее дома. Алле было неудобно принимать иностранцев в своей маленькой квартирке на захудалой московской окраине; она договорилась с одним обеспеченным композитором, приехала к нему со своей маленькой дочерью, переоделась в халат и разыграла хозяйку. Спустя некоторое время розыгрыш раскрылся, и немецкий корреспондент был настолько шокирован, что сам стал «пробивать» новую квартиру для знаменитой артистки, за что она ему по сей день благодарна. Такова подоплека легендарных апартаментов Аллы Пугачевой на улице Горького.

Именно там мы сидели и обсуждали новый проект. Алла была «за», и после некоторой «телефонной» подготовки мы пошли в Центральный Комитет КПСС. Для нас обоих это был первый визит, но Алле даже не понадобилось показывать документы — часовые на входе ее узна-

ли... Идея была одобрена, и даже более того: «Мы так понимаем, что это инициатива самих молодых артистов — поэтому проводите концерт сами так, как считаете нужным. Не надо никакой заорганизованности. Если возникнут какие-нибудь проблемы — звоните, мы вас поддержим». Тот факт, что выступать должны именно рок-группы, не вызывал никаких возражений. Когда мы, набравшись смелости, спросили: «А нельзя ли позвать на концерт ведущих западных артистов — Брюса Спрингстина, Стинга?.. — ответ был — «Почему бы и нет?» «Может быть, пригласить Майкла Джексона?» — вежливо предложил один из сотрудников. Было высказано единственное — и абсолютно верное — пожелание: Постарайтесь, чтобы ваш концерт не выглядел, как «пир во время чумы».

Надо сразу оговориться: вопрос об иностранных гостях всерьез так и не встал. Здесь, в отличие от наших внутренних дел, мы могли действовать только по официальному каналу — через Министерство иностранных дел и Госконцерт. А это очень дорого. Фактор времени играл решающую роль, и мы назначили концерт на ближайший возможный срок — 30 мая. Место — самый большой в Москве крытый стадион — спорткомплекс «Олимпийский» на тридцать тысяч мест. То есть, на все дела у нас было ровно две недели.

В тот же день мы начали звонить группам. Никто не задавал дежурных капризных вопросов типа «А кто еще будет играть?» Или «А какими мы будем по счету?» Все отвечали: «Да, конечно», и без комментариев. «Автограф», «Браво»,

«Крузи», Александр Градский, Владимир Кузьмин, и, конечно, Алла и ее «Рецитал». На следующий день в штаб концерта (квартиру Пугачевой) начали звонить другие группы, тоже желавшие участвовать в «Счете № 904»*, но мы вынуждены были отказать — для одного вечера и исполнения без фонограмм было достаточно. «Организируйте свои благотворительные концерты — теперь это можно. Или договаривайтесь с администрацией, чтобы часть выручки от обычных концертов шла на счет». Последнее сделали многие, в частности, «Машина времени».

У нас были и споры. Пугачева любит помпу в голливудском духе, и она хотела, чтобы на концерте выступили артисты: цирка, балет и трюкачи-каскадеры. «Мы не должны устраивать из этого папихиду. Пусть все видят, что мы не падем духом!» Я был за «строгость» — без похоронных маршей, но и без карнавала. Мы сошлись на компромиссе: остался один балет.

Я успел съездить на несколько дней в Вильнюс на рок-фестиваль, где со сцены было зачитано пламенное обращение Аллы Пугачевой с призывом присоединиться к движению «Рок на счет 904» — что и было сделано местными организаторами. Фестиваль был хорош — выступили «Аквариум», «Sipoli», «Браво», «Ария», Группа Гуннара Грпса и парочка интересных новых групп, о которых я расскажу потом. Я не мог наслаждаться любимым городом и ансамблями в полной мере, поскольку голова была занята совсем другими вещами. «Браво» стали лауреатами: сейчас это было важно, поскольку для многих участие этой «самодельности» в концерте знаменитостей представлялось загадкой, и отгадка виделась только в том, что я — их менеджер и «по благу» протаскиваю свою клиентуру... строго говоря, так и было, если не считать того, что Жанна и без блата была очень хороша.

Приближался день концерта, и напряжение росло. Я хотел бы назвать некоторых людей, которые мало спали в эти две недели: Евгений Болдин (администратор), Анатолий Исаенко (сценограф), Матвей Аничкин (помощник режиссера, то есть Аллы, он же — руководитель «Круза»). Ночь перед операцией мы провели в «штабе». Алла было страшно: «Я никогда в жизни так не боялась». У нас даже не было времени провести репетицию — аппаратура могла быть установлена лишь за несколько часов до начала концерта. Я предложил успокоительный тост: «Даже если завтра будет полный провал, мы соберем деньги. Это благородное дело, и народ нас простит». Билетов было продано на сто тысяч рублей; сердобольная Пугачева просила, чтобы их передали в помощь эвакуированным детям. В проекте был выпуск двойного альбома и видеокассеты с записью концерта, что могло дать миллионов десять.

За шесть часов до начала концерта произошло то, чего мы давно ожидали. В спорткомплекс явилась мощная делегация чиновников из Министерства культуры, различных управлений и концертных организаций. Все те бюрократы, которых мы обогнали и благодаря этому сделали дело. Они были возмущены и испуганы: где официальная программа? тексты

песен? разрешение? утверждение? подписи и печати? Ничего этого не было. — Мы против Градского и кто такие «Браво»? Мы не можем разрешить этот концерт! — Мы выслушали все это и дали понять, что никакого разрешения нам и не требуется, и концерт будет. Пятясь, эти мрачные мужчины и женщины скрылись в дверях, продолжая бормотать: имейте в виду, что мы против... вы делаете это под свою ответственность...

Это был потрясающий эпизод, редчайший в нашей печальной музыкальной практике случай триумфа инициативы над бюрократией. И вставал горький вопрос: неужели только страшная трагедия могла сделать это возможным? Сейчас я могу определенно ответить: нет, это начиналась перестройка.

Концерт прошел о'кей. Его снимали дюжины иностранных компаний и даже Центральное телевидение. Был налажен прямой телесюит с Киевом, и несколько десятков рабочих и солдат из Чернобыля могли видеть его из студии, а мы — их, в мониторах, которые стояли вдоль стены. С маленькой Жанной случилась маленькая истерика, но она выступила молодцом. Градский спел прочувствованную песню о Высоком и сорвал максимум аплодисментов. Гайна потряс западных телеоператоров своими гитарными трюками. Балет был нехлестат. Под конец все поднялись на сцену и спели песню о дружбе; под высокой крышей летали белые голубы.

В музыкальном отношении все могло быть более интересно, но это не было самоцелью. Мы собрали довольно много полезных денег. Мы утвердили рок как позитивную социальную силу и доказали, что рокеры — не отщепенцы, а настоящие граждане своей страны. Мы дали знать миру, что советский рок существует.

Алла выступила на пределе своих сил; ей в этот день было труднее всех. После концерта она сидела совершенно белая, в своей гримерной и едва реагировала на комплименты. У служебного выхода собралась колоссальная толпа фанов. Мы попрощались; Алла с эскортом разместилась в своем старом черном «Мерседесе», я пошел пешком — мне было в другую сторону. Темный переулок, сумка на плече, массы за спиной скандируют «Алла! Алла!», и я, абсолютно один, шагаю прочь в сторону проспекта Мира. Это был патетический момент. Кстати, я направлялся на Ленинградский вокзал. В городе уже начался IV Рок-фестиваль.

На этот раз в Ленинграде было весело. Фестиваль впервые проходил не в тесном рок-клубе, а в огромном Дворце культуры «Невский» на окраине города. Тусовка из всех городов была в полном сборе. Я успел скорректировать свое сознание после недавних событий и чувствовал себя прекрасно, несмотря на легкие претензии ленинградцев по поводу того, что их группы не пригласили участвовать в «Счет № 904». «Спрингстина и Габриэля тоже не было — так что вы в хорошей компании».

Наташа Веселова, очаровательный новый куратор рок-клуба, сказала: «У нас все вдруг стали такие смелые...» Я пропустил выступление «Алисы», которые пели песни, вроде «Атеист-тивист» и «Мое поколение»*, но программа «Кино» доказала, что она права. Они начали с песни

«Мы ждем перемен» и продолжали в том же боевом духе:

«Мы родились в тесных квартирах
новых районов
Мы потеряли невинность в борьбе
за любовь.

Нам уже стали тесны надежды,
Сшитые вами для нас одежды,
И вот, мы пришли сказать вам о том,
что дальше:

Дальше действовать будем мы!»

«Кино» не только играли лучше, чем когда-либо; в песнях Виктора Цоя появился оптимизм и социальная позитивность, далекие от недавних деклараций отчуждения:

«А те, кто слаб, живут из запоя
в запой,

Кричат: нам не дали петь!
Кричат: попробуй тут спой!
А мы идем, мы сильны и бодры,
Замерзшие пальцы ломают спички,
От которых зажгутся костры».

Может быть, эти рок-марши были слишком безаппеляционны и плакатны, но они точно соответствовали всеобщему состоянию: ожидания, обновления, «праздника на нашей улице». Никогда я не видел в Ленинграде столько улыбок: типичный образ рокера — сумрачная отстраненность — был больше не адекватен.

Настоящим шоком даже для этого фестиваля и событием в истории всего нашего рока стало выступление «Телевизора». Группа изменила состав и играла теперь синкопированный электронный фанк — идеальный фон для нервных выпадов Михаила Борзюкина. Он выбрал самую опасную дорогу: беспощадный критический анализ действительности.

«Каскадеры на панели играют в Запад»

Им можно пошуметь — не все же плакать...

А только там за колонной все тот же дядя

В сером костюме с бетонным взглядом.

... Мертвая среда, живые организмы
И тусовка как высшая форма жизни.

Авангард на коленях, скупые меценаты,

И снова унижение, как зарплата.
А мы идем, мы идем —

И все это похоже на хобдь на месте».

Это «а мы идем» переключалось с песней Цоя. В одном случае — сердитый вопрос. Однако здесь не было большого противоречия. Это были две стороны одной медали, две черты одного явления — того, что началось настоящее движение. Новый общественный климат, импульс перестройки придали музыкантам силы и чувство моральной ответственности. Те, кому было, что сказать, не боялись теперь говорить откровенно. Рокеры были одни из первых, кто это сделал — не дожидаясь указаний и прямых разрешений. Песни Борзюкина, особенно одна, испугали многих чиновников — «это уже слишком...» Ему приходилось отстаивать свое право на бескомпромиссность — и тогда он просто доставал из своего бумажника

* На счет № 904 Госбанка принимались добровольные пожертвования населения в фонд Чернобыля. Так мы и назвали нашу акцию.

* «Мое поколение смотрит вниз
Мое поколение боится петь
Мое поколение чувствует боль,
Но снова ставит себя под плеть.»

* Имеется в виду повальная мода на брейк-данс.

вырезки из речей М. С. Горбачева. Эта песня, которая потрясла фестиваль и заставила говорить о «Телевизоре» как о самой острой и значительной группе в Ленинграде, называется «Выйти из-под контроля».

«За нами следят, начиная с детства,
Добрые тети, добрые дяди
По больным местам, в упор не глядя
Нас бьют, как домашний скот.
Мы растем послушным стадом
Поем, что надо, живем, как надо,
Снизу вверх затравленным взглядом
Смотрим на тех, кто бьет.
Выйти из-под контроля,
Выйти из-под контроля
И петь о том, что видишь,
А не то, что позволяют —
Мы имеем право на стон.
... Мы стоим, нам надоело падать
Скажите нам — кому это надо?
Кто мы такие? Кто провокатор
Наших недобрых снов? ..
Выйти из-под контроля...»

На этом фоне недавние «властители дум» выглядели как принадлежность вчерашнего дня. «Аквариум» исповедовал ностальгический фолк-рок и созерцательную «духовность» («Любовь — это все, что мы есть»); «Зоопарк» выступил с вокальным трио, продемонстрировав обычную смесь мягкой (теперь она уже казалась такой...) сатиры и классного ритм-энд-блюза. «Странные игры» распались на две половины: «Игры» (братья Сологубы с новым отличным гитаристом) играли интенсивный и довольно мелодичный пост-панк, «АВИА» (клавишник, саксофонист и перкуссионист) показали уникальный синтез поп-китча, киномузыки, рока и музыкальной клоунады. Обе группы были хороши. Из новых понравились панк-группы «Объект насмешек» и шоу «Аукциона», где гротескный лидер по кличке Слонь развешивал по сцене рулоны туалетной бумаги с криками «Деньги — это бумага!». Надежды москвичей, что они оставили рок-Ленинград позади, не оправдались. Согласен, что лучшие столичные группы — «Звуки Му», «Коперник», «Центр» — звучали более оригинально и «по-русски», но их было всего три... (Что подтвердил летний фестиваль в «Рок-лаборатории»). Кстати, «Браво» тем временем уже перешли в профессионалы.

У ленинградского фестиваля случился замечательный «аппендикс». На следующий день после окончания в город приехал Билли Брэгг. Панк-бард выступал на полит-рок-фестивале в Хельсинки, и финны устроили ему и менеджеру Питеру Дженнеру туристический визит в Ленинград*. Это были три дня разговоров, встреч с музыкантами и душевных джемов во время белых ночей. Более того, удалось организовать настоящий концерт — и не где-нибудь, а в городском комитете комсомола, куда, впервые в жизни, пришла вся компания из рок-клуба. Билли пел, дискутировал и отвечал на вопросы типа: «Неужели вы на самом деле верите в профсоюзы?» Его неожиданной миссией оказалось утверждение идеалов рабочего класса среди скептически настроенных «красных рокеров». Он показал публике английские майки с портре-

том Юрия Гагарина и рисунками Маяковского, сделав при этом следующее заявление: «Многие артисты и молодые люди на Западе сейчас обращаются к советскому революционному искусству в поисках нового стиля и выхода из тупика. Вам не стоит смотреть на Запад и искать вдохновения там — у нас самих нет ответов. Вы имеете потрясающие культурные традиции, и должны опираться на собственные корни...». Я был очень рад все это перевести; рок-клуб призадумался.

Еще одно важное событие июня: в США вышел двойной альбом «Красная волна», скомпилированный молодой энергичной калифорнийкой Джоанной Стингрей и представляющий по шесть песен «Аквариума», «Алисы», «Кино» и «Странных игр». Пластинка представляла долгая история. Мисс Стингрей, сама начинающая рок-певица, впервые оказалась в Ленинграде осенью 1984-го и после этого приезжала каждые несколько месяцев. Очень активная и амбициозная особа, она подружилась со многими группами и оказалась в центре тусовки. Казалось, что богатое дитя из Беверли-Хиллз нашло для себя новый экзотический Диснейленд. Однако дальнейшее показало, что ее намерения были более серьезны. Джоанна Стингрей записала несколько английских версий ленинградских рок-песен и, наконец, реализовала проект «Красной волны».

Для нас ничего нового на диске не было: там скомпилированы известные (и, кстати, все «разрешенные») записи с «пленочных альбомов» 1982—1985 годов. Но для Запада это стало первой реальной возможностью детально познакомиться с настоящим советским роком. Удивительно, что для этого пришлось провозить пленки контрабандой и обходить законы об авторских правах... Когда я спросил Джоанну, почему она не пошла по «легальному» пути и поставила в рискованную ситуацию группу, и себя, она поинтересовалась: «Ты думаешь, они бы разрешили?» Мне кажется, в 1986-ом, почему бы и нет? Но и для пессимизма основания оставались.

Наши официальные организации никогда не делали ничего в плане экспорта советского рока. Более того, они препятствовали — вопреки всякой логике и даже коммерческой выгоде — инициативам, исходившим с Запада. Весной 1985-го, например, в Москву приехали представители «Capital Radio», жаждавшие заполучить два советских рок-ансамбля на свой ежегодный фестиваль в Лондоне. Англичане слышали о двух конкретных группах — «Машине времени» и «Арсенале» — и попросили Госконцерт познакомиться их с ними. Ответом было: «Машин времени» давно распалась, а «Арсенал» — в недостижимости, турне по Монголии. Взамен им предложили несколько дублетных ВИА, безнадежных даже для нашей аудитории. В действительности, «Машин» никогда не распалась, а «Арсенал» был даже не в Киеве или Новосибирске, а непосредственно в Москве... Мне пришлось взять на себя функции гида; рассуждая реалистически,

* Пара «лонг-плэев» — «Машин времени» и латвийская компиляция была выпущена раньше, но на крошечных эмигрантских фирмах и без малейшего резонанса в рок-мире. Кроме легких неприятностей для музыкантов (которые, естественно, не несли никакой ответственности за выпуск) эти пластинки ничего не дали.

я порекомендовал «Автограф» и «Рок-атель» — две вполне признанные группы с некоторым международным опытом. Но даже их «оформление за границей» в конце концов погрязло в бюрократической волоките. Позже «Автограф» сыграл две песни в московской телестудии — и этим был ограничен наш вклад в «Live Aid»...

Вся эта конспирация и «заговор молчания», устроенные официальными инстанциями, только подогревали любопытство западных «mass media»; «запретный плод» советского рока привлекал все большее внимание. В 1985—1986 во Франции, США, Англии и других странах вышло множество публикаций на эту тему и было снято несколько телефильмов — самые заметными из них были французский «Рок вокруг Кремля» и эпизод о Сергее Курехине из сериала «Би-Би-Си» «Товарищи». Статьи и видео-сюжеты были самые разные: претендующие на объективный анализ и сенсационно-спекулятивные, иронические и сочувствующие, достоверные и высосанные из пальца.

Почти во всех случаях информация была довольно однобокой. Повсюду фигурировали одни и те же персонажи, и картина получалась странной. Скажем, какой-нибудь маленький тусовщик по кличке Африка, занимал больше места, чем все московские любительские группы, вместе взятые. Стас Намин, Борис Гребенчиков и даже Алла Пугачева оказывались отцами — основателями советского рока, а «Поп. механика» духовным молодежным движением, интегрирующим весь ленинградский рок во главе с гуру Курехиным... Я далек от элордаства в отношении западных коллег и их смешных интерпретаций нашей рок-сцены. Все эти удивительные открытия объясняются просто: в статьи и фильмы попадают те, кто этого очень хочет и имеет нужные контакты. Другие, заслужившие публичности в не меньшей степени, но не стремящиеся к нему — в их числе Майк и «Зоопарк», «Телевизор», «Машина времени», «Звуки Му», — так и остаются в тени.

В 1986-ом занавес начал приподниматься. «Группа Стаса Намина»* поехала в США и Японию, «Автограф» — на MIDEM в Канни. Отклик в местной прессе был, в целом, доброжелательным, однако вопрос о реальной конкурентоспособности наших групп на мировой сцене остается открытым: настоящих коммерческих туров еще не было; все визиты «мира и дружбы» имели скорее познавательный интерес.

Легко догадаться, что свежие ветры не могли не сдуть пыль и с фирмы «Мелодия». Наконец увидели свет первые альбомы «Автографа» (на седьмом году существования) и «Машины времени» (на девятнадцатом). В проекте и диски более молодых исполнителей: «Арии», «Браво», «Круза», «Форума», «Секрета»...** Можно отметить и некоторые лицензии — «Битлз» (записи 1963—1964 гг.), «Dire

* Этот ансамбль имеет у нас скорее репутацию поп, нежели рок-группы. Но в последнее время — и особенно для заграничных поездок — Стас Намин заметно модернизировал и «обострил» программу.

** «Форум» — мелодичный тинибопперский электро-поп; в главной роли — бывший певец «Мануфактуры» Виктор Салтыков. «Секрет» — ленинградский квартет, в деталях имитирующий стиль ранних «Битлз», но поющий, конечно, по-русски. Они исполняют пару песен из репертуара «Зоопарка».

* Надо сказать, что это не был первый неформальный контакт. В декабре 1985 года в Ленинграде был Крисс Кросс из «Ultravox» и он сыграл вместе с «Поп. механикой» на их концерте в рок-клубе.

Straits», «Alan Parsons Project», «Whitney Houston» — которые, естественно, не составили большой конкуренции «черному рынку», где цены оставались на прежнем уровне.

Впрочем, хватит казенной информации. Главное, что жизнь забила ключом — даже фонтаном — и всеобщая тусовка приобрела грандиозные размеры. На улицах объявилось множество экстравагантных одетых молодых людей, которые теперь не рисковали быть задержанными за свои крашенные волосы, цепи на шее или балахоны из мешковины. Все они принадлежали к различным модным кланам и гордо выставляли напоказ свою стильную атрибутику. «Металлисты» (тинейджеры, поклонники «Хэви метал») пугали прохожих черной кожей, браслетами и кучей железных заклепок. «Брейкеры» (любители дискотек и, в частности, брейк-данса) фланировали пружинящей походкой во всем спортивном и американском. Возродились бывшие хиппи — теперь они называют себя просто «система» — с веревками на лбу, в драных джинсах и бусах. Они слушали музыку пятидесятых, а также «Аквариум» и их московский аналог «Крематорий». То, что «неохиппи» ничем не отличаются от такой же «системы» пятнадцатилетней давности, их несколько не смущает: они отстаивают «вечные идеалы». По внешнему виду хиппи мало отличаются от молодых русофилов, которые не испытывают влечения к року, зато проявляют социальную активность, участвуя в реставрации церквей и других памятников старины... Кто там еще? Да, новые стилисты в костюмах и штиблетах ломаются на концерте «Браво» и рокабилли-квартета «Мистер-Твистер», в то время как «Новые романтики», увешанные бижутерией, томно внимают «Николаю Копернику». Радикальная богема носит солдатские сапоги и туалеты противоположного пола; у них не было своей группы, но только что (я пишу эти финальные страницы в феврале 1987-го) мне посчастливилось побывать на первом выступлении ансамбля «Среднерусская возвышенность», состоящего из едва умеющих играть, но неистовых художников-концептуалистов — и это было самое веселое зрелище за последнюю пару месяцев. (Лучшие песни: «Еловая субмарина», «Сталинские дома», «Герои космоса»).

Наконец, у всей модной молодежи появился и «неформальный» враг — движение «люберов». «Люберы» — молодежь из индустриальных городков под Москвой, малообеспеченная и малоинформированная, а потому терзаемая комплексами перед лицом расфуфыренной столичной прослойки. Эти подростки из рабочих семей решили преодолеть свою провинциальную неполноценность, занимаясь культуризмом, объединяясь в шапки и избивая всех, кто вызывает их одет. Их агрессия замешана не только на бедности, но и на русском национализме — так что параллель со «Skinheads» и «национальным фронтом» представляется очевидной. Этой зимой конфликт «люберов» со всеми остальными (в первую очередь, «металлистами») достиг внушительных масштабов — вплоть до организованных побоищ (в стиле «mods vs rockers») с участием сотен человек с обеих сторон.

В отличие от старых недобрых времен все (ну, почти все) эти события широко освещались и толковались прессой. Теперь

от журналистов стали требовать остроты, проблемности и сенсационности, поэтому «неформальные молодежные группировки» оказались одной из излюбленных тем, наряду с частным предпринимательством и разоблачением бюрократов. Обычно статья начиналась с возмущенного письма представителей старшего поколения или описания мрачного бункера «металлистов» (инфернальной дискотеки; притона балдеющих хиппи). Затем следовало интервью с несколькими молодыми аутсайдерами, где выяснялось, что не такие уж они порочные, а просто хотят отличаться от других. В конце — обязательная мораль: нет, мы не можем запрещать это движение, надо в нем разобраться, надо организовать ребят... Это было схематично, не очень глубоко, но все равно приятно. Впервые я стал наблюдать «альтернативную» молодежь за чтением нашей прессы.

О самом роке тоже стали писать все, вся и одинаково. Пожилые композиторы, комсомольские руководители и культур-функционары, все били себя в грудь и восклицали «Да! Это интересно! Это нужно молодежи!» Наиболее самокритичные признавались: «Не оценили вовремя... Действовали не теми методами...» Те, кто еще недавно квалифицировали рок как «музыкальный алкоголизм», креатуру западных разведслужб, наверное, чувствовали себя неловко.

Особая помпа развернулась вокруг «Аквариума». У компании Боба было все, чтобы стать героями дня: талант, интеллект, популярность, мученическое прошлое и спокойное настоящее. После показа полурочасовой программы «Аквариум» в субботу вечером по Центральному ТВ все были в восторге: какие милые, интеллигентные молодые люди! Борис Гребенчиков, того ли ты ждал? «Я не хочу идти по пути Макаревича, но что же мне делать? И что не делать?» — отвечал лидер «Аквариума», едва отдышавшись после очередного интервью корреспонденту центральной газеты. «Я готов быть сердитым — разозли меня чем-нибудь».

Мне кажется, причины для того, чтобы быть сердитым, остаются. В стране идет напряженная борьба между старым и новым, и существует масса нерешенных проблем. Даже в шумной про-роковой компании видны черты показуши и неискренности, старая болезнь громких слов и боязни сделать что-то реальное... Конформисты, монстры — все за рок! Выходят две статьи по поводу альбома «Красная волна» (обе написаны неким М. Сигаловым), выдержанные в типично «зубодробительном» стиле — но за рок! Раньше бы обвинили в «предательстве» отщепенцев-музыкантов, теперь же лицемерный гнев обрушивается на подлую американскую «пиратку»*. Старый казенный дух мимикрирует под новые веяния, и это опасно.

Консервативная «эстрадная песня» тоже не собирается легко капитулировать и уступать суверенное место «наверху» — громкие имена, титулы и большие деньги продолжают играть немаловажную роль. В ноябре по телевидению была показана великолепная сатирическая рок-программа «Веселье ребята», главный посыл которой: молодежи нужна собственная

музыка (и она у нее есть!), поэтому не надо навязывать ей традиционные клише**. Программа была подвергнута суровой критике за «вбивание клина между поколениями...» Во время другой теле-съемки «Центр» исполнил «Беспольную песню» — приговор нашей «массовой продукции»:

«Беспольная песня — не болит
голова.
Беспольная песня — доходчивые
слова.
Беспольная песня — но можно
потанцевать.
Беспольная песня — не мешает
спать.
Беспольная песня — мрачное
событие.
Беспольная песня — остановка в
развитии.
Беспольная песня — творческая
разновидность.
Беспольная песня — духовная
инвалидность»

Этот номер не был включен в передачу... Нет, все это не симптомы столь знакомого по прошлому движения в стиле «шуг» вперед, два шага назад, — просто индикатор того, что противоборство продолжается.

Хитом сезона в Москве стала песня «Звуков Му» под названием «Союзпечать», произведение, отражающее процесс перестройки личности:

«Я часто сижу и грущу
Я умею плакать без слез
Я делаю пустые глаза
И на каждый вопрос отвечаю «за».
Но утром по пути в киоск
Я часто хочу, чего нет.
Меня научила мечтать
Свежая краска газет, «Союзпечать».

В последнем куплете лень и обреченность трансформируются:

«Когда идешь мимо меня
Не делай такое лицо
Будто тебе наплевать,
Что скажет о нас страна,
«Союзпечать».

Один из главных постулатов социалистического реализма — показать, как в классическом романе Горького «Мать», героя в его диалектическом революционном развитии. Вот, пожалуй, ста.

Я сыграл со «Звуками Му» на гитаре в концерте, посвященном первой годовщине «Рок-лаборатории». Шоу закончилось невиданной оргией: Петр Мамонов лежал, свесив ноги со сцены, а девушки из публики лизали его черные лакированные ботинки. Перед ними выступала истерическая блюзовая группа «Вежливый отказ», разбрасывая по сцене куски сырого мяса... Открытие сезона в Ленинградском рок-клубе (в присутствии некоторых членов UB 40): «Аукцион» показал новую программу «В Багдаде все спокойно», включающую танец живота; «Игры» долго тянули припев со словами «Ничего родного, ничего святого»; «Телевизор» закончил свое отделение «Революцией» Джона Леннона; «Аквариум» начал выступление

* К тому времени Дж. Стингрей уладила вопрос о правах, заплатила советскому агентству штраф и начала новый «официальный проект».

** Одна из шуток передачи: в помпезном концертном зале на сцену выходит огромного роста, до потолка, конференсье и объявляет: «Музыка Союза Композиторов, слова Союза Писателей». «Песня»

с требования очистить зал от дружинников и спели реггей «Вавилон», во время которого вся публика встала на сиденья кресел. Дисциплинированная рок-община начала входить во вкус раскрепощенности.

Один из концертов «Кино» состоялся на следующий день после встречи в верхах. «К сожалению, в Рейкьявике руководители наших двух стран не смогли договориться. Но здесь на сцене мы, русские и американцы, можем достичь полного взаимопонимания», — объявил Виктор Цой и представил публике Джоанну Стингрей. Они исполнили двуязычную песню; американка пела что-то вроде: «Kiss me once, Kiss me twice, feel so good, feel so nice, Give me some more of your love».

Русский текст был менее прямолинейен:

«Ты чувствуешь волны, мягкие волны
за спиной,
Вставай, а то потом никто не сможет
тебя спасти.
Линии жизни на твоих руках почти
до плеч,
Смотри, все реки встают на дыбы,
им некуда течь...».

Блестящий рок-Вавилон Москвы и Ленинграда страдал единственным недостатком: из большого шума появлялось очень немного хороших новых групп. Тем более многообещающим выглядит оживление провинции. После того, как опыт первых рок-клубов официально был признан полезным и конструктивным, аналогичные объединения стали расти повсюду, как грибы после дождя. Свердловск, Новосибирск, Одесса, Вильнюс, Минск, Ярославль, Владивосток и так далее. (Только в Средней Азии все было по-прежнему тихо). Я ездил с одного местного рок-фестиваля на другой и из сотни прослушанных неизвестных групп несколько было очень хороших.

Во-первых, «Antis» («Утка», в переводе с литовского) — фантастическая группа, nastоящее открытие 1986-го. Они играли на открытии вильнюсского рок-клуба вместе со «Звуками Му» и оставили мало шансов главному московскому экспонату. «Antis» соединяет интеллект и воображение своих лидеров, нескольких молодых архитекторов, с классной игрой сайдменов, полупрофессиональных джазовых музыкантов. В фокусе — певец Альгис Каумпедас, двухметровый монстр-обольститель, похожий на утонченного графа Дракулу. Его ввозят на сцену в гробу, откуда он начинает говорить по телефону, и сюрреалистическое шоу продолжается под мутантистский ритм-энд-блюз... Не могу дождаться следующего концерта.

Затем, «003» — невротическая «PIL»-образная группа из Калининграда. «Ироникс» (Горький) — молодая поэтесса Марина Кулакова читает стихи в стиле рэп под компьютерный ритм. «Калинов мост» из Сибири играет тяжелый блюз, но это больше похоже на первобытные языческие песни. Желанные «признаки жизни»: ведь Москва и Ленинград — это еще не Россия... Меня всегда гипнотизировали размеры моей страны; казалось, эта огромная территория таит множество открытий. Если там есть электричество, то должен быть и рок! С детства я знаю известную картину — «Ленин у плана электрификации»: вождь революции смотрит на гигантскую карту со светящимися на ней точками... Почему-то я об этом вспомнил.

Итак, вот мы здесь. Особо холодная зима 1987 года. Только что прошел январский пленум КПСС, подтвердивший курс на демократизацию. Мой друг напечатал в «Правде» статью под названием «Давайте жить весело». «Госконцерт» боится разорвать гастроли Синди Лаупер. В кинотеатрах при аншлагах идет шокирующе смелый фильм Юриса Подниекса «Легко ли быть молодым?» (музыка Мартинаша Браунса) — о реальной «нелегкой» молодежи, от панков до афганских ветеранов. «Рок-лаборатория» получила статус государственной коммерческой организации и на следующей неделе проводит «Фестиваль надежд», где группа «Чудоюдо» исполнит песню «Секс-революция».

В эти же дни состоится всемирный форум деятелей науки и культуры с участием Йоко Оно. По телевизору ничего интересного, кроме программы «Время». Алла Пугачева улетела в Италию на фестиваль Сан-Ремо. Меня избрали в правление нового Рок-клуба; не знаю, что это такое, но А. Градский — наш президент. В Москве открывается первый частный ресторан. «Аквариум» готовится к поездке в Америку; они только что написали отличную новую песню под названием «Летите, бабушки, летите».

«Наша жизнь проста, но в ней есть
что-то
Непонятное, как голова на блюде.
Почему игра всегда в одни ворота?
И почему на поле всегда так много
судей
Зачем, бабушки, вам такие уши?
Зачем, бабушки, вам такие зубы?
Спасибо, бабушки, что пришли нас
слушать
Прощайте, бабушки — ваш прицел
был верен
Прощайте, бабушки, — ваш взгляд
гасил план
Стая бабушек летит в ночном небе
Летите, милые, летите!»

Я верю, что улетающие бабушки больше не вернутся, а это значит, что мы, и рок, вступаем в совершенно новую фазу. Одна история закончилась; спасибо.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

**«И вот мы делаем шаг
На недостроенный мост».
(«Мы идем», группа «Кино»)**

Рок-ситуация в СССР сейчас сложна и запутана, как никогда. После строгой, «черно-белой» расстановки сил в годы «подполья» и запретов, гласность и экономическая перестройка совершенно спутали привычные представления о «можно» и «нельзя», «наших и ваших», «хороших и плохих». Линия рок-фронта, если и сохранилась, то стала очень извилистой. Появилось множество новых возможностей, и стало гораздо труднее ориентироваться. И, надо сказать, что вовсе не все проявления новоявленной демократии оказались благоприятными для рока. Жанр по-прежнему спорен и уязвим. Одни видят в нем угрозу русскому духу, другие — противника высокой культуры; третьи — влияние Запада, четвертые — средство обольщивания подростка (не все обязательно неправы; аргументы сторонников рока часто побиваются в свободной дискуссии). Весной этого года была принята сильнейшая за последние два года анти-роковая кампания, в которую включились общество «Память» (шовинистическая, полунацистская ассоциация, ведущая под знаменами «гласности» анти-

семитскую пропаганду, а рок клеймящая, как «сатанизм»), некоторые известные литераторы, чиновники Министерства культуры и Центрального ТВ. Одним из результатов этого стал перенос с апреля на декабрь 1987 года очередной «Рок-панорама», обещавшей стать крупнейшим советским рок-фестивалем всех времен. Все остальные ежегодные фестивали (Ленинград, Тарту, Вильнюс и много новых), между тем, благополучно состоялись и прошли с помпой и успехом.

В этой нестабильной ситуации единственный фактор, стопроцентно работающий на рок, и, по-видимому, способный послужить гарантом его дальнейшего легального процветания — это экономика. Рок по-прежнему хорошо продается — что, в новых условиях хозрасчета и самофинансирования — делает его желанным для соответствующих торгующих государственных организаций — будь то филармонии или фирма грамзаписи. До недавнего времени фирма «Мелодия» могла заваливать магазины горами неходовых пластинок с речами Брежнева и балагачными маршами, и чувствовать себя при этом прекрасно. Теперь, если они не хотят обанкротиться, им надо печатать то, что нужно людям... соответственно, в планах фирмы на 1987 год больше рок-пластинок, чем за все предшествовавшее десятилетие. Хозрасчетный статус постепенно начинают получать и рок-клубы.

На практике это означает реальный закат андерграунда. Любительские группы уже получают деньги за концерты и подписывают контракты на пластинки. Все это, конечно, замечательно и необходимо, но... Если раньше музыканты творили под лозунгом «Терять нечего», игнорировали цензуру и не очень заботились об успехе, то теперь новые последствия уже заметны: стало больше коммерческих групп, стало меньше самодельных кассет...

Впрочем, это лишь один из многих парадоксов перестройки, я не склонен это драматизировать и, тем более, тосковать по старым временам и принципу «чем хуже, тем лучше». Я не считаю гласность фальшивой — иначе как мог печально-знаменитый Свинья выступить перед полутаратысичной аудиторией на последнем ленинградском фестивале? Или как могла цензура пропустить новую песню «Телевизора» под названием «Мой папа — фашист». Проблема, скорее, в обратном: лишь очень немногие рок-группы «успевают» за гласностью. Поразительно, но факт: в центральных газетах попадают статьи, более смелые и злые, чем песни радикальных рокеров! Вот это грустно. Похоже, что солнечный свет и свежий воздух немного ошеломили «детей подземелья».

Да, рок как таковой уже не является вызовом, брошенным общественному спокойствию, — хотя не сомневаюсь, что и сейчас найдутся люди, сохраняющие верность его бунтарскому духу. Наверное, скоро у нас будет настоящий шоу-бизнес — со множеством звучащей продукции, хит-парадами и вручением «золотых дисков». Это ОК, наш рок выдержит этот комфорт. Ведь он выстоял десятилетия таких передеряг и неделикатного обращения. У «Звуков Му» есть одна строчка на эту тему: «После всего, что случилось, я как спасшийся парашютист...» Будущее никогда еще не казалось таким светлым и непредсказуемым. Теперь нам ничего не страшно.

ОЛЬГА ХРУСТАЛЕВА

Этот текст был написан больше года назад и, как договаривались, отвезен в «Литературную газету». В отделе критики его прочли, но печатать статью о неопубликованной литературе отказались. Затем экземпляр был доставлен в отдел критики журнала «Юность». Его прочли и — отдали в «20-ю комнату». Там тоже прочли и — решили печатать тут же, в 7-м номере (1987 г.). Не получилось. Потом, последовательно — в 8 и 9-м. Не получилось. Пока статья добралась до 12-го номера, она уменьшилась в размерах.

Братья-шестидесятники из «Юности» (но не из 20-й комнаты) сочли, что лучше знают, КАК должно говорить мое поколение, КОГО не должно обижать (в тексте увидели оскорбление Б. Окуджавы) и о чем не должно размышлять. Цитаты из стихов Т. Щербины были сняты из-за, как мне объяснили, личной неприязни к ним зав. отделом поэзии Н. Злотникова. Сокращения, произведенные журналом «Юность», набраны курсивом.

ЛЕОНИДУ ЖУХОВИЦКОМУ, который есть, ОТ ПОКОЛЕНИЯ, которое — нет.

«Молодая писательница из Ленинграда, еще не публиковавшаяся в столице, приехала в Москву и сказала, что хочет написать острую дискуссионную статью. Даже не статью — манифест своего поколения.»

Мне идея показалась вполне перспективной: жалобами в последние годы начинающие литераторы просто заваливают, а вот манифесты — большой и стойкий дефицит. Но оказалось, что дебютантка нуждается не в одобрении, а в конкретной помощи.

— Вы можете позвонить в «Литературку» и спросить, станут ли печатать мою статью?

— Но ведь статьи пока нет.

— В принципе. Чтобы мне не работать впустую. (. . .)

Я позвонил, дебютантке обещали режим наибольшего благоприятствования, и она села за стол.

Что ж, все резонно: даже столь юный профессионал не хочет братья за перо без гарантий.

Тем любопытнее разобраться в психологии литераторов, которые этого разумного правила почему-то не придерживаются. . . .»

Этими строками Вы открыли статью «Нужны ли гарантии» в десятом номере журнала «Юность» (1986). А теперь объясним читателю (ибо мы-то с Вами знаем, какая дама скрывалась за анонимной «рубашкой» карты), что под дебютанткой имелась в виду я, а разговор состоялся примерно полгода назад. Вы его запомнили. Более того, передали с завидной точностью. И не обида за воспроизведение частного, дружеского (не так ли?) разговора заставила теперь (и только теперь — манифесты ведь пишутся для других, себе излагать собственную программу нет необходимости) сесть за стол. Послышался мне в Ваших словах упрек моему поколению, пусть непрямо выраженный, в «прямом» требовании «печатайте!», в желании гарантий. Требования, пожалуй, и Вам, шестидесятникам, не чуждом. Но, помыслите, зачем же в лоб и открыто! Нужно же и деликатность иметь! А, главное, выстрадать, выстрадать право на печатание, как выстрадали его Вы! И как-то неприлично думать о том, чтобы печатали. Думать надо о высоком — не так ли? — о высоко! И о нем же говорить — да? — говорить надобно о высоко! А «печататься» —

об этом, знаете ли, как-то вслух непристойно. Ну, про себя, положим, конечно. Но вслух! . . .

Сыграем в эту славную игру — откроем карты дальше! Не помните ли Вы, что удивились идее манифеста, ибо, с Вашей точки зрения, никакого поколения «тридцатилетних», как принято сейчас говорить, не существует? Когда Вы (шире — литераторы), воспитанные в 60-х и 60-ми, разводите руками и даже непритворно растерянно говорите, что не видите вокруг себя молодых представителей литературы, Вы не так уж не правы. И хотя искренность от остроты зрения не зависит, хотя перед Вами в этот момент может толпиться десятка два, а то и три, молодых представителей словесного творчества, с Вашей точки зрения — никаких молодых писателей нет. Ведь под молодостью Вы понимаете собственное воспоминание о ней, и если той же наивности, социального энтузиазма, открытой доверчивости, непременно сочетающейся с широко распахнутыми в мир глазами и возгласом «Фантастика!», не находите, то простейшим силлогизмом заключаете, что никакого нового поколения, входящего в литературу, вовсе нет.

Можно сколь угодно много думать, писать, говорить о молодежи, но — не старше 25-ти. Эти моторизованные рокеры, пестрые панки, brutальные металлисты — юные протестанты социального уклада — вам не страшны. Они — Ваши кровные дети, потому что заряжены на непосредственное социальное проявление так же, как Вы, хотя, быть может, и не понимают этого. Да, они похожи на Вас, на тех, кто вырос в период «оттепели», ибо, в конце концов, какая разница, как импульсное социальное начало проявляется: в многотысячных толпах, стекавшихся к памятнику Маяковского и внимавших словам, словам, словам, или многосотенных сборищах на трибунах стадионов, скандирующих «Спартак! Спартак! Спартак!». Они открыты, они наружу. Они ближе и понятнее, чем мы. По их поводу можно горевать о потере культуры, о неверии молодежи в нашу социальность, о несуразных идеалах, да мало ли о чем! Они похожи, поскольку — вместе. Они тоже пытаются «взяться за руки» и кричат о том, что принимают или не понимают. В одной из телепередач Вы сказали, что сами, быть может, в душе — металлист. Охотно верю.

Мы — не металлисты. Мы — другие. Мы не кричим, не беремся за руки. А за это нас не считают поколением, не считают (уже) молодежью, не считают ничем. Что-то не устраивает в поколении, родившемся в 50-х, сформировавшемся в 70-х, и теперь, в конце 80-х, выходящем на литературную арену. Может, пугает отсутствие социальных самозабвений, слишком рано развившаяся трезвость и осмысленность взгляда, которые очень часто трактуются как «безверие, безыдеальность, цинизм». Оно настолько не похоже, настолько отлично (а ведь Вам хочется, чтобы не было отлично и было похоже), что даже поверить в его существование нет никакой возможности.

Но те, кто дал себе труд поверить, ищут определений. И в Ленинграде старшая критика говорит о «тихом» или «молчащем» поколении (никому, правда, не пришлось в голову спросить, о чем же молчит оно?), в прессе твердят о поколении задержанном, а Лев Аннинский называет нас «детьми тишины».

«Дети тишины», «граждане ночи» — дети ночи, мы, действительно, жили ночью в прямом и переносном смысле. Время «государственных сумерек» обратило наши взгляды от солнечной социальности 60-х вглубь, внутрь потемок собственной души. Отрицая серую сутолоку сумеречной дневной жизни, мы обретали себя ночью под слепящим светом сознания, рефлексии, мысли. Жизнь превращалась в радостно улыбающуюся, застывшую маску. Трагический оборот этой маски знали все (или почти все), но особенно остро ощущали мы, поставленные перед необходимостью определять себя, свои идеалы и жизненные устремления. Повода верить в реальность социальной жизни не было, потому что слишком долго (для периода юношеского становления) мы существовали в прутковской ситуации, вывернутой наизнанку: отовсюду призывали верить в надпись «Буйвол» на клетке со слоном.

Болезненное ощущение фиктивности распространялось и на тех, кто был рядом, кто чего-то хотел, что-то строил, о чем-то писал и говорил, но все это было ненастоящим, как движение марионетки, выдававшей себя за свободного человека. А мы не верили в достоверность кукольного театра жизни. Зато, в индивидуальных мечтах и снах, выросшая из произведений искусства и ими взращенная жизнь представляла яркой, зримой — истинной. Мы были (и есть) книжным поколением (вероятно, последним — настолько книжным), воспитанным на «второй реальности» не потому, что она была хуже или лучше, а потому, что она была — реальность. Бедные наши родители не знали, что мы ЧИТАЛИ по ночам и ЧТО мы читали по ночам. А мы читали. Все, что неизвестные подвижники ксерокопировали, фотографировали, перепечатывали так же, как мы читали — вопреки, наперекор, несмотря на... Да, мы читали по ночам книги, заменявшие все — жизнь, друзей, родителей, и законы искусства знали лучше, чем законы жизни. Одиночки, запертые непониманием и ложью в детские комнаты, мы были теми, кто смотрел на черное марево голов на площади Маяковского, и возгласы до нас почти не доносились. Зато картинка с оперевшимися в затылок друг другу людьми, которые все хотели от кого-то услышать вешнее слово, не пытаясь отыскать его в себе, в душе, впечаталась надолго, если не — навсегда.

Да, да! Слышу, слышу! Слышу это резонное возражение, ибо говорить от имени поколения дело бессмысленное, ибо и среди тех, кто формировался в 70-е, есть Ваши прямые наследники, до сих пор свято верящие в лозунги 60-х, и другие, вообще ни во что не верящие, и третьи, и десятые... Говорю я от имени тех, для кого внутренняя жизнь была и есть единственной точкой отсчета, кто не себя проверяет по социальному курсу, а социальный курс проверяет собой. Я говорю от имени тех, кому не знаком страх (может быть, только — страх страха в себе) и кого поэтому нельзя купить, нельзя ангажировать, нельзя приманить комфортом, благами, известностью, положением, даже печатанием.

Потому что, какое бы тысячелетие ни было на дворе, внутреннее для них определяет внешнее, а не наоборот.

Потому что ответ на вопрос «Кто я есть?» автоматически решает и даже снимает три классических — «Кто виноват?», «Что делать?» и «С чего начать?».

Потому что человек — бездонен, социум — ограничен. Формы мысли и чувства бесконечно многообразны, как становится многообразен язык, их адекватно передающий (или пытающийся передать), а формы социальной жизни — конечны, повторяемы, моделируемы. Потому что, меняясь внутренне сам, человек меняет вокруг себя форму жизни — искусства. И смысл русской пословицы «каков поп — таков приход» непреходящ, поскольку выражает эту зависимость социального проявления от внутреннего стержня. И каждый народ, действительно, имеет то правительство, которое заслуживает. *И перестройка началась, потому что изменились мы, изменились настолько и столько нас изменилось, что формы жизни не выдержали внутреннего содержания, разрывавшего их, превращавшего в пародию на самое себя. (Уж не потому ли так расцвел в 70-х годах сам жанр вместе с анекдотом — парадоксальной формой пародии, — и публика, которая всегда права где-то во глубине своих сибирских руд, любила утвердителей внешней карикатуры. Пародия была спасительна.)*

Поэтому мне мало прочесть очередной (общественно, безусловно, полезный и значимый, выполняющий важную социальную-просветительную функцию) роман о Сталине, репрессиях, убийстве творческой инициативы, топтании ногами правды. Мало (и не потому, что все это читано еще в 70-е годы), ибо пока Вас восхищает правда факта, смелость говорения вслух того, что все давно знают про себя, и констатации следствий, мы думаем о причинах и первоисточках, ожидая от художественного творчества совсем иного. А та литература, наша литература, которая выражает и отражает внутреннюю перестройку сознания, уже случившуюся, произошедшую, не устраивает Вас ни формой, ни содержанием. Если поэзия моего поколения, с кровавыми для автора потерями, и самая для Вас приемлемая еще как-то худо-бедно прорывается в печать, то проза — ни под каким видом. Или уж так отредактированная поборниками социальной капели, что, право, лучше б не печатали. Потому что никакого желания социальных гарантий у моего поколения нет. Ведь не опубликована и сотая доля того, что лежит в столах моего поколения. Оно не печаталось и, быть может, не будет печататься, но, на самом деле, это не имеет никакого принципиального значения. Потому что пока его опубликуют — или поколение, или эмир, или ишак умрет.

Поэтому мое желание «гарантий» (желание не писателя, а все-таки — критика) есть лишь понимание внутреннего права и внешней необходимости появления новой молодой литературы, которая скажет мне про меня, сомкнется формами искусства с формами моей внутренней жизни. Публиковать же эту литературу не хотят не потому, что ее произведение не дотягивают до среднего уровня (за последние год-два) печатного слова, а потому, что превосходят его. Вас не устраивает форма подачи, и, как выразился один из «ваших» критиков В. Курбатов в обзоре молодой поэзии: «... наше раздражение поэзией молодых может происходить еще и оттого, что они не хотят мыслить строкой или хоть (?) строфой, и их неудобно цитировать (!); они кроют мир из больших единиц и принуждают (!) для понимания к полному воспроизведению». Да, мое поколение не мыслит строками (лозунгов) или строфами (призывов). Да, вы вынуждены принуждать себя к пониманию, потому что все еще бежите в социальной эйфории по жизни (умея, «трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете», но забывая, что шагать и не спать следует не ради строчек), не имея возможности ни остановиться, ни оглянуться. Потому что оглядываться вглубь, внутрь себя Вы, похоже, не умеете, поскольку все твердите, как заклинание, «чтоб не пропасть поодиночке». *Потому что поодиночке у вас растерянность.* И я хочу предложить Вам подумать о том, что через несколько лет большая часть населения прочтет все нашумевшие сейчас романы и скажет: — А что же дальше? И снова вы будете писать о том, что было

двадцать лет назад. И так далее, и до бесконечности. Но о главном скажете — не Вы. Потому что то, что сейчас (в неофициальных — широко, а в официальных — острожно) называют «альтернативной» или «неформальной» культурой, разовьется и наберет силу. И я боюсь (за Вас), что содержание вновь преобразует форму, и то, что сейчас составляет основной массив печатанья, будет лишь добавком к широкой волне которая разливается исподволь. Потому что отрекшись от социального успеха, сосредоточившись в ночной тиши, мое поколение пишет о внутреннем ту правду, которая была выстрадана десятью—пятнадцатью годами в одиночной камере собственной души, когда уповать можно было только на себя и силу внутреннего дара. Мое поколение знает, что поодиночке не пропадет. *Поэтому протягивая руку другому, такому же, одиночке, оно делает это бескорыстно. (А за лозунгом «возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке» есть некоторый оттенок взаимозависимости, значит — и внутренней несвободы.)*

Когда ощущение одиночества и нежелание размыкать его круг в видимое подобие коллектива стало ведущим, в резко усложнившемся мире проявилась одна, реально ощущаемая и ощущимо реальная величина — индивидуальность. Личность как осознанное выражение внутреннего «Я». Проверить показания этого индикатора, счетчика, датчика можно, только обратившись к другому такому же индикатору, счетчику, датчику, отражающему на душевном дисплее образно переработанную информацию, которая поступает извне:

*Но в наше электронное барокко,
где воздух полн частиц, оттенков, знаков —
мне б черно-белое собачье око,
чтоб свет узнать, глаза во тьме проплакав.
Чтоб знать, к чему стремиться поутру,
чтоб что-нибудь одно иметь в виду,
чтоб не вступать ни в секту, ни в игру,
ни в цех, ни в клуб, ни в шайку, ни в орду.*

Поэтому так уважает мое поколение чужое отличие, чужое проявление, чужую индивидуальность. Уважает тем более, чем ярче проступает несходство. Но сходство все же есть.

Если в толпе Вы увидите молодого человека, ничем особенно не примечательного, кроме иронично-отстраненного взгляда, — знайте, это идет мое поколение. Если Вы услышите — «Мое поколение смотрит вниз, мое поколение молчит по углам», — знайте, это поет мое поколение. Если Вам задают вопрос — «Какое философское учение Вы предпочитаете?» — знайте, это вопрошает мое поколение. Если Вам доведется увидеть шокирующее многих зрелище под названием «Популярная механика», где в зал кидают оципанную тушку курицы, вытаскивают на сцену козла, а симфоническая группа «наяривает» Моцарта под аккомпанимент электрогитар; если до Вас докатятся слухи о спектаклях «Хохороны» и «СПИД во время чумы», — знайте, это в сокровищнице мировой культуры играет драгоценными камешками музыкальных, театральных, литературных стилей — мое поколение.

Есть сходство в университетском цензе творчества, который достигался каждым индивидуальным способом, через разные книги и несхожие впечатления, в образовании, которое отличает мое поколение и которое не есть уровень информированности (разнообразных знаний о многом и незнании главного — зачем тебе эта информация), а есть именно образование — формирование образа из имеющихся знаний и навыков.

Есть общая склонность к полистилистике или, если угодно, осознанной эклектике, дающей новый синтез, поскольку главное заявлено в ней изначально — угол зрения того, кто формирует, собирает, сплавляя воедино разнородные явления как жизни, так и искусства, в желаниии запечатлеть пеструю неоднородную материю жизни.

Есть сходство в нежелании подчинять личность социальной маске, в разрушении мира социальной драмы, которую

с успехом разыгрывала литература последнего двадцатилетия. Есть сходство в неприятии внешнего пафоса, хотя внутренний может быть сколь угодно высок, потому что есть неприятие лозунгов, выкриков, окриков, вскриков.

Потому что есть неприятие запрета в сфере эстетической. Потому что мое поколение вслед Александру Блоку могло бы повторить: «Так я хочу. Если лирик потеряет этот лозунг и заменит его любым другим, — он перестанет быть лириком. Поэт совершенно свободен в своем творчестве, и никто не имеет права требовать от него, чтобы зеленые луга нравились ему больше, чем публичные дома». А мое поколение и есть поколение лириков (что бы оно ни писало — поэзию, прозу, драму, критику), только не в этом физико-лирическом понимании, свойственном наследникам 60-х, а в субъектно-индивидуальном, где всякое произведение есть отражение моих, только моих, личных печалей и радостей, где мир воспринимается и оценивается только от внутренней точки, лежащей в глубине души. Оно говорит о себе и своем. И ровно настолько, насколько это освещено талантом и владением профессией (одно без другого или косноязычно или пусто), оно отзывается в душе другого, тоже стремящегося ответить на вопрос: кто я емь в мире и почему этот мир так не соответствует моим внутренним идеалам.

Мое поколение не говорит о сокровенном, пытаюсь донести его через формы художественного образа. Потому что знает, как быстро линяют и стираются лозунги (в прямом и переносном смысле). Потому что истина, выраженная лозунгом прямой речи, перестает быть истинной, теряя глубину и дыхание пути к себе.

О, эта небрежность в обращении с языком, влекущая за собой неряшливость мысли! Во времена господства «серых» слово «размыкали» по социальным заказам, откачали из него кровь эстетической самооценности, его вообще не любили за потенциальную множественность заложенных смыслов. Над произведениями публицистической литературы так и витало: «сказка ложь (сказка, описывавшая жизнь, была действительной и действительной ложью), да в ней намек (под намеком имелась в виду известная комбинация из трех пальцев)». Слово стало чем-то функционально-гаечным, шестереночным (чтоб не сказать — шестерочным). И теперь мы отыскиваем его истинное значение по словарям, проверяем и перепроверяем, пробуем на вкус и цвет, сопрягая уличную фразеологию с высоким стилем, чтобы разрушить стереотипы употребления, чтобы разорвать навязанный социальный и только социальный контекст. *Ваш контекст, вяжущий каждую семантическую единицу языка строгой социальной определённостью. И предлагаем вместо — интекст — текст со словом, многозначность которого принципиально неразложима, смысл которого стремится и вовне, и внутрь. Текст — самоценный и самодостаточный, но, вполне вероятно, бессмысленный (ибо к нему не применимо понятие сиюминутной «пользы») и непонятный (ибо его цель — езда в неведомое, завоевание для искусства новых территорий) с точки зрения социальной:*

*Всдержатели слов, мы отныне у вас отнимаем
весь словарный запас,
чтобы вы не сказали: мы все понимаем
и значит, что спрашивать с нас.*

Ну и наконец. Привыкнув долгие годы играть с «болваном» и втемную, Вы, кажется, убедили себя, что крапленой карты никто не заметит и поверит на слово, что профессиональный публицист, коим Вы являетесь, действительно, всерьез не понимает разницы между художественным произведением, ценность которого не уменьшается, а возрастает с годами, и манифестом — «письменным обращением общественных организаций, политических партий или литературных групп к обществу с изложением своих взглядов, программ, предложений и решений».

Но где же манифест, спросите Вы? И теперь я сделаю любимым жест поколения — выйду из игры. Играйте сами. С собой. Лучше.

(В тексте использованы стихи Татьяны Щербины.)

МИХАИЛ СМОНДЫРЕВ

СТУДЕНТЫ И ГЕНЕРАЛЫ

Сначала было дело: студентов стали призывать в армию, отрывая на два-три года от учебы. Особых слов при этом не произносили, да в те времена их никто и не ждал. И какие, собственно, нужны были объяснения? Про воинскую службу как почетную обязанность советских граждан написано в Конституции. Армия в нашей стране традиционно окружена вниманием и уважаема народом. Принцип «надо — значит надо» мы всосали с молоком матери. Граждане СССР независимо от национальности, религии, образования и прочих не столь существенных различий равны перед Законом. Все ясно, просто и понятно!

Шло время, мы учились демократии и гласности, и обнаруживали, что самые простые, как говорят, «детские» вопросы подчас не имеют однозначных ответов. Начав размышления с темы «студент и армия», я неожиданно для себя пришел к проблемам совсем иного толка.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Прежде всего я задумался над тем, что понятия «священного долга» и «почетной обязанности» всегда присутствовали в Конституции, но студентов раньше в армию все-таки не призывали. Неужели много лет и в массовом масштабе самым вопиющим образом нарушался Закон?

Конечно же, нет! Из духа и буквы Закона следует, что ни один гражданин не может отказаться от службы в армии, ссылаясь на образование, религию и т. п. Но всеобщая воинская обязанность вовсе не означает **необходимости** постановки под ружье всех здоровых мужчин подряд, невзирая на конкретные условия и потребности общества. Всеобщий призыв практиковался лишь в чрезвычайных обстоятельствах, а в обычное время применялись отсрочки, предусмотренные действующими законами.

Середина 60-х гг. отмечена наиболее либеральным отношением генералов к студентам и к людям с высшим образованием. С тех пор порядок призыва этих категорий граждан постепенно, но неуклонно ужесточался. Студентами вплотную занялись 17 декабря 1980 г., когда вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об изменениях и дополнениях в Законе о всеобщей воинской обязанности. Вскоре Указ утверждала сессия Верховного Совета. Депутатам сообщили, что изменения вносятся в связи с совершенствованием законодательства и подготовкой свода законов (?). Об их содержании было сказано крайне мало: упоминались лишь некоторые вводимые льготы. Любопытно выглядел сам текст Указа, единогласно утвержденный депутатами. Наивно было бы ожидать, что там по порядку приведены все поправки: ведь Указ сочиняли мастера своего дела. Он просто содержал целиком новую редакцию Закона, и «небольшие» изменения «утонули» среди множества старых статей (см.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1980, № 52, ст. 1121).

Я предлагаю вниманию читателей фрагмент 35-й статьи Закона о всеобщей воинской обязанности, где жирным шрифтом выделено добавление, утвержденное на той сессии:

«Отсрочка от призыва на действительную военную службу для продолжения образования предоставляется:

1) студентам дневных (очных) высших учебных заведений, **включенных в перечень вузов, утверждаемый Советом Министров СССР по представлению Госплана СССР и Министерства обороны СССР**».

Не надо быть юристом, чтобы понять цель добавления этих строчек. Составление перечня вузов по существу отдавалось в руки Министерства обороны. Если оно предложит внести

туда какой-то вуз, то у Госплана и Совмина нет оснований возражать, а вот без представления военного ведомства Совмину просто нечего утверждать. Здесь создана классическая ситуация «а может я тебя, ха-ха, и помилую».

Решение, касающееся тысяч молодых людей, было принято без обсуждения, и дело не только в боязни «высунуться». У депутатов элементарно не хватило на это времени. Сессия продолжалась два дня. За столь короткий срок были приняты обращения к парламентам и народам мира, Основы жилищного законодательства, Закон о правовом положении иностранных граждан в СССР и другие важные документы. Впрочем, о «грехах» нашей парламентской системы сейчас говорят достаточно часто. В этой связи приведу лишь утверждение генерал-полковника М. Гареева, что данное решение принято якобы по «многочисленным просьбам советских людей». Удивляет не сама эта формулировка, изобретенная в достопамятные времена, а ее использование уже в наши дни («Литературная газета», № 23 от 3 июня 1987 г.).

Указ вошел в силу с 1982 г., и военные быстро распорядились новыми правами. Список вузов с отсрочкой, как и следовало ожидать, был весьма невелик и имел явно выраженную тенденцию к ежегодному сокращению. Апофеоз наступил в 1987 г., когда отсрочек лишились лучшие технические вузы страны — МФТИ, МВТУ, МАИ и другие. В эпоху гласности военным пришлось дать в печати некоторые объяснения. В частности, ссылались на подобный опыт социалистических стран, что было неправдой. От коллег из-за рубежа я узнал, что в Болгарии, Венгрии, ГДР, Румынии юноши проходят службу в армии до начала учебы в вузе (там школу кончают позже, чем у нас). В Польше,

Чехословакии, на Кубе в армии служат после окончания вуза. Я другой такой страны не знаю, где бы студентов брали в армию вместо учебы.

А вот за противоположными примерами далеко ходить не пришлось. Новая редакция Закона была принята и приведена в действие в сложное время: афганская кампания, двойное решение НАТО, трагедия с южнокорейским самолетом, уход с переговоров в Женеве. Мы втянулись в военное соперничество, но, честно говоря, ястребиный клекот раздавался тогда не только на Потомаке. Естественно, я поинтересовался, как решали вопрос со студентами в другой сложный период, во время Великой Отечественной войны, и с изумлением обнаружил постановление Совнаркома № 996 от 15 сентября 1943 г. Война шла на территории СССР, до Победы было еще очень и очень далеко, но Советское правительство решило: «Освободить от призыва в ряды Красной Армии:

а) студентов всех курсов высших учебных заведений, перечисленных в Приложении № 3,
б) студентов предпоследних и последних курсов всех остальных высших учебных заведений».

В упомянутом Приложении № 3 содержался список двадцати (!) вузов: МАИ, МАТИ, МВТУ, МЭИ, МИСИ, МХТИ, МИИТ, институты — инженеров связи, нефтяной, горный, стали, архитектурный и другие (Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции. — М., 1945, с. 79—81; 2-е изд. М., 1948, с. 496—497). Кстати, в последующие издания сборника процитированные документы уже не входили.

ПРИВИЛЕГИЯ ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?

Совершенно ясно, почему студенты получили отсрочку от призыва даже во время войны: правительство уже заботилось о мирной жизни, о восстановлении народного хозяйства, для чего были нужны специалисты. Они же требовались и оборонной промышленности. Как мы теперь знаем, то поколение ученых и специалистов оправдало надежды и выполнило свой долг перед Родиной, хотя и не на поле боя. Кто может их за это упрекнуть? Одно лишь создание ракетно-ядерного щита сберегло, быть может, миллионы жизней. Отсрочка от призыва была государственной необходимостью, а не подарком доброго дядюшки из военного ведомства одной из социальных групп.

Но почему к этому вопросу надо сейчас относиться иначе? Разве страна находится в более тяжелом положении? Разве государство менее остро нуждается в специалистах? Разве не нам угрожает опасность остаться на обочине научно-технического прогресса? Или не все понимают, какой вред приносит государству призыв студентов в армию?

Студенты уходят после первого или второго курса, усвоив лишь азы своей будущей профессии. Они уже многому научились, лучшие из них начина-

ют приобщаться к научным исследованиям и конструкторским разработкам, но навыки еще не совсем тверды и все у них пока зыбко и ненадежно. Никто не знает, у кого из этих «гадких утят» вскоре прорежутся лебединые крылья. И в этот самый, быть может, решающий момент формирования будущих ученых и специалистов они вынуждены сменить аудитории на казармы, а учебники — на автоматы.

Призыв студентов в армию приводит к своеобразному долгострою в системе высшего образования, что плохо уже само по себе. Кроме того, каждый знает, как тяжело, а иногда и невозможно, вернуться к основной профессии после длительного перерыва. В математике, физике и некоторых других науках для становления таланта необычайно важны именно юные годы. Здесь надо принять все меры, чтобы студент как можно раньше закончил стандартный курс обучения и включился в научную работу. Эйнштейн и Дирак совершили свои открытия молодыми, и в подобных областях науки это скорее правило, нежели исключение.

Я не располагаю статистическими данными о влиянии призыва на численность и успеваемость студентов, но такие данные и не могут быть слишком информативными: первые студенты-армейцы не успели еще закончить институты. Военные считают, что все идет нормально, ибо по их сведениям более 85% студентов возвращаются в свои вузы и успешно продолжают учебу. Не знаю, как эти данные получены, но 15% потерь — это не мало, и, к тому же, они различны для студентов разных специальностей. Мне известны только две публикации на эту тему. Руководители Харьковского университета ректор И. Тарапов и секретарь парткома В. Кибец («Известия», № 216, 4 августа 1987 г.) отметили, что от призыва больше всего страдают точные науки и привели пример:

«Потери механико-математического факультета составили 27%. Это те, кто отчислен после службы в армии или переведен на другие факультеты. Кроме того, из числа демобилизованных на повторный курс оставлено 18, не вернулись вообще на этот факультет 7 процентов студентов».

С другой стороны, старший преподаватель кафедры истории КПСС А. Маренко («Красная Звезда», № 126 от 1 июня 1988 г.) сообщил о благотворном влиянии армии на учебу в Горьковском сельскохозяйственном институте, где 40% студентов улучшили успеваемость после службы.

Эти данные любопытны, но не более. Я склонен думать, что даже полная статистика успеваемости по всем вузам страны не дала бы нам картины всех потерь от призыва. Дело в том, что вред, наносимый перерывом в учебе, нельзя оценить, да и проявляется он не сразу, а через много лет. Наверно, можно найти случаи, когда творческие биографии ученых сложились вполне благополучно, несмотря на перерывы в занятиях наукой. Но обратных примеров в принципе привести нельзя, ибо если некто не состоялся как ученый, то о его возмож-

ных открытиях ничего не известно. Представьте, что перерыв в учебе помешал всего одному человеку найти средство от рака или изобрести способ получения дешевой энергии из нового источника. Страшно, что мы никогда не узнаем, чего лишились или получили слишком поздно, и даже не сможем представить себе всех масштабов понесенных потерь. Поэтому никакие ссылки на статистические данные или удачные личные судьбы нельзя считать доказательными. Чем сильнее вуз, тем больше потери несет общество от призыва его студентов. Призыв из ведущих технических вузов — вопиющая безхозяйственность даже с точки зрения военных, ибо обучаемые там специалисты вносят заметный вклад в оборону страны. В конечном итоге это выльется в отставание отечественной боевой техники, и тогда придет время очередного покаяния.

О СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ И «МАМЕНЬКИНЫХ» СЫНКАХ

Тем не менее, военные утверждают, что служба в армии не только не мешает учебе, но даже ей способствует, формируя у студентов нужные качества. Для убедительности генерал М. Гареев в уже упоминавшейся статье привел пример: «Л. Н. Толстой до окончания полного курса Казанского университета убыл на Кавказ, затем в Крым, несколько лет (1851—1855) находился на театрах военных действий, участвовал в обороне Севастополя, и, судя по его произведениям, творчество Л. Н. Толстого от всего этого не пострадало».

Я мог бы возразить, что с писателями все обстоит гораздо сложнее, чем с математиками и физиками. Быть может, им для проявления таланта надо узнать жизнь со всех сторон. Правда, А. С. Пушкин в армии совсем не служил, и его творчество от этого тоже не пострадало. А Ф. М. Достоевский даже на каторге побывал, прошел через солдатчину и (кто знает?) может именно поэтому стал великим русским писателем. И что, каждый романист должен теперь посидеть в тюрьме? Думаю, познание жизни должно идти менее насильственным путем.

Поговорим все же о Л. Н. Толстом, коль скоро генерал Гареев предпочитает его творчество. В юные годы Толстой еще не нашел своего призвания. Получив домашнее образование, он учился в Казанском университете сначала на восточном, а затем на юридическом факультетах. Как мы теперь знаем, юриспруденция не была его коньком. Курса наук он действительно не кончил, подав прошение об увольнении из студентов (за метьте, вполне добровольно), но выехал не в армию, а в Ясную Поляну. Там он без особого успеха пытался заниматься деревенским хозяйством. Лишь через четыре года Л. Н. Толстой избрал довольно обычный для неудачника тех времен путь, поступив на военную службу.

Я не литературовед и не знаю, как отразились на Толстом несколько ар-

мейских лет. Можно допустить, что в чуждой среде он рисковал погубить свой гений, и тогда Россия потеряла бы великого писателя, даже не заметив этого. Гадания — дело неблагодарное, но армия была далеко не идеальным местом для развития талантов, о чем можно судить хотя бы по личным впечатлениям Л. Н. Толстого. В 1855 г., находясь в Севастополе, он писал (цит. по Собр. соч. в 22 тт. — М., Худ. лит., 1978—85, т. 16, с. 399—406):

«Угнетенный солдат морщится и ожидает удара, когда при нем кто-нибудь поднимает руку; он боится каждого своего слова и поступка: каждый солдат, годом старше его, имеет право и истязает его...»

«Угнетающие солдаты — люди, перенесшие страдания и не упавшие, но ожесточившиеся духом. Их чувство справедливости — заставлять страдать каждого столько же, сколько они страдали. Угнетающий солдат сжился с мыслью, что он солдат, и даже гордится сим званием. Он старается улучшить свое положение — угнетением и кражей».

«Русский офицер, по большинству, есть человек не способный ни на какой род деятельности, кроме военной службы... Русский офицер необразован или потому, что не получал образования, или потому, что утратил его в сфере, где оно бесполезно и даже невозможно, или потому, что презирает его, как бесполезное для успеха на службе».

А вот и вывод, к которому пришел Лев Николаевич: «Военная карьера не моя, и чем раньше я из нее выберусь, чтобы вполне предаться литературной, тем будет лучше» (там же, т. 21, с. 140).

По счастью, Л. Н. Толстой сумел сохранить себя в таком окружении, но кто знает, скольких великих людей мы там лишили. Впрочем, достаточно назвать М. Ю. Лермонтова. Напомню, к слову, убийственную характеристику, данную царской армии В. И. Лениным: «Казарма в России была сплошь да рядом хуже всякой тюрьмы; нигде так не давили и не угнетали личности, как в казарме; нигде не процветали в такой степени истязания, побои, надругательство над человеком» (ПСС, т. 12, с. 112).

Как видим, и прежде «дедовщину» не считали нормой, а чрезвычайные происшествия, к несчастью, не искоренены до сих пор. Так, зимой 1988 г. стало известно о самоубийстве студента МФТИ, прослужившего всего полгода. Случай трагический и наводящий на размышления. Я думаю, что саоме пристальное внимание надо уделять судьбам как раз тех людей, у которых может не достать мужества перенести все тяготы солдатской жизни и не сломаться. Проще своего называть их «маменькиными сынками». А если их психика такова, что с детства они книжки предпочитали дракам? Наверное, такие ребята не смогут постоять за себя, но зато прекрасно учатся и потом работают. Не думаю, что Эйнштейн или Дирак выглядели «настоящими мужчинами» с точки зрения фельдфебеля, но открыты они совершали! Талант — вещь чрезвычайно хрупкая, уничтожить его гораз-

до проще, чем развить. Обладает им скромное меньшинство людей, вызывающее у остальных вполне объяснимое раздражение. Поэтому талант нуждается в защите. Не знаю, кто бы стал с этим спорить, но вот еще один вопиющий пример: студент того же Физтеха, победитель Международной олимпиады призван в армию и сторожит заключенных. Спрашивается, кому нужны эти человеческие жертвоприношения? Лишь одуревшая от зависти посредственность может считать нормальной такую вульгаризацию идеи социальной справедливости.

Я заговорил об этом, поскольку во многих публикациях военные подчеркивали социальную справедливость практики призыва студентов в армию. Что же, не впервые встречаются заявления, которые представляют собой, по выражению В. И. Ленина, «нечто формально правильное, а по сути издевательство» (ПСС, т. 43, с. 328). Напомню, что эта «справедливая» акция была задумана еще в 1980 г. В наше время некогда традиционная уравниловка, причисывание всех и вся под одну гребенку социальной справедливостью уже не признается! Студенты выделены из всех молодых людей хотя бы тем, что они уже прошли свои первые жизненные испытания и выдержали жесткую конкурентную борьбу за право продолжать учебу. Общество, оценив их способности, признало за ними это право и обеспечило квалифицированными преподавателями, предоставило библиотеки, общежития, стипендию и т. п. От студентов же требуется стать хорошими специалистами, для чего они с юности вовлечены в очень трудное дело — учебу, которая и является до поры до времени их главным занятием. Наверно, стоит напомнить, что учеба — это тяжелейший труд. Анекдоты о легкой жизни студента во многом преувеличены, во всяком случае, если речь идет о хороших студентах лучших вузов страны. Социальная справедливость, на мой взгляд, заключается в том, чтобы студенты выполнили задачу, возложенную на них обществом, и тем самым оправдали бы затраченные на их воспитание средства. На это, в конце концов, направлены все принимавшиеся постановления по развитию высшей школы. Наоборот, крайне **несправедливо** воспрепятствовать учебе студентов, а через 5—10 лет потребовать от них высоких результатов в науке и на производстве.

ИСТОРИЯ С ДЕМОГРАФИЕЙ

В публикациях называлась еще одна причина — демографическая ситуация в стране. Сначала я не рассматривал это как серьезный аргумент. Дело в том, что 25 лет назад, когда в призывном возрасте находились дети военных лет, демографическая ситуация была еще хуже, а студентов в армию не призывали. И вдруг я понял, что дело именно в демографии, и в то же время — совсем в другом.

Спросим себя, в какой ситуации демографический спад становится

важным для армии? Очевидно, в том случае, когда ее штаты вынуждены колебаться вместе с численностью потенциальных призывников. А такое бывает только если армия достигла максимально возможной величины.

Насколько я понимаю, реальная численность нашей армии держится от нас под большим секретом, но ее максимально возможные размеры оценить вовсе не сложно. «Подумаешь, бином Ньютона!» — говаривал один из спутников проницательного Воланда. Судите сами, читатель.

В конце 60-х гг. рождаемость составляла около 4 млн. человек в год. Делим это число на два (количество мальчиков), снова умножаем на два (срок службы) и получаем, пренебрегая всем прочим, грубую оценку в 4 млн. человек для переменного состава нашей армии. Офицерский корпус вместе со сверхсрочниками разумно оценить в $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ от полного состава армии, что дает еще 1,5—2 млн. человек. Таким образом, при данных сроках службы и указанном уровне рождаемости максимально возможная численность армии (включая пограничников, строителей, внутренние войска и т. п.) составляет сейчас, в конце 80-х гг. примерно 5,5—6 млн. человек. Много это или мало, можно познать в сравнении. В результате послевоенной демобилизации численность Вооруженных Сил СССР была доведена до 2 млн. 874 тыс. человек. Холодная война привела к росту армии до 5 млн. 763 тыс. военнослужащих. В дальнейшем проводились неоднократные сокращения армии и к концу 50-х гг. она насчитывала 3 млн. 623 тыс. человек. В 1960 г. был принят Закон о сокращении Вооруженных Сил еще на $\frac{1}{3}$, после чего на службе должно было остаться 2 млн. 400 тыс. человек. Запомним эти числа, тем более, что после доклада Н. С. Хрущева на сессии Верховного Совета они не воспроизводились даже в Военном энциклопедическом словаре (быть может, стали секретными?). Зато в нашей печати (см. Зарубежное военное обозрение, 1987, № 1, с. 18) сообщались сведения о реальной численности армий США (2,16 млн.), Канады (83 тыс.), Великобритании (325,5 тыс.), Италии (385 тыс.), ФРГ (495 тыс.), Франции (477 тыс.), Испании (315 тыс.), Японии (262 тыс.) и других государств. Видно, что эти армии составляют 0,6%—0,9% общей численности населения стран. Исходя из такого же процента можно было бы ожидать, что у нас сейчас служит около 1,7—2,5 млн. человек, т. е. не больше, чем было намечено в 60-м г. Но если бы это было так, то даже спад рождаемости до 4 млн. человек в год не привел бы к появлению каких бы то ни было трудностей с призывом.

Стало быть, проблемы заключаются не в самой демографии, а в том, что численность армии определяется по достижимому максимуму, а не по оптимальным критериям. Но ведь это же совершенно абсурдно и крайне разорительно! Как же такое могло случиться? Да точно так, как в гражданских ведомствах. Слишком долго наша страна была поражена недугом

застоя. Будучи частью государственных институтов и не находясь в изоляции от общества, не смогла избежать этой опасной болезни и армия. Ее экстенсивное развитие является главным симптомом, подтверждающим этот тривиальный диагноз.

Одним из внешних признаков застоя в гражданских организациях является бурный рост всякого рода контор и комиссий, комитетов и управлений, абсолютно не нужных обществу, но крайне необходимых для процветания возглавляющих их лиц и связанных с ними чиновников. Этот же механизм неизбежно должен был срабатывать и в армии. Скажем, острое желание обеспечить «родного человека» генеральскими погонами можно было легко удовлетворить, призвав в армию около 10 тыс. человек и создав тем самым рабочее место командира дивизии, а заодно и должности для множества командиров более низкого ранга. Я имею смелость предположить, что в последнюю четверть века стремление армии увеличить свой численный состав особенно не сдерживалось. В условиях застоя неоднократно описанный в литературе механизм «радения» просто-таки вынуждает армию расти до максимальных пределов.

В гражданских ведомствах застой ведет к тому, что не только увеличивается число ненужных организаций, но и сами организации мельчают. Иными словами, рост руководящего состава опережает рост аппарата: у начальников становится меньше подчиненных. В армии это приводит, например, к увеличению относительного числа генералов: «Да, чтобы добыть, есть многие каналы». Помните продолжение? Никакой информации в открытой печати об этом не появлялось, но, пользуясь изложенным методом, читатель может грубо оценить численность генералитета. У меня получилось, что в армии сейчас служат 5—6 тыс. генералов, то есть не меньше, чем в конце войны! Хотелось бы знать это число более точно. Конечно, армейские секреты — святая святых любого государства. Разумеется, есть военные тайны, которые действительно должны храниться как зеница ока. Будучи человеком сугубо штатским, я даже плохо представляю, в чем именно заключаются военные секреты. Я готов уважать чужую тайну, но если она разгадывается с помощью нехитрых рассуждений, то это — секрет Полишинеля. До недавнего времени многие сведения были окутаны покровом секретности, но государственные или военные тайны далеко не то же самое, что секреты ведомства, прикрывающие недостатки его работы.

Итак, разбирая мотивы призыва студентов, я пришел к выводу об экстенсивном развитии армии в застойный период, что привело к росту ее численности до максимально возможной величины. Условия демографического спада вынуждали армию бороться за каждого призывника. Положение осложнилось из-за большого

числа генералов, которым при сокращении армии грозила отставка.

Этот вывод получен чисто логическим путем, но он подтверждается всей совокупностью имеющихся в нашем распоряжении данных. Так, телевидение показывало документальный фильм «Уходит в армию студент». Там отслужившие студенты-физики МГУ недоумевают, почему армии не понадобились их способности, например, в радиотехнике. Ребята не додумались до печального ответа, что военным нужны вовсе не студенты-специалисты, но просто призывники, большое число которых позволяет поддерживать на высоком уровне численности армии и командного состава. Не по этой же ли причине столь нетребовательны ныне медицинские призывные комиссии? И не потому ли призванные в армию аспиранты, как сообщала «Красная Звезда», работают метлой и лопатой?

В последнее время ситуация слегка изменилась к лучшему. Ряд ведущих технических вузов включен в список, дающий право на отсрочку от призыва. Но поражает, что этот список, составленный в мирное время, содержит меньше вузов, чем список 1943 г. Пугает упорство, с которым военные в публичных выступлениях продолжают говорить о необходимости служить каждому в свой срок. Это наводит на мысль о возможной недолговечности предоставленных отсрочек. Кроме того, ряд вузов вообще не имеет шансов попасть в список. Призыв из консерватории не мешает созданию новых видов вооружений, и потому армия щадит пальцы музыкантов еще меньше, чем головы физиков и математиков.

Добавьте ко всему сказанному, что студенты, вернувшиеся из армии в вуз с военной кафедрой, будут тратить заметную долю учебного времени на спецподготовку.

Нелогичность и аморальность подобных игр с судьбами людей налицо, а в контексте проводимого анализа это лишний раз доказывает, насколько военным «дорог» сейчас каждый призывник. У армии огромная власть, но у любой власти должны быть разумные пределы. То, что происходит в последние годы, перешло все границы. Начинаясь чувствовать себя даже не винтиком, который все-таки аккуратно вворачивают на предназначенное ему место. Тут скорее напрашивается сравнение с гвоздем, по которому колотят тяжелым молотком, стараясь вогнать его в бетонную стену. Расхищается главное богатство страны — творческий и интеллектуальный потенциал молодого поколения. Мы видели, ради чего это делается. Поистине, ведомственные интересы усыпили здравый смысл и разум, а сон разума всегда и везде порождает чудовищ.

Впрочем, военные иногда соглашаются, что подобные перерывы вредят основной деятельности: призванные в армию футболисты, хоккеисты и т. д. играют в армейских клубах,

дабы не потерять спортивную форму. По-видимому, военные считают, что студентам терять нечего, и не распространяют на них такой благоразумный подход.

Остроумную идею высказал академик Ж. И. Алферов: после первого курса на пару лет посылать курсантов военных училищ и слушателей академии работать на полях страны. По генеральской логике, учеба это не повредит, зато они окрепнут на свежем воздухе и вернуться социально зрелыми, познав проблемы народного хозяйства. Конечно, это шутка, но было бы интересно взглянуть на реакцию генералов. А если говорить серьезно, то в своей «епархии» военные действительно ведут себя по-иному. Курсанты изначально считаются состоящими на военной службе. Логичнее было бы, если бы будущие офицеры сначала отслужили в обычном порядке, а уже потом поступали в училища. Близкое знакомство с жизнью солдат им не помешает, да и выбор будущей профессии стал бы более мотивированным. Профессиональный уровень армии от этого только возрастет.

ПРОФЕССИОНАЛЫ ИЛИ ЛЮБИТЕЛИ

Говоря о практике призыва студентов, часто указывали, что на эти (и многие другие) жертвы приходится идти ради обороны страны, для чего нужна мощная армия. Помня завет А. В. Суворова о числе и умении, я попытался взглянуть на армию с позиций здравого смысла, ограничиваясь наиболее общими проблемами, вытекающими из гипотезы (или факта) о ее экстенсивном развитии.

Безудержный рост командного состава и армии в целом должен был бы породить множество проблем вроде неустойчивости армейского быта, трудностей с жильем, нехватки элементарных удобств не только для солдат, но и для офицеров и их семей. Однако главная опасность раздувания армии кроется в ином. Говоря коротко, путь экстенсивного развития приводит к увеличению количества за счет потери качества. Как это происходит в промышленности, слышаны все. Но разве армия подчиняется иным законам общественного развития? Большая армия порождает иллюзии насчет нашей готовности к обороне отечества. Кажется, что при такой мощной армии нам никто не страшен и никто не посмеет посягнуть на нашу свободу. На протяжении многих лет мы пребываем в уверенности, что наши Вооруженные Силы нанесут, если понадобится, сокрушительный ответный удар. А разве не так же думал народ перед Великой Отечественной войной? Можно ли забыть, какими усилиями и ценой какой крови наши отцы и деды создали армию, названную победоносной?

Не владаем ли мы снова в печально знакомый самообман? Вспоминается давняя история, случившаяся вскоре после т. н. шестидневной войны на Ближнем Востоке. Двадцать лет назад гласность не была в моде и газеты не сообщали, за что Н. Г. Егорычев снят с поста первого секретаря МК КПСС. Но в народе поговаривали, что при рассмотрении военных действий на Ближнем Востоке он высказал сомнения в надежности противозвоздушной обороны столицы. Если это правда, то в прозорливости ему не отказать: авантюра М. Руста продемонстрировала уязвимость ПВО Москвы всему миру, вызвав горечь и недоумение советских людей. Разумеется, теперь виновные разысканы и наказаны, и если считать эту историю случайной, то можно было бы и успокоиться. Но думается, что при ближайшем рассмотрении бациллы застоя обнаружатся не только в Московском округе, и не только в войсках ПВО. Их вряд ли можно обезвредить грозными приказами и строгими инспекциями: во всех подобных ситуациях нужен внутренний механизм саморегулирования, не допускающий подобных сбоев в принципе. В армии есть своя специфика: там не введешь ни хозрасчета, ни самоокупаемости, ни индивидуальной трудовой деятельности. И все же ясно, что пора опираться на нечто более фундаментальное, нежели столь свойственный военным чисто административный метод. Готовых рецептов, разумеется, я предложить не в состоянии, но без механизма саморегулирования армия, упоенная своим видимым могуществом, в нужный час может оказаться не готовой выполнить свою главную задачу — эффективно вести боевые действия.

Мои будущие оппоненты непременно спросят, на каком основании я посмел заподозрить нашу армию в столь тяжком грехе. Но разве не с аналогичными проблемами мы сталкиваемся чуть ли не во всех отраслях? У нас много работников, но как мало среди них истинных профессионалов! Чтобы стать настоящим специалистом, человек должен правильно выбрать свою профессию, любить ее, иметь к ней способности и всю жизнь в ней совершенствоваться. Но ведь все это относится и к военным. Военная служба — одна из труднейших профессий, к ней надо иметь склонность и, я полагаю, немалые способности. Это сказано не только про офицеров, но и про рядовых солдат. Почему-то считается, что хорошего солдата можно подготовить за год — другой. Я не думаю, что средний человек может за один год стать, скажем, классным шофером. А водителем танка может? Я имею основания подозревать, что требования к профессиональному уровню наших военнослужащих весьма занижены. Иначе разве были бы возможны случаи, когда в Афганистан посылались десантники, прошедшие лишь «учебку», не знающие горных условий, всего пару раз прыгавшие с парашютом? В то же время наша печать сообщала, что «духов», выросших в этих горах, обучают от по-

лугода до полутора лет. Кто ответит за гибель и увечья неподготовленных к войне мальчишек?

Кому не ясно, что при современном вооружении уже не численность армии гарантирует национальную безопасность, но качество вооружения и умение им владеть? Сравнительно небольшие размеры армий западных стран наводят на мысль, что там это поняли раньше и признают не только на словах. Вспомним визит Н. С. Хрущева в США в 1959 г. С трибуны Генеральной Ассамблеи ООН лидер нашей страны предложил осуществить за четыре года всеобщее и полное разоружение. Прекрасная сказка былью, разумеется, не стала, но вот что интересно. На первом этапе Советское правительство предлагало сократить вооруженные силы СССР, США и КНР до уровня 1,7 млн. человек, а Великобритании и Франции — до 650 тыс. человек для каждой державы. Прошло 30 лет, и мы видим, что величина армии США незначительно превышает предлагавшийся нами предел, а численность армий Великобритании и Франции опустилась даже ниже. Я думаю, ни у кого нет сомнений, что ударная сила этих армий не уменьшилась, но только возросла за счет более совершенной боевой техники и профессиональной выучки личного состава. Наверно, не случайно ведущая западная держава, США, формирует свою армию по принципу добровольности. Примеру США следуют и некоторые другие государства. Там военная служба — хорошо оплачиваемая профессия. Очевидно, что человек, по своей воле выбравший такой род деятельности и длительное время в ней упражняющийся, при любых испытаниях покажет лучший результат, нежели вчерашний школьник. В условиях военного времени становление профессионального мастера в армии происходит гораздо быстрее, но в мирных условиях традиционный для нас способ пополнения армии ведет к тому, что значительная часть ее личного состава просто профессионально неподготовлена.

Очевидно, что в период застоя проблему можно разрешить увеличением срока службы в армии. Этим убиваются два зайца: увеличивается время обучения солдат и появляются дополнительные возможности для роста армии. Столь же очевидно, что сейчас этот путь совершенно неприемлем. В последнее время стали писать о скрытом увеличении срока службы в армии, предлагая поставить его в зависимость от усвоения программы боевой подготовки. Считают, что такой подход стимулирует солдат и устраняет уравниловку. Военным виднее, но я помню, что второгодники в школе вовсе не улучшали свою учебу, но являлись истинным бедствием для учителей и своих одноклассников. Кто может предсказать, к чему приведет появление в армии «прадедов»? А если солдат и на 3-м году не усвоил программу, то приговорим его к пожизненной службе? Я не говорю уже о широ-

ких возможностях для произвола, сведения личных счетов, коррупции. И вообще, поощрения являются лучшим стимулом, чем наказания. По той же логике надо **снизить** срок службы умелым солдатам, досрочно овладевшим всей программой боевой подготовки, но тогда армия лишится лучших воинов. Думаю, что срок службы все-таки должен быть фиксирован. Надо искать другие пути. Может, следует подумать о новых принципах комплектования армии с тем, чтобы при меньших размерах она была лучше управляема и профессионально более подготовлена? Быть может, хотя бы в некоторых родах войск стоит ввести систему контрактов с профессиональными военными, которые будут занимать должности даже рядовых солдат и получать за свой тяжелый труд приличную зарплату?

Элементы такой системы в виде сверхсрочной службы у нас уже имеются. По сути дела, офицеры тоже находятся на контракте, только, практически, пожизненном. А если человек в юном возрасте ошибся в выборе профессии? Если он просто устал и хочет сменить род деятельности? Такая возможность есть у любого, но не у офицера. Это несправедливо и отталкивает от армии многих потенциальных военнослужащих. Надо дать право возвращаться в армию на какой-то определенный срок по желанию (например от 2 до 25 лет). Разумеется, по истечении срока человек может просить о продлении контракта.

Тем самым в жизнь армии войдут хоть какие-то экономические методы стимулирования, появятся элементы саморегулирующегося механизма. Скажем, тогда станет невыгодным посылать солдат на подсобные работы или использовать устаревшую боевую технику. Мы привыкли, что в армию отдается все самое лучшее, что может произвести страна. Поэтому меня поразило заявление нашего депутата во время телемоста с американскими конгрессменами, что не стоит слишком опасаться советских танков в Европе, т. к. среди них много устаревших. Помилуйте, зачем же тогда мы их держим? Только для численности, для пресловутого вала? Но ведь в каждом танке сидят «три веселых друга» (на самом деле, больше), оторванных от производительного труда в народном хозяйстве и не вносящих должного вклада в оборону.

Можно предположить, что это явление имеет массовый характер. Никто не знает, сколько молодых парней занято в морально устаревших подводных лодках, на устаревших ракетных комплексах и т. п. Престижу армии это не способствует. На любом участке работы человек должен чувствовать, что занимается нужным делом. От ощущения ненужности могут возникнуть всякого рода эксцессы. Быть может, это одна из причин пресловутой «дедовщины»? Недаром о службе в пограничных войсках, где люди реально защищают Родину, я слышал только хорошие отзывы. Все ли части могут этим похвастать? Скажем, много солдат занято на

хозяйственных работах. Военные часто говорят об оказываемой ими помощи, но далеко не всегда этим стоит гордиться. Одно дело, квалифицированная помощь при стихийных бедствиях или при аварии в Чернобыле. Совсем другое, когда создается скрытый резерв будто бы дешевой рабочей силы, занятой не защитой Родины, а малопродуктивным трудом. И при этом армии якобы катастрофически не хватает людей.

О ПРЕСТИЖЕ АРМИИ

Военные часто сетуют, что в некоторых публикациях последнего времени создается искаженный образ армии, приводящий к падению ее престижа и отпугивающий молодежь от службы. Я уже коснулся целого ряда объективных причин этого неприятного процесса, но список их далеко не исчерпан. Именно объективные обстоятельства являются первопричиной того, что в дальнейшем могут возникнуть и искаженные представления, и необоснованные страхи. Печать же отражает настроения в обществе, и возлагать на нее ответственность за явление — все равно, что пенять на зеркало. Военные имеют гораздо большие возможности изложить свои взгляды и в прессе, и в специальных передачах телевидения. Иное дело, что прямолинейная пропаганда не достигает цели. Появился у молодежи страх перед службой, а в отводе — лубок о прелестях армии, о большой и дружной армейской семье, об упоении строем и песней. Я согласен, что авторы подобных назиданий могут быть субъективно правы, так как именно такие впечатления от армии запали им в душу. Но на другого человека, особенно молодого, это, скорее всего, не подействует. Старый боевой конь может встрепенуться, заслышав полковую трубу, но для жеребенка это пустой звук. Или военные воображают, что живут на острове пингинов, обитатели которого, «с тех пор, как все сплошь стали солдатами, полюбили свою армию до идолопоклонства»? Повышение престижа военной службы требует длительной кропотливой работы. В цивилизованном обществе страхи преодолевают не заклинаниями шаманов, а фактами.

Товарищи генералы! Территория гласности не должна кончатся на пороге военного ведомства. Приведите статистику преступности в армии, статистику несчастных случаев, самоубийств, заболеваний. Опровергните слухи об их распространенности, **докажите**, что они действительно редки и происходят только в плохих частях. И тогда никто никого не запугает. В рамках этого призыва я цитирую герценовский сборник «Голоса из России»:

«Пока все покрыто мраком, ничто не может выйти на свет. Поэтому, чтобы подорвать злоупотребления в самом их корне, необходима более действенная мера. Таковая мера — гласность. В других государствах, где на войско обращают менее внимания,

нежели у нас, оно находится в цветущем состоянии, а у нас оно страдает. Это происходит от того, что там малейшее злоупотребление делается тотчас всем известным, и правительство не замедлит наказать виновного. Кто не знает прений английского парламента, происшедших вследствие большой смертности английской армии в Крыму?»

Однако не только к страхам сводится проблема падения популярности армии. Иные с ностальгией вспоминают 20—30 гг., когда армию уважали, когда она была «особым университетом», где обучались грамоте, атеизму и т. п. Но вспомним при этом, что народ в армии был сыт, одет и обут, что тогда гарантировалось отнюдь не всем. Сейчас же по большей части «на гражданке» живут лучше.

Не надо забывать также, что выросли духовные запросы людей, обострилось чувство собственного достоинства, изменились представления о границах личной свободы. В удовлетворении этих потребностей армия явно отстает от общества в целом. Конечно, армейская служба тяжела сама по себе. Но мне кажется, что под прикрытием лозунга «армия — не санаторий» ее тяжесть увеличивают еще и искусственно. Часто ли солдат имеет возможность отдохнуть от службы за пределами части? Надолго ли его выпускают в увольнительные и что за это время можно успеть сделать? Имеет ли он право носить во внеслужебное время гражданскую одежду? Предоставляют ли солдату ежегодный отпуск, и не за особые заслуги, а просто для отдыха и краткого свидания с родными и любимыми? Вопросы, как всем известно, риторические. «На гражданке» это гарантируется всем, и я не вижу причин, по которым более гуманный режим нельзя было бы установить и в армии. Неужели от этого упадет ее боеспособность? Надо учесть, что людям нужна психологическая разрядка, что можно буквально озвереть от одного вида все тех же знакомых лиц, от пребывания на небольшой территории. И если специфика военной службы требует некоторых ограничений прав и свобод, то пусть они будут целесообразными и оговоренными Законом.

Наш путь — гласность на всех уровнях. Широкая общественность мало знает о том, что происходит «внизу», в частях и подразделениях, но еще менее доступно происходящее «наверху». Скажем, есть у нас Совет обороны, а в Конституции сказано лишь, что его образует Президиум Верховного Совета. Ни слова о прерогативах, сроке полномочий, составе! Мы знаем в лицо лидеров страны. В справочниках можно найти сведения о наших военачальниках вплоть до командующих округами. Разве в таинственном Совете обороны заседают какие-то другие, полностью засекреченные товарищи? Не создает ли это условия для неконтролируемых решений и необдуманных действий?

Все мы хотим, чтобы армия была

сильна не только на словах, чтобы ее уровень соответствовал положению СССР как великой державы, чтобы, наконец, весь народ и каждая семья были убеждены в надежной защите. В сущности, речь шла о повышении производительности труда в Вооруженных Силах. Ее низкий уровень компенсируется ростом армии, хотя на собственно боевые (и боеспособные) подразделения приходится, быть может, не столь уж большая доля полной численности.

И тут возникает внешнеполитический аспект проблемы. Сейчас время нового мышления. Сделаны первые, но крайне важные шаги к ограничению гонки вооружений. За ними должны последовать еще более радикальные решения. Но как убедить простых американцев, англичан, французов, немцев, что мы не питаем агрессивных намерений, если «вдруг» окажется, что наша армия по численности не уступает всем армиям стран — членов НАТО вместе взятым? Сокращение армии при повышении ее профессиональной подготовки больше бы соответствовало духу времени. Пересмотр структуры вооружений необходим для того, чтобы состояние армии адекватно отражало уровень имеющейся военной угрозы. В противном случае мы рискуем разориться чисто экономически, ибо содержание армии обходится весьма недешево. Как тут снова не вспомнить «Голоса из России»:

«Армия наша многочисленна, и обладает духом, свойственным Русскому человеку; правительство употребляет на нее огромные суммы, а между тем она слаба, истощена. Примите нужные меры, и мы с меньшею армиею, с меньшими средствами лучше будем противостоять врагам нашей славной России».

Грустно, что ряд наших проблем слишком похож на те, что стояли уже в прошлом веке. Тем более обязаны мы исправить положение раз и навсегда. Военным, как и всем советским людям, предстоит большая работа, конкретные направления которой лучше обсуждать специалистам. Я же старался просто думать, рассуждать с позиций логики и здравого смысла, а это доступно и дилетанту.

ПРИМЕЧАНИЯ ПРИ КОРРЕКТУРЕ. Не сомневаясь, что читатель заметит отсутствие ссылок на свежее публикации. Это объясняется тем, что статья написана в ноябре—декабре 1987 г. К сожалению, мне не сразу пришла в голову мысль отправить ее в «Родник». До этого статья, слегка трансформируясь, побывала в ряде редакций.

С тех пор произошли важные события, имеющие прямое отношение к затронутой теме: объявлено о предстоящем сокращении армии и о прекращении призыва студентов. Очевидна взаимосвязь этих решений, что лишний раз подтверждает справедливость выводов статьи. Признаться, я думал, что призыв студентов отменят несколько позже.

Как автор статьи, я сожалел, что искусственная задержка ее публикации не позволила мне принять посильное участие в этом процессе и лишила приоритета в постановке ряда проблем. Как человек и гражданин, я счастлив, что разум восторжествовал раньше, чем можно было предположить. Цель настоящей публикации я вижу теперь в том, чтобы процесс демократизации и повышения эффективности армии продолжался, а уже достигнутое было закреплено в законодательстве.

М. С.

Юозас УРБШИС (р. 29.02.1896 в Шетеняй Кедайнского р-на) — дипломат Литовской республики (1922—1940), переводчик художественной литературы с французского (1957—1972). В 1915 г. поступил в Рижский политехнический институт, эвакуированный в связи с первой мировой войной в Москву. Будучи студентом, работал в Литовском комитете помощи беженцам. В 1916 г. был мобилизован в армию. В 1917 г. окончил Чугуевское военное училище и был направлен на фронт. Осенью 1918 г. возвратился в Литву и до 1922 г. служил в Литовской армии. В звании капитана вышел в запас, работал в посольствах Литовской республики: заведующим консульским отделом в Берлине (1922—1927), первым секретарем, советником посольства в Париже (1927—1933), чрезвычайным посланником и уполномоченным министром в Риге (1933—1934). С 1934 г. был директором, генеральным секретарем политического департамента министерства иностранных дел, с 5 декабря 1938 г. по 15 июня 1940 г. — министром иностранных дел. 17 июня 1940 г. вместе с женой Марией Урбшене-Машётайте был депортирован в Тамбов. В 1941—1945 гг. оба были подвергнуты тюремному заключению. В 1956 г. по получении разрешения возвратился в Литву.

ЮОЗАС УРБШИС ЛИТВА В ГОДЫ СУРОВЫХ ИСПЫТАНИЙ 1939—1940

Перевели с литовского
ЛЮБОВЬ ЧЕРНАЯ и
ВИРГИЛИУС ЧЕПАЙТИС

ПРЕДИСЛОВИЕ

Образование после первой мировой войны независимого Литовского государства было для литовской нации шагом вперед по пути прогресса, ибо любое движение национального возрождения, достигнув зрелости, стремится к созданию своего национального суверенного государства. Это признает и В. И. Ленин в своей статье «О праве наций на самоопределение».

В 1943 году в Кировской тюрьме довелось мне читать двухтомник «Избранных произведений» В. И. Ленина. Там я и обнаружил его высказывание об образовании национальных независимых государств в Прибалтике. Увы, я не могу процитировать ленинские слова доподлинно, это издание мне теперь недоступно, но мысль запала в память. Мысль была такой: ошибочно думать, что создание этих государств явилось результатом действий зарубежных интервентов; нет, этого пожелал сам народ этих стран.

С другой стороны, на территории моей родины в то время могло быть либо независимое Литовское государство, либо провинция Польши. Это убедительно доказывает подписанный Польшей и Советским Союзом 18 марта 1921 года в Риге Мирный договор, установивший границы между этими двумя государствами. По этому договору к Польше отошли Западная Украина, Западная Белоруссия, Восточная Литва (Вильнюсский край), ей досталась бы и вся Литва, не сумей она защитить себя и утвердиться как независимое государство.

Нетрудно представить, какие губительные последствия ожидали бы литовскую нацию, ее культуру, язык и даже самое возмещение ее выживания, если бы не произошел тот небывалый подъем и консолидация национального самосознания, предпосылки для которых создала суверенная государственность.

Независимое Литовское государство было истинной находкой и для Советского Союза в межвоенный период. Недаром нарком иностранных дел Г. В. Чичерин, кстати, подписавший в 1926 году договор с Литвой о ненападении, в инструкции советскому полномочному представителю в Каунасе от 28 апреля 1921 года писал, что независимость Литвы — один из самых жизненно важных наших международных интересов.

Литовское государство уже своим существованием и своей независимой в отношении других стран политикой сыграло в межвоенный период исключительно важную роль в безопасности Советского Союза. Поэтому Литовская республика того времени, ее основатели и деятели заслуживают от тех, кто выражает мнение Советского Союза, не презрения, клеветы, поношения, а уважения, объективного исследования и добросовестного отображения. Поэтому и Литовская Тариба, и ее Акт независимости от 16 февраля достойны положительной трактовки, поскольку это были те явные ростки, из которых выросла исторически прогрессивная политическая формация — независимое Литовское государство.

В этом контексте хотелось напомнить слова известного немецкого писателя Германа Гессе из его романа «Игра в бисер»: «Ученый, который с трибуны, с кафедры или в своих трудах сознательно провозглашает неправду, сознательно поддерживает ложь и фальшь, не только грешит против главных органических законов, он еще, хотя на первый взгляд этого и не заметишь, несет своей нации не пользу, а страшный вред, он загрязняет ее воздух и землю, пищу и воду, отравляет мышление и законы и поддерживает все злые и противоборствующие силы, которые угрожают уничтожить его нацию».

ОТТОРЖЕНИЕ КЛАЙПЕДСКОГО КРАЯ ОТ ЛИТВЫ В 1939 ГОДУ

Территория Клайпедского края, на которой испокон веков жили литовцы и их соплеменники, в 1919 году по статье 99-й Версальского договора была отделена от Германии, с тем чтобы передать ее Литве, когда окончательно определится судьба этого возрождавшегося государства.

«Клайпедский край, — справедливо доказывали авторы Версальского договора, — всегда был литовский, большинство населения здесь литовского происхождения и говорит по-литовски; то, что город Клайпеда в значительной мере немецкий, не дает оснований оставить весь край под властью Германии, особенно имея в виду, что Клайпедский порт — единственный выход Литвы к морю» (см.: Сборник документов министерства иностранных дел Литвы «Question de Memel»).

До тех пор, пока этот, отделенный от Германии край, не будет передан Литве, Верховный совет Антанты поручил управлять им Франции, которая направила в Клайпеду своего верховного комиссара и небольшой воинский контингент.

Комиссар быстро нашел общий язык с местной бюрократией бывшей кайзеровской Германии и социальной верхушкой края, которые, хотя не всегда по происхождению, но по взглядам и настроениям были преданы всему немецкому.

Из представителей этих слоев верховный комиссар создал местную власть — Директорию края. Сообщения, которые слал комиссар французскому правительству, через него — Верховному совету Антанты, а именно от последнего зависела дальнейшая судьба этого края, разумеется, исходили от этих пронемецких слоев, и, конечно, не отличались благосклонностью к Литве. Понятно, что те же самые круги в подобном духе информировали и правящие круги Германии. Поэтому Литву на Западе нередко изображали как некультурную, едва ли не дикую страну, которой якобы нельзя поручить управление таким «высококультурным объектом», как Клайпедский край.

Поскольку, с другой стороны, в открытую говорить о возвращении этого края Германии, которая капитулировала после первой мировой войны, все-таки не осмеливались даже упомяну-

тые слои и круги, была пущена в обиход идея — превратить Клайпедский край в отдельную единицу международного права — «фрейштадт», опеку над ним взяла бы на себя Антанта в лице своего верховного комиссара.

Так зародилось течение, пытавшееся помешать присоединению Клайпедского края к Литве.

Другое течение в том же направлении шло со стороны Польши. Дело в том, что отношения между Литвой и Польшей были тогда чрезвычайно напряженными. Польша стремилась воссоздать границы бывшей Речи Посполитой и так или иначе вернуть свое влияние в Литве; возрождающаяся Литва добивалась полной государственной независимости со столицей в Вильнюсе. Из этого противоборства стремлений возникла конфликтная ситуация, которая особенно обострилась, когда Польша, нарушив Сувалкский договор, 9 октября 1920 года захватила Вильнюс.

В связи с таким положением Польша вручила Верховному совету Антанты неблагоприятный для Литвы проект интернационализации Клайпедского порта, который предоставлял право управления им и Польше.

С этими двумя — польским и германским — враждебными для интересов Литвы течениями боролась на международной арене литовская дипломатия.

Внутреннее положение в Литве постепенно входило в колею, ее международное положение становилось все стабильнее.

Казалось, закрепленная в документах Версальского договора предпосылка передачи Клайпедского края Литве — установление ее государственности — стала уже очевидным фактом и пришло время передать эту территорию Литве. Однако Верховный совет Антанты под влиянием упомянутых тенденций и их выразителей — Германии и Польши — все медлил с решением.

* * *

В такой международной обстановке, сложившейся к январю 1923 года, сознательные литовцы Клайпедского края с помощью добровольцев из Большой Литвы выступили против немецкой Директории и взяли власть в свои руки.

Антанта выразила протест, немецкая печать подняла шум, но 17 февраля 1923 года орган Антанты — Парижская мирная конференция — решил передать Клайпедский край Литовской независимой республике — правда, с некоторыми условиями.

После этого начались затянувшиеся более чем на год переговоры, которые завершились 8 мая 1924 года в Париже подписанием «Конвенции Литвы и Британской империи, Франции, Италии и Японии о территории Клайпеда». Сокращенно она далее будет именоваться Клайпедской конвенцией. Англия, Италия, Япония и Франция фигурируют в ней как члены Верховного совета Антанты, распоряжающиеся территорией, отторженной по Версальскому договору от Германии. Хотя в числе подписавших конвенцию и нет Германии, не возникает ни малейшего сомнения, что за кулисами она играла важную роль в ее редактировании. Старые — прямые и косвенные — связи ее политиков и дипломатов с политиками и дипломатами Антанты — (к тому времени прошло уже четыре года с окончания войны) — давали ей прекрасную возможность направлять их в желательное для себя русло: пустить в ход все каналы и создать, насколько возможно, все условия, чтобы сохранить Клайпедский край в сфере влияния Германии до того момента, пока, окрепнув, она почувствует себя достаточно сильной, чтобы попытаться подорвать основы Версальского договора.

Вот мы и видим, что конвенция, установив широкую автономию для Клайпедского края и ограничив компетенцию правительства Литвы, упрочила положение оставшейся кайзеровской бюрократии и социальной верхушки. Под предлогом сохранения автономии конвенция предоставила право вмешиваться в дела Клайпедского края четырем государствам, подписавшим ее вместе с Литвой. На деле же этим правом вмешательства пользовались не они, а Германия через них, постоянно привлекая внимание международной общественности к так называемому «Клайпедскому вопросу» и одновременно заражая сознание клайпедчан бациллами временности, непостоянства государственной принадлежности их края.

Статус автономии Клайпедского края был благодатной средой для носителей этих бацилл — агентов Германии, которые тут множились и действовали. Причем действовали не только нелегально, но и через легальные автономные органы.

Вскоре в Клайпедский край просочилась и сверхбацилла — национал-социалистская партия с ее гигантским арсеналом демагогии, насилия и даже человекоубийства.

(Примечание. У многих может здесь возникнуть мысль, зачем же Литва подписала конвенцию, которая установила такую неудобную автономию Клайпедского края. На это можно ответить, что сама конвенция вовсе ни при чем, самое большое зло шло

не от нее, а от соседнего государства, злоупотребившего ею. В остальном конвенция Клайпедского края была большой политической победой для возрождающегося Литовского государства, поскольку санкционировала включение в его состав территории Клайпедского края с удобным морским портом и одновременно упрочила положение Литвы на международной арене. Кроме того, конвенция была наибольшим достижением, какого Литва тогда могла добиться своими силами.)

* * *

В 1933 году после прихода к власти в Германии национал-социалистской партии во главе с Адольфом Гитлером, подняли соловья ее сторонники в Клайпедском крае. Как и в Австрии, чешских Судетах и других местах, так и здесь, теперь уже при поддержке и поощрении самого гитлеровского рейха, они начали предпринимать активные действия, преследуя ясную цель — отторгнуть Клайпедский край от Литвы и присоединить его снова к Германии. Они играли роль пятой колонны Гитлера в Литве в буквальном смысле этого слова.

Их антигосударственную деятельность, как говорилось уже ранее, облегчало специфическое положение Клайпедского края. Облегчало и то обстоятельство, что в сознании жителей Клайпедского края все еще живо было ощущение многократной принадлежности к германской сфере, влияли и издавна сложившиеся экономические связи с немецким рынком. Последним обстоятельством, к слову сказать, Германия постоянно манипулировала во вред Литве.

Гитлеровцы в Клайпедском крае распоясывались все больше, и соответствующие органы Литвы возбудили уголовные дела против некоторых из их главарей и подручных (дело Нойманна, Засса и других в 1935 году). Те были осуждены и приговорены к различным срокам заключения.

Германия тогда развязала против Литвы «холодную войну», прибежала к экономическим, политическим, дипломатическим, транзитным мерам давления, сопровождая их разнузданной антилитовской пропагандой.

Перед таким тотальным давлением Литва не могла долго устоять — пришлось слегка отпустить вожжи и несколько лет спустя амнистировать осужденных преступников. Это, конечно, не улучшило положения в Клайпедском крае.

* * *

Порядок, установленный Версальским договором, — а благодаря ему Клайпедский край достался Литве, — рушился. Его интенсивно подрывали воцарившиеся в Германии национал-социалисты. Нарушив пункты этого договора, Германия в 1935 году ввела обязательную воинскую повинность, в 1936 году заняла демилитаризованную Рейнскую область. Молниеносными темпами происходила милитаризация всей страны. В 1936 году нацистская Германия заключила с духовно близкой ей фашистской Италией военный союз, так называемую ось Берлин — Рим.

Вооружившись, нацистский рейх стал совершать агрессию за агрессией: в 1939 году занял Австрию и отрезал от Чехословакии Судетскую область; большую часть населения которой составляли немцы.

В 1939 году успешные захватнические нападения Германии на соседние государства, нападения, так и не получившие действительного отпора со стороны других европейских держав, и, разумеется, прямое влияние соответствующих служб Германии окончательно вскружили голову гитлеровцам в Клайпедском крае. По указке из Берлина и Кенигсберга они уже откровенно собирались под лозунгом «Ein Volk, ein Reich, ein Führer» («Один народ, одна держава, один вождь» — понимай: Гитлер). В Клайпедском крае создалась ситуация, когда в любой момент могло вспыхнуть нацистское восстание, дирижируемое из-за границы, оставалось только предоставить Гитлеру предлог для военного вмешательства в дела Литвы. Нити такого восстания держало в своих руках правительство рейха и могло поднять его в удобный для себя момент.

Что могла сделать Литва в подобной международной обстановке и при подобном внутреннем положении Клайпедского края?

Попытаться еще раз силой усмирить гитлеровцев Клайпедского края? Опыт дела Нойманна — Засса показал, что Литва не может идти этим путем, поскольку за спиной гитлеровцев Клайпедского края грозно стояла неистовствующая нацистская Германия. Единственный путь — ценой внутривнутриполитических уступок в Клайпедском крае получить от Германии гарантию неприкосновенности своих границ.

Это означало бы, что:

1) Литва обязалась бы применять статус автономии Клайпедского края, как его истолковывала Германия.

2) Германия, со своей стороны, обязалась бы уважать целостность территории Литвы и неприкосновенность ее границ.

Хотя на Западе все еще царил «мюнхенский»* настроения, были основания предположить, что международный гангстеризм Гитлера не может длиться вечно и в один прекрасный день он все-таки уткнется лбом в стену. Поэтому Литве было чрезвычайно важно выиграть время и всеми доступными способами пытаться провести свое государство мимо всех утесов до всеобщего сведения счетов, а тогда многие пророчили Гитлеру поражение.

* * *

Примерно в таких обстоятельствах Литовское правительство поручило своему министру иностранных дел встретиться с министром иностранных дел Германии и постараться выяснить, не смогли бы Литва и Германия нормализовать свои отношения на вышеупомянутой основе.

Случай для встречи предоставила коронация папы Пия XII, предстоявшая 12 марта 1939 года. Литовское правительство направило на торжества министра иностранных дел именно с той мыслью, чтобы по дороге из Рима он попытался бы встретиться с министром иностранных дел Германии.

Во время пребывания в Риме пришло потрясшее нас сообщение: 16 марта Германия заняла всю Чехию, а Словакию сделала якобы независимым государством.

Над Литвой зловеще навис гитлеровский дамоклов меч.

На протокольной аудиенции я пожаловался папе римскому на исходящую с Запада угрозу Литве. Какие слова произнес в ответ на это его святешество, не помню, только к концу аудиенции он спросил, не ощущаем ли мы также и угрозы с Востока. Я сказал, что с той стороны Литве не предъявляют никаких претензий и отношения развиваются нормально.

Был нанесен визит к министру иностранных дел Италии Дж. Чиано. Я пытался вызвать и у него сочувствие к Литве, находившейся под угрозой Германии. Он, если я не запомнил, заявил, что малым государствам приходится согласовывать свою политику с интересами крупных держав.

20 марта я прибыл из Рима в Берлин. В тот же день меня принял Риббентроп. Мы поехали в министерство вместе с послом К. Шкирпой, однако Риббентроп принял меня одного.

Едва я начал излагать свои мысли, как Риббентроп, не дослушав, прервал меня: дескать, это все überholt**, то есть отстало от требований времени. Положение в Клайпедском крае таково, что в любую минуту там может быть пролита deutsches Blut*** и, если это случится, германская армия незамедлительно вступит в Литву. А где она остановится, никто заранее сказать не может. Единственный выход для Литвы — безотлагательно передать Клайпедский край Германии.

Итак, Германия предъявила Литве ультиматум: или Клайпедский край, или германская армия вступает в Литву.

Я сказал Риббентропу, что не наделен полномочиями вести переговоры по вопросу Клайпедского края в такой плоскости. Он ответил, что дело не терпит отлагательств и предложил мне необходимые полномочия получить от своего правительства по телефону. Когда я не согласился, он угрожающим тоном добавил, что напрасны были бы усилия Литвы искать помощи у других государств и иллюзорны надежды с чьей-либо помощью остановить неумолимый ход истории. Это, дескать, только ухудшило бы положение Литвы.

Мы вернулись вместе с К. Шкирпой в посольство и стали советоваться. В это время в Берлине оказался бывший посол Литвы в Чехословакии Э. Тураускас, военный атташе полковник К. Гринюс и я. Всем была ясна серьезность и хрупкость положения. У всех перед глазами стоял трагический пример Чехословакии. Мы обсуждали, можно ли надеяться на подписавших клайпедскую конвенцию — Великобританию, Италию, Японию и Францию. Вспомнили, что, когда раньше складывалась напряженность в отношениях между Литвой и Германией из-за Клайпедского края, Великобритания и Франция (что уж говорить об Италии и Японии) постоянно советовали Литве быть сдержаннее и покладистее. Итак, если иметь в виду все прежние предупреждения подписавших Клайпедскую конвенцию, всю международную обстановку и особенно чехословацкий прецедент, опадают какие-либо сомнения, что в этот суровый час Литва не может надеяться на реальную помощь ни с чьей стороны.

Придя к такому выводу, мы решили как можно скорее проинформировать Великобританию и Францию об ультиматуме.

* По подписанному в Мюнхене в 1938 году договору Англия, Франция и Германия вынудили Чехословакию отдать Германии Судетскую область.

** устарело (нем.)

*** немецкая кровь (нем.)

Чтобы в этот сложный момент немцам не бросились в глаза наши контакты с этими государствами, решили, что Э. Тураускас немедленно отправится в Варшаву и встретится там с послом Франции (Э. Тураускас был близко знаком с ним с тех времен, когда один представлял в Праге Литву, а другой — Францию). Кроме того, полковнику К. Гринюсу было поручено немедленно встретиться без огласки с военными атташе Великобритании и Франции в Берлине и от имени министра иностранных дел Литвы сообщить им об ультиматуме.

В тот вечер я отбыл на поезде в Каунас.

Назавтра (21 марта) я сообщил правительству об ультиматуме Германии.

События между тем нарастали, как лавина. В Клайпедском крае гитлеровцы почувствовали себя хозяевами положения. Группа военных кораблей Германии — на одном из них был Гитлер — двигалась в направлении Клайпеды. Начались передвижения войск в восточной Пруссии.

Литовское правительство, осознавая, что равновесие в мире пошатнулось из-за агрессивности Германии и реальных надежд на помощь со стороны не осталось, приняло ультиматум Германии как неизбежное и неотвратимое зло.

Вместе с тем правительство не упускало из виду и то, что в любое время существующее международное положение может в корне измениться, а это позволяло относиться к отторжению этой части своей территории как к временному отступлению — до тех пор, пока при стремительном вращении колеса истории гитлеровский рейх не подойдет к предписанному судьбой концу.

Кое-кто утверждает теперь, что Литва якобы по доброй воле отдала тогда Клайпедский край Германии. Нет! Насилие и произвол, что неистовствовали тогда в центре Европы, отторгли его от Литвы.

Вечером 21 марта литовское правительство через ЭЛБТА выпустило коммюнике, в котором подчеркнуло, что «передача» Клайпедского края носит вынужденный характер и право — на стороне Литвы. Однако Германия в ночь с 21 на 22-е заставила Литву отозвать это коммюнике. Текст его все-таки сохранился в архивах и цитируется в трудах историков.

* * *

Утром 22 марта в Каунас прилетел немецкий пассажирский самолет, и я отправился на нем в Берлин, чтобы исполнить свой тягостный долг. Вместе со мной летел посланник Германии в Литве Эрих Цехлин.

В Берлинском аэропорту нас ожидал заместитель Риббентропа, государственный секретарь Вёрманн и строй ээсовцев, вроде бы означавший «почетный караул». Вёрманн, облаченный в недавно введенную форму сотрудников министерства иностранных дел, своей внешностью и повадками почти не отличался от ээсовцев.

Вёрманн с Цехлином отвезли меня как «гостя государства» в какую-то гостиницу на Унтер ден Линден. Ехали мы все молча. Номер из двух комнат. На площадке, почти у самой двери апартаментов, «гостя» стерегли небрежно стоящие вооруженные сотрудники в форме.

Под вечер вместе с посланником Литвы в Германии К. Шкирпой мы отправились в Аусвертигес Амт (министерство иностранных дел). Там в большом зале началось заседание, обсуждавшее предложенный немцами текст проекта договора. В соседней комнате была оборудована прямая телефонная связь с министерством иностранных дел Литвы. В Каунасе у телефона дежурил полномочный министр Стасис Лозарайтис. По этому телефону мы легко могли сноситься с Каунасом, а Каунас — с нами.

Поскольку главный пункт договора немцы уже навязали ультиматумом, при редактировании других статей они принимали наши пожелания и замечания. Особенно мы это почувствовали, когда обсуждали приложение к договору об учреждении вольной литовской зоны в Клайпедском порту. Немцы вообще теперь старались создать впечатление «нормальных переговоров». Мы по прямому телефону советовались с Каунасом о трудностях, возникавших при редактировании договора, а Каунас нам, в свою очередь, сообщал о начавшихся в Клайпедском крае гитлеровских нападениях и актах насилия. Мы немедленно обращали на это внимание германской стороны и просили, чтобы был отдан приказ их сторонникам в Клайпедском крае соблюдать порядок. Они вроде бы благосклонно выслушивали наши жалобы и обещали отдать кому следует соответствующие распоряжения. Помогли ли хоть в чем-то эти обещания, не знаю.

Около полуночи в кабинете Риббентропа он и мы с К. Шкирпой подписали «Договор между Литовской Республикой и Германской империей о передаче Клайпедского края» (22 марта 1939 г.). 23 марта, примерно в 14 часов, первый заместитель Риббентропа фон Вейцеккер дал в гостинице обед для нашей делегации.

Под вечер того же дня я отбыл поездом в Литву. В подавленном настроении, со шемящей болью в сердце.

* * *

В мае мне снова довелось быть в Берлине. Там шли переговоры насчет договора о товарообмене между Литвой и Германией. В переговорах с литовской стороны участвовал как экономист директор экономического департамента министерства иностранных дел Йонас Норкайтис, с немецкой стороны — его коллега Карл Шнурре. Договор был подписан 20 мая.

По этому случаю по инициативе немецкой стороны меня принял рейхсканцлер А. Гитлер, на встрече присутствовал министр иностранных дел И. фон Риббентроп.

Когда я прибыл в имперскую канцелярию, пришлось довольно долго ждать, пока из кабинета А. Гитлера выйдет министр иностранных дел Италии Дж. Чиано. Именно в эти дни Италия и Германия подписали пресловутый Стальной пакт (22 мая).

Прием продолжался около получаса. Все это время говорил, можно сказать, один Гитлер. Он был в добром расположении духа. Излагал, как горячо Германия жаждет мира, как усердно стремится установить дружеские отношения со всеми теми государствами, которые сами к этому стремятся, — с большими и малыми, особенно с соседями. С Литвой она также желала бы поддерживать взаимопользные экономические связи, и никаких других целей по отношению к ней у Германии нет. По поводу Клайпедского края он как бы с сожалением добавил: «Eine Großmacht konnte es nicht dulden» *

* * *

В книге М. Аниса «Борьба за Клайпедский край» (Чикаго, 1978) есть раздел под заголовком «Беседа с министром Урбшисом о вручении (германского) ультиматума» (с. 398—403). Текст почти слово в слово совпадает с приведенной в книге воспоминаний С. Раштикиса (с. 540—549) «беседой одного литовского корреспондента с тем же Урбшисом. С. Раштикис не называет ни фамилии этого «корреспондента», ни источника, из которого он почерпнул эту информацию. Роль этого несуществовавшего корреспондента Анис, по-видимому, приписывает себе, так как пишет: «Вскоре после упомянутых событий (т. е. после отторжения Клайпедского края.— Ю. У.) представился случай поговорить с министром Урбшисом по этому поводу».

Опуская несущественные детали этих бесед, необходимо обнародовать основные расхождения с истиной. Вот они:

а) неправда и клевета, что Литовское правительство было убаякано литовским посольством в Берлине и посольством Германии в Каунасе и не понимало опасности, грозившей Клайпедскому краю со стороны Германии. Напротив, эта опасность была очевидна и, можно со всей твердостью сказать, в то время была в центре его внимания;

б) неправда, что Берлин «уже ранее» выражал желание, «чтобы я при первой же возможности туда прибыл» и что я страшился и избегал этого. Такого пожелания Германия не выражала ни разу. Наоборот, когда тенденция отторжения Клайпедского края стала явной, именно правительство Литвы предложило такую поездку. Ведь, как уже излагалось выше, оно надеялось, вступив в непосредственный контакт с правительством Германии, добиться *modus vivendi* **, гарантирующего территориальную неприкосновенность Литвы. Однако, упоминания со стороны Литвы о необходимости такой поездки правительство Германии либо совсем игнорировало, либо отделивалось отговорами. И министр иностранных дел Литвы, отправляясь на торжества по случаю коронации папы Пия XII, собрался на обратной дороге заехать в Берлин и попытаться встретиться с министром иностранных дел Германии из соображений поисков такого *modus vivendi*. У меня и в мыслях не было избегать Берлина и ехать через Варшаву, как утверждается в этой не существовавшей беседе. И туда, и обратно я ехал через Берлин. Не было, разумеется, и «необоснованного оптимизма», о котором упоминается в этой «беседе».

Польский историк Ежи Охманский на 288-й странице своей книги «История Литвы» (1967) пишет, что якобы «возвращающийся из Ватикана министр иностранных дел Литвы Ю. Урбшис 15 марта 1939 года был уже в Берлине». Как излагалось выше, этот министр прибыл из Рима в Берлин 20 марта, а не 15-го. Далее автор пишет: «Немцы были настолько уверены, что Литва примет этот договор (об отторжении Клайпедского края.— Ю. У.), что Геринг подписал его еще до вручения текста Урб-

* Великая империя не могла этого терпеть (нем.)

** Временная международная договоренность, когда невозможно заключить долговременного договора (лат.)

шису». На самом деле, договор об отторжении Клайпедского края с немецкой стороны подписан одним Риббентропом, Геринг в нем вообще не фигурирует.

Это, конечно, несущественные детали, но, как известно, *c'est le ton qui fait la chanson* *, а тон упомянутого в общем-то солидного труда в главе о Клайпедке неприятно диссонирует с трагичностью описываемых событий.

2 января 1984 г.

ЛИТВА И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В 1939—1940 ГОДАХ

НЕСКОЛЬКО ЦИТАТ ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

«Считаю необходимым заявить здесь, с трибуны Организации Объединенных Наций, что Советский Союз относится с самой искренней симпатией и самым глубоким пониманием ко всем народам, которые на разных континентах отстаивают свою свободу и национальную независимость. Думаю, что эта наша позиция вполне соответствует принципам Устава ООН, краеугольным камнем которого является признание права народов на свободное и независимое существование» («Правда», 1959, 19 сентября). — Так говорил Н. С. Хрущев на Генеральной Ассамблее ООН 18 сентября 1959 года.

«Они говорят, что нельзя терпеть инакомыслящего соседа, что Куба якобы создает угрозу Соединенным Штатам? Но разве может маленькая Куба угрожать Соединенным Штатам? Если государство будут строить свои отношения друг с другом, руководствуясь подобным рода «принципами», к чему это приведет? Не понравился сосед — посылай против него армию. Не понравился образ мыслей правительства другой страны — объявляй войну, посылай вооруженные силы. Но это же — призывол...» («Правда», 1963, 30 марта). — Это тоже слова Н. С. Хрущева.

«Мы ни в чем не признаем диктата и другим не навязываем свой диктат» («Правда», 1959, 17 января). — Это слова А. А. Микояна.

«Мы хотим лишь того, чтобы было признано священное право каждого народа самому определять свою судьбу, выбрать собственный путь развития» («Правда», 1976, 9 октября). — Так говорил Л. И. Брежнев.

«...на кого уж можно положиться, так это на Советский Союз. Ни одного международного соглашения и договора он не нарушил. Не в нашей привычке нарушать международные договоры и соглашения» («Правда», 1979, 27 июня). — Что он может так утверждать, полагал А. А. Громыко.

«Президиум Верховного Совета СССР, с одной стороны, и Президент Литовской Республики, с другой стороны, в целях развития установленных Мирным Договором от 12 июля 1920 года дружественных отношений, основанных на признании независимой государственности и невмешательства во внутренние дела другой стороны;

признавая, что Мирный Договор от 12 июля 1920 года и Договор о ненападении и мирном разрешении конфликтов от 28 сентября 1926 года по-прежнему являются прочной основой их взаимных отношений и обязательством;

убежденные, что интересам обеих Договаривающихся Сторон соответствует определение точных условий обеспечения взаимной безопасности и справедливое разрешение вопроса о государственной принадлежности гор. Вильно и Виленской области, незаконно отторгнутых от Литвы;

признали необходимость заключить между собой нижеследующий Договор о передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой...» (Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV (1935 — июнь 1941 г.). М., 1946, с. 456). — Это преамбула Договора о передаче Литовской республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой.

«Ни одно беззаконие не должно остаться незамеченным, нераскрытым, и его следует фиксировать в документах...» («Известия», 1964, 12 ноября).

ДОБРЫЕ, ДРУЖЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ ДВУХ ГОСУДАРСТВ

Литва, избравшая и отстаивавшая в борьбе путь независимости, и Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (так тогда назывался Советский Союз) подписали

* Это тон, который задает песню (франц.)

12 июля 1920 года мирный договор, который, отметив, что договаривающиеся стороны никогда не были друг с другом в состоянии войны, установил, что «Россия безоговорочно» признает «самостоятельность и независимость Литовского государства со всеми вытекающими из этого признания юридическими последствиями и по доброй воле и на вечные времена отказывается от всех суверенных прав России над литовским народом и его территорией».

Договором устанавливалась восточная граница Литвы, причем за Литвой была оставлена не только ее столица Вильнюс, но и глубокий тыл к востоку и югу от нее.

После подписания этого договора отношения между двумя государствами вошли в нормальную колею международной жизни и в последующие годы складывались как весьма дружественные — можно сказать, без тени недоразумения. Социально-экономический строй у них, правда, был разным, но это, как известно, внутреннее дело каждого государства, в которое не имеют права вмешиваться и обычно не вмешиваются другие государства, если такое право им не предоставят какие-нибудь договоры.

Наверное к месту тут напомнить, что в то время, когда готовился, редактировался и подписывался этот мирный договор, во главе Советского государства стоял его основатель В. И. Ленин, который, несомненно, в силу своего положения участвовал в составлении этого договора и санкционировал основные его положения.

Не будет поэтому преувеличением утверждать, что сам Ленин признал независимость Литвы и по доброй воле, навечно, от имени основанного им государства отказался от всех суверенных прав России в отношении Литвы.

И признал он ее с таким внутренним строем, какой тогда был в Литве.

Последующие договоры между Литвой и Советским Союзом прочнее закрепляли заложенные мирным договором правовые основы дружественных отношений между обоими государствами. Это, в первую очередь, подписанный 28 сентября 1926 года Договор о ненападении. В первой же его статье подчеркивается, что «мирный договор между Литвой и Россией, заключенный в Москве 12 июля 1920 года, все постановления которого сохраняют всю свою силу и неприкосновенность, остается основой отношений между Литовской Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик».

Пятая статья Договора о ненападении установила, кстати, что в случае возникновения конфликта между сторонами, Литва и Советский Союз назначают согласительные комиссии, если не удалось разрешить конфликт дипломатическим путем.

Действие договора о ненападении дважды продлевалось, во второй раз 4 апреля 1934 года до 31 декабря 1945 года.

Следующей вехой консолидации отношений между Литвой и Советским Союзом был подписанный 5 июля 1933 года договор об определении понятий «нападающая сторона». Согласно этому договору, нападавшей стороной, или агрессором, считалось то государство, которое «вторгается вооруженными силами, даже без объявления войны, на территорию другого государства». Этим договором далее устанавливалось, что никакую агрессию нельзя оправдать «политической, экономической или социальной структурой, ошибками администрации, возмущениями спокойствия из-за забастовок, революции, контрреволюции или гражданской войны...» В соответствии с этим договором агрессию не могут оправдать также «недоразумения, касающиеся экономических, финансовых или других нарушений в отношении других государств».

Надо предать гласности и тот факт, что между Литвой и Советским Союзом существовало и еще так называемое gentleman's agreement*. По этой договоренности обе страны обязались конфиденциально информировать друг друга о таких фактах и тенденциях своей внешней и международной политики, которые могли бы затрагивать их интересы. Так, например, Литва, проявив в 1934 году инициативу в создании Балтийской антанты, сообщила об этом Советскому Союзу, который, кстати, одобрил этот шаг.

ГЕРМАНИЯ НАПАДАЕТ И ЗАВОЕВЫВАЕТ ПОЛЬШУ. ПОЛОЖЕНИЕ ЛИТВЫ

После ремилитаризации Рейнской области гитлеровская Германия вооружилась до зубов, заняла Австрию и Чехословакию и в 1939 году обратила свои взоры на Восток. В марте отторгнув от Литвы Клайпедский край, она 1 сентября напала на Польшу. Положение Литвы под боком воюющих стран стало чрезвычайно опасным и сложным.

Литва объявила, что будет соблюдать нейтралитет в этой войне. Для защиты его в начале войны была проведена частичная мобилизация. Германия, соблазняя Литву Вильнюсом, пыталась вовлечь ее в войну против Польши — примерно 10 сентября обра-

тилась с предложением, чтобы Литва направила войска для занятия Вильнюса, и посулила поддержку. Однако Литва осталась верной объявленному нейтралитету, хотя военной угрозы со стороны к тому времени почти побежденной Польши ждать не приходилось.

Здесь уместно заметить, что симпатии Литвы во время войны Германии с Польшей были на стороне последней, как подвергшейся нападению, несмотря на жизненно важную утрату Вильнюса, отторгнутого Польшей после первой мировой войны.

Дело в том, что коварная агрессия Германии в марте против самой Литвы (отторжение Клайпедского края), а теперь против Польши сильно поколебала отношение к ней народа.

17 сентября 1939 года Советский Союз перешел границу Польши, занял Западную Украину, Западную Белоруссию, Вильнюсский край с Вильнюсом и дошел до демаркационной линии, фактически сложившейся между независимой Литвой и управляемым Польшей Вильнюсским краем.

Так, дружественно настроенный, как мы видели ранее, по отношению к Литве Советский Союз, до тех пор отделенный от Литвы территориями, подвластными Польше, вошел в непосредственное соприкосновение с независимой Литвой. Вооруженные силы Литвы, охранявшие демаркационную линию, встретились с вооруженными силами Советского Союза, которые подошли к этой линии со стороны Вильнюсского края.

Несколько позже министр иностранных дел Германии пригласил министра иностранных дел Литвы тайно встретиться с ним где-то под Данцигом, чуть ли не в главной ставке Германии.

Положение Литвы, два соседа которой оказались в состоянии войны, как упоминалось, было чрезвычайно опасным и сложным. Требовалась величайшая предосторожность, и Литовское правительство ответило Германии, что согласно направить своего министра на эту встречу лишь с условием, что об этом будет публично объявлено обеими сторонами. И еще добавило, что проинформирует о приглашении Советский Союз. Литовское правительство так и поступило — лояльно сообщило Советскому Союзу как о получении приглашения Германии, так и о своем ответе на него. Однако Риббентропу такая огласка, по-видимому, пришлась не по нраву, — после ответа Литвы никто больше с немецкой стороны об этой встрече не упоминал.

А вскоре весь мир облетела весть, что Риббентроп во второй раз полетел в Москву. Этот визит и решил судьбу Литвы — Риббентроп и Молотов 28 сентября 1939 года подписали секретный протокол, один из его пунктов устанавливал раздел Литвы между Советским Союзом и Германией. Но об этом речь пойдет дальше.

Советский Союз теперь владел Вильнюсским краем и Вильнюсом, той частью территории Литвы, которая по мирному договору от 12 июля 1920 года была признана за Литвой, и это признание впоследствии неоднократно подтверждалось. Если иметь в виду действовавшие между двумя государствами договоры и дружественные отношения, Литва с понятным основанием надеялась, что пробил час для возвращения столицы и тех земель, которых она лишилась из-за инсценированного Пилсудским так называемого бунта Желиговского.

Литовское правительство сообщило правительству Советского Союза через его поверенного в делах в Каунасе Позднякова, что желало бы направить в Москву своего министра иностранных дел для переговоров о возвращении Вильнюса и Вильнюсского края Литве. Поздняков обещал передать это сообщение в Москву.

В конце сентября Председатель Совнаркома и нарком иностранных дел В. М. Молотов пригласил в Кремль посла Литвы Ладаса Натквявичуса и, ни словом не упомянув о Вильнюсе, заявил, что правительство Советского Союза выражает пожелание, чтобы премьер-министр или министр иностранных дел Литвы прибыли в Москву.

«В этот ответственный момент Советский Союз ждет от Литвы исключительно дружественных действий», — примерно такими словами Молотов завершил свое заявление.

В МОСКВЕ

3 октября 1939 года министр иностранных дел Литвы вылетел через Ригу в Москву.

В Московском аэропорту, который по этому случаю был украшен флагами Литвы и Советского Союза, представителя Литвы встретили и приветствовали заместитель наркома иностранных дел, человек в летах, по фамилии, если не запямятовал, Лозовский и другие официальные лица.

В тот же вечер с послом Литвы в Москве Ладасом Натквявичусом мы были приглашены в Кремль.

Приехали немного раньше 22 часов, встали за вереницей автомобилей, ожидавших, пока их пропустят в ворота. За порядком следили люди в форме.

* Джентльменское соглашение (англ.)

У входа в правительственное здание нас встретил военный, который четко представился:

— Комендант здания Рабоче-крестьянского правительства.

Мы поздоровались, комендант подвел нас к лифту и поднял, не помню уж, на второй или третий этаж. В гардеробе у нас принял верхнюю одежду типичный для такого места пожилой швейцар. Вошли в приемную. Там сидели один или два молодых, сдержанных, окруженных телефонными аппаратами работника в штатском.

Они сообщили кому следует о нашем прибытии и, распахнув двери, пропустили в следующее помещение.

Просторный зал. В правом углу (от дверей) — большой, заставленный уймой телефонов письменный стол, в левом — открытые двери, ведущие в дальнюю комнату. В эти двери одним концом упирается длинный стол для заседаний.

Это был кабинет Председателя Совета Народных Комиссаров и наркома иностранных дел В. М. Молотова. Там нас ожидал его хозяин Молотов, заместитель наркома иностранных дел Потемкин и поверенный в делах Советского Союза в Литве Поздняков. Все расселись за столом заседаний, ближе к открытым дверям. В них вскоре появился Сталин.

Несколько густые, с проседью волосы, зачесанные наверх, пышные усы, средний рост, коренастая фигура; защитного цвета однобортный, застегнутый наглухо китель с отложным воротничком, из-под которого выглядывала узкая белая полоска подворотничка; защитного цвета брюки, заправленные по-крестьянски в мягкие черные сапоги с низкими голенищами. Когда он подошел поближе, оказалось, что эти, на первый взгляд, вполне скромные костюм и сапоги были сшиты из высококачественного материала мастером своего дела.

Начались переговоры двух равноправных суверенных государств, дружественные отношения которых прочно зжились на торжественно подписанных и до сих пор действовавших договорах. Вроде бы прекрасный повод продемонстрировать всему миру моральное преимущество государства и навечно завоевать сердца немногочисленного, но благородного народа.

Слово берет Сталин и без обиняков заявляет, что Советский Союз договорился с Германией (с той самой гитлеровской, фашистской!), и большая часть Литвы отходит к Советскому Союзу, а узкая приграничная полоса — к Германии.

Раскладывает на столе карту Литвы и показывает проведенную на ней линию, разделяющую «владения» Советского Союза и Германии на территории независимого Литовского государства.

Так вот что после переговоров с Риббентропом носил за пазухой Молотов, вот что он имел в виду, когда говорил Наткявичюсу, что ожидает от Литвы особо дружественных действий.

(Здесь самое место, поскольку других источников под рукой у меня нет, в скобках привести то, что об этом створе двух гигантов сообщала в статье *Lituanie* (Литва) французская энциклопедия «*Larousse du XX siecle*» (Т. 4, с. 484):

«В 1939 году Гитлер, коварно отторгнув от Литвы Клайпеду, затем, напав на Польшу, предложил Литве, в свою очередь, выступить на Вильнюс — ее столицу, которую она давно желала себе вернуть. Литва отвергла это предложение 11 сентября 1939 года, а 17 сентября Вильнюс заняла Красная Армия. Перед этим, 23 августа Риббентроп подписал с Молотовым договор, по которому Россия получила Восточную Польшу, Латвию и Эстонию, а Германия — Литву. 28 сентября пункт этого договора, касавшийся Литвы, был изменен — она теперь также отдавалась в руки русских, только без южной приграничной полосы, которая по новому договору от 10 января 1941 года также передавалась России за компенсацию в 7 500 000 долларов».

Но вернемся к переговорам.

Я попытался протестовать против такого раздела независимого государства. Сказал, что от кого-кого, только не от дружественного нам Советского Союза Литва могла ожидать такого шага. Говорю и прикусываю язык — в глазах стоят Вильнюс, город и край, возвратить которые Литве направило меня сюда ее правительство.

Сталин объясняет, что Советский Союз вовсе не желает такого раздела, что эту полосу на границе Литвы потребовали немцы, если они от своего требования откажутся, то эта полоса останется за Литвой. Можно тут же, — продолжает Сталин, — пригласить германского посла фон Шуленбурга и обсудить с ним этот вопрос. Вступает в разговор Молотов:

— Любое империалистическое государство заняло бы Литву, и все. Мы этого не делаем. Мы не были бы большевиками, если бы не искали новые пути...

Слова вроде бы утешительные, если была бы уверенность, что эти новые пути не совпадут в конце концов с давно наезженными...

Сталин уточняет:

— Мы должны подписать с вами два договора: один — о возвращении Вильнюса Литве, другой — о взаимопомощи.

Раскладывает на столе вторую карту Литвы. Эта более приятна душе литовца. Прочерченная на ней линия показывает, что Вильнюс и часть территории к востоку от него передаются Литве. Линия проходит совсем недалеко от столицы. Передаваемая территория гораздо меньше той, что признана за Литвой мирным договором от 12 июля 1920 года.

Говорю Сталину, что Литовское правительство, направляя меня в Москву, имело в виду только Вильнюсский вопрос и уполномочило меня вести переговоры с правительством Советского Союза только по этому делу.

— Пакт о взаимопомощи, — продолжаю я свою мысль, — для меня нов, я не уполномочен его обсуждать и потому должен вернуться в Каунас, уведомить свое правительство о том, что услышал от вас. А чтобы мое сообщение было более конкретным, желательно ознакомиться с содержанием этого пакта.

Представители Советского правительства на это ответили, что завтра вручат мне проект этого пакта.

По правде говоря, завтра уже наступило, мы с Наткявичюсом отбыли из Кремля далеко за полночь.

Вернулись в посольство, но ненадолго, телефонным звонком нас снова вызвали в Кремль.

Приехали туда около двух часов ночи. Нас ожидали те же люди. Они вручили нам проекты двух договоров: один о передаче Вильнюса и Вильнюсского края Литве, другой — о взаимопомощи между Литвой и Советским Союзом. Проект второго договора представлял Советскому Союзу право вести на территорию Литвы свои войска и постоянно их там держать. Не помню точно, сколько, но не менее 50 тысяч.

Ознакомившись с проектом, я не удержался от замечания: — Но ведь это оккупация Литвы!

Сталин с Молотовым усмехнулись. Первый сказал, что вначале похоже рассуждала и Эстония. Советский Союз не намерен угрожать независимости Литвы. Наоборот. Вводимые советские войска будут подлинной гарантией для Литвы, что Советский Союз защитит ее в случае нападения, так что войска послужат безопасности самой Литвы.

— Наши гарнизоны помогут вам подавить коммунистическое восстание, если оно произойдет в Литве, — добавил Сталин и усмехнулся.

Наверное почувствовав, какое мрачное впечатление произвели на нас с Наткявичюсом слова Сталина, Молотов начал растолковывать, что Советский Союз остается, как и прежде, дружественно настроенным по отношению к Литве и предлагает договор о взаимопомощи, желая ей добра. Ведь с Эстонией такой пакт уже подписан, и Эстония на него не жалуется. С Латвией он будет тоже вскоре подписан.

Неужели Литва хотела бы нарушить всю оборонительную систему?

Сталин между тем соглашается сократить контингент вводимых на территорию Литвы советских войск до 35 тысяч. Он, дескать, не знал, что у Литвы такие немногочисленные собственные войска и понимает ее нежелание, чтобы численность советских гарнизонов превышала ее собственную армию. Мы, возражая против введения гарнизонов, кроме прочего привели и такие доводы, что войска, которые Советский Союз собирается ввести в Литву, вдвое превосходили бы по численности нашу собственную армию.

Напомним, что полученные инструкции не позволяют мне вести переговоры о введении советских гарнизонов в Литву, что говорю я об этом гипотетически, желая лишь получить сведения, которые помогли бы мне по возвращении в Каунас сделать подробный доклад своему правительству, спрашиваю, нельзя ли сократить контингент до 20 тысяч и разместить его только на возвращаемой территории, оставив нетронутой старую территорию.

Сталин строго заявил, что гарнизоны должны быть размещены и в определенных местах прежней территории. На Каунас он не претендует, поскольку понимает, что правительству было бы неприятно, если бы в месте его пребывания находились войска другого государства. Часть вводимых войск будет размещена и в Вильнюсском крае, разумеется, не в самой столице, а, скажем, в Ново-Вильне. Относительно окончательной цифры можно еще поговорить.

Все будто бы выяснено. Мы с Наткявичюсом поднимаемся. В шутку я жалуясь на свою злосчастную судьбу, — не успели оправиться от удара, нанесенного Германией, отторгнувшей Клайпедский край, как опять новый удар...

Сталин тут же откликается:

— Германия отрезала у вас территорию. Мы же, напротив, даем. Какое может быть сравнение!

— Я вовсе и не сравниваю, — отвечаю, — методов Германии с методами Советского Союза. Я даже весьма признателен, что такой трудный для Литвы вопрос вы обсуждаете с нами в атмосфере переговоров.

(Продолжение следует)

ФИЛОСОФИЯ ГРАБИТЕЛЕЙ

ГЕОПОЛИТИКА

С концепциями расизма было тесно связано и национал-социалистское учение о «жизненном пространстве». Его теоретическим обоснованием послужила разработанная в конце XIX — начале XX века экономико-стратегическая доктрина — геополитика. Гитлер и другие нацистские лидеры непосредственно переняли целый ряд положений этой империалистической геополитики, были лично знакомы с ведущими ее идеологами. Один из виднейших немецких геополитиков — генерал Карл Хаусгофер был непосредственным начальником Рудольфа Гесса в годы первой мировой войны и симпатизировал национал-социалистскому движению, когда оно еще только зарождалось. После провала ноябрьского путча 1923 года Гесс скрывался в сельском владении Хаусгофера, в горах Баварии. Хаусгофер регулярно навещал Гесса и Гитлера в Ландсдорфской крепостной тюрьме, снабжал их книгами из своей личной библиотеки, включая труд немецкого географа Ф. Ратцеля «Политическая география», проложивший путь геополитике. (Об этом пишет Г. Хейден в «Критике немецкой геополитики», Берлин, 1958, с. 115). Вскоре после прихода нацистов к власти, в 1934 году, Хаусгофер стал президентом германской Академии наук, находившейся в Мюнхене. Академия поддерживала тесные связи с немцами зарубежья, распространяя среди них идеи экспансионизма, вербуя агентов для германской разведслужбы и выполняя бесчисленное множество других поручений империалистических кругов Германии. Сын Хаусгофера Альбрехт активно участвовал в дипломатической подготовке агрессивной внешней политики национал-социалистской Германии. По сведениям Г. Хейдена, он сыграл важную роль в согласовании агрессивного внешнеполитического курса Германии и Японии и разработке Антиконтинентального пакта. При Гитлере геополитика стала обязательным предметом во всех германских университетах.

Но несмотря на то, что ведущие германские геополитики всецело поддерживали гитлеровский режим, их теория, как и ряд других элементов надстройки капиталистического общества, полностью в национал-социализме не растворилась.

Уже в первые годы после прихода гитлеровцев к власти некоторые теоретики этого учения превзошли нацист-

ских лидеров в откровенности, без устали призывая к пересмотру существующих границ. Каждый такой труд вызывал бурю возмущения общественности других стран, а это отнюдь не всегда отвечало сиюминутным внешнеполитическим целям нацистов. Вот почему А. Розенбергу пришлось распорядиться о том, чтобы все статьи апологетов геополитики перед публикацией ложились на стол цензоров, назначаемых партийным руководством, т. е. НСДАП (см. об этом в «Zeitschrift für Geopolitik», 1938, т. 9, с. 743).

Немецкие геополитики аплодировали развязыванию второй мировой войны и уж конечно нападению Германии на СССР. Однако под занавес всемирной войны кое-кто из них был не прочь отмежеваться от Гитлера, обвинив его во всех военных неудачах. Карла Хаусгофера на время даже арестовали — за связь с заговорщиками 20 июля 1944 года, а его сын Альбрехт в апреле сорок пятого был расстрелян (Г. Хейден, с. 164).

Между геополитикой и немецко-фашистской теорией «жизненного пространства» существовало явное родство, хотя оба эти учения расходились внешне. Нацистская идеология, служившая маской, прикрытием для политики выгодной крупной буржуазии, была пронизана иллюзиями мелких собственников, крестьян и иных слоев общества. Традиционная же немецкая геополитика — а она появилась задолго до Гитлера и пережила крах немецкого фашизма — преспокойно обходилась без этих иллюзорных одежд, являясь по форме и по сути в основном идеологией крупной буржуазии и высшей военной бюрократии.

Разработанное шведским государствоведом Рудольфом Челленом в сочинении «Государство как форма жизни» геополитическое учение (в Германии до 1930 г. этот трактат выдержал 23 издания) в своей основе не было расистским, как и большинство современных геополитических школ, а в нацистской теории «жизненного пространства» именно расизм являлся главным аргументом и доказательством. Почти все классические геополитические школы безоговорочно поддерживают и отстаивают капиталистической строй, а в идеологии национал-социализма множество нападок на капитализм — правда, чисто декларативного свойства. В нацистской концепции

«жизненного пространства» наряду с тенденциозными постулатами, заимствованными напрокат у немецких геополитиков, фигурирует целый ряд специфических фальшивок, круто замешанных на расизме, социальной демагогии и т. п.

Теория «жизненного пространства» прямо вытекала из взглядов, которых немецкие фашисты придерживались по вопросам хозяйственной жизни общества. На словах критикуя капитализм, они в то же время последовательно защищали частную собственность на средства производства. Капитализм они осыпали упреками в основном биологического или же этического характера. Самое тяжкое обвинение по адресу методов хозяйствования, применявшихся в Германии в XIX столетии, брошено автором «Мифа XX века» и звучит так — они не ведали идеи чести (с. 590). Большинство идеологов нацизма, судя по их статьям и высказываниям, не понимало или не желало понять реальные хозяйственные процессы, но зато вешало о них с большим апломбом. Так, А. Розенберг называл биржу не иначе как местом обращения фиктивных ценностей, где, мол, занимаются цифровыми фокусами и с помощью лживой информации гипнотизируют массы, вызывая у них панические настроения (с. 123).

Тут смешаны причины и следствия — биржа предстает не как барометр и «чрево» капиталистических противоречий, но как первопричина всех бед. Розенберг уверял, что стоит лишь отменить золотой стандарт — и все существующие экономические законы растают как дым, перестали же люди верить в ведьмовство под влиянием просветительских идей!

Еще отчетливей волюнтаристский подход немецко-фашистских идеологов к законам экономики проступает в беседе Гитлера с лидером нацистов города Данцига Германом Раушнинггом («Гитлер мне говорил», Париж, 1939, с. 38). В ответ на опасения своего собеседника, что чрезмерные расходы по возведению предствительских особняков нарушают равновесие в городском бюджете, могут вызвать инфляцию и рост цен, фюрер заявил, что готов натравить штурмовиков на каждого лавочника, который осмелится вздуть цены, и все хозяйственные проблемы будут решены одним махом.

После прихода к власти Гитлер, по свидетельству современников, почти пол-

ностью передоверил решение хозяйственных проблем Г. Герингу, Я. Шахту и другим тузам буржуазии, у которых не было никаких иллюзий в отношении экономики. Капитализм и капиталистов национал-социалисты обычно критиковали как бы с позиций прошлого. В их аргументах много общего и с феодальным, и с мелкобуржуазным социализмом (см. «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса).

С особой симпатией немецко-фашистские идеологи писали о германских средневековых ремесленниках — слое воистину народном, как говорится в «Моей борьбе» (с. 344—345). Вальтер Дарре, рейхслейтер НСДАП, рейхсминистр и рейхсфюрер крестьянства, в своем труде «Кровь и почва» (Берлин, 1936) посвятил немало пышных фраз древнегерманским бытовым и хозяйственным традициям. О расширенном воспроизводстве в работах нацистов молчок. Развитие капитализма и проникновение капиталистических отношений в различные сферы жизни, с их точки зрения, было величайшим несчастьем. Но оно имело первопричину — еврейские происки («Моя борьба», с. 345). По мнению Гитлера, учение об общественном прогрессе — это еврейское коварство (там же, с. 346).

Главной движущей силой хозяйственно-политической жизни нацистские идеологи считали демографический фактор — естественный прирост населения. Согласно их взглядам, каждый здоровый народ набирает численность. А тем самым постоянно обостряется продовольственная проблема. Рост производства сельскохозяйственной продукции путем повышения плодородия почв может привести только лишь к улучшению питания существующих масс людей, но не способен прокормить прирастающее население («Вторая книга Гитлера». Документ 1928 г. Штутгарт, 1961, с. 53; «Моя борьба», с. 146). Даже внутренняя колонизация — под нею Гитлер обычно разумел земельную реформу и дробление крупных земельных владений — не повлияет сколько-нибудь существенно на баланс народного пропитания. В лучшем случае, заявлял фюрер, это укрепило бы социальную справедливость, но уж никак не изменило бы того факта, что в Германии плотность населения 136 человек на квадратный километр. Пропаганду внутренней колонизации Гитлер объявил посему вредной: незачем порождать ложные иллюзии, будто проблема хлеба насущного разрешима в собственном доме стараниями уважаемых граждан и справедливым разделом земли, — это лишь отвлекает людей от необходимости сконцентрировать все силы на завоевании нового «жизненного пространства». Раздел земли, полагал Гитлер (цит. соч., с. 58—59), лишь вызовет в Германии ситуацию, аналогичную китайской.

Немецкие фашисты в принципе отвергали международное разделение труда и импорт зерна как средство обеспечения продовольствием, поскольку в случае войны и блокады Германия могла бы вновь столкнуться с продовольственными трудностями. В то же время нацисты не признавали какого бы то ни было ограничения или регулирования рождаемости — под тем предлогом, что тут не остается места для естественного отбора, а значит, усиливается дегенерация вида: малодетные семьи любой ценой стараются сохранить жизнь всем слабым от рождения («Моя борьба», с. 144—145).

Немецкие фашисты выстроили теорию, согласно которой здоровое существование нации возможно лишь на селе. Они превозносили самые консервативные стороны крестьянской жизни — патриархальность, отрыв от современной культуры и др. Многие общественные проблемы, или, выражаясь языком национал-социалистов, «социальные болячки», порождены будто бы нездоровым соотношением сельского и городского населения (там же, с. 151). Города нацистские идеологи обычно клеймили. Начиная с XIX века, писал Гитлер, города все больше утрачивают былую роль культурных центров и превращаются в скопища человеческих жилищ (с. 288—292). Это нарывы на теле народа, средоточие всех пороков и язв, из коих самые страшные — расовые недуги (читай: смешение рас). Города, по образному замечанию Гитлера, это гнойные очаги, где поселились международно-еврейские паразиты, ведущие отсюда свою разрушительную работу. Выступая в Познани перед руководством СС 4 октября 1943 года, Гиммлер выразил свою радость по поводу того, что воздушные бомбардировки второй мировой войны заставляют многих немцев покинуть большие города и переселиться в деревню.

Отрицательно отзывались о городах и другие нацисты. Правда, А. Розенберг признавал («Миф XX века», с. 557), что культура может развиваться только в городах, которые необходимы к тому же и как узловые пункты жизнедеятельности общества. Но жители больших городов, поработанные машинами, утратили в своих поступках и деяниях ощущение цели, они с легкостью попадают под чуждое народу влияние малахольных интеллектуалов или же, того хуже, становятся марксистами (см. по этому поводу филиппики из речи Розенберга, произнесенной в Берлине 22 февраля 1934 г. и опубликованной на следующий день официозом «Фёлькишер беобахтер»). Вражда к марксизму и рабочему классу была той пружиной, которая толкнула нацистов в поход против Города. Они буквально исходили злобой по адресу интеллигенции, им была ненавистна даже сама мысль о возможном культурном и экономическом влиянии города на крестьян. Горожане, эти знающие латынь монахи, юристы — знатоки римского права, городские торговцы, все они постепенно лишали крестьян их прежних, присущих им в древнегерманском обществе ответственных функций хранителей традиций, творцов культуры и т. п., превращая сельских жителей в обыкновенных земледельцев, — клокотал от негодования Вальтер Дарре в «Крови и почве» (с. 20).

Гитлеровцы были не в силах, конечно, заново аграризировать страну. Подобные попытки привели бы к хозяйственному краху. Как и в случае с капитализмом вообще, то было не более чем словесные нападки, притом весьма непоследовательные. Скажем, А. Розенберг признавал, что в Германии должно быть несколько городов с населением около 500 000 человек и множество — с населением под сто тысяч. Более крупные отвергались не только по расовым основаниям, но и по военным соображениям — он писал в своем «Мифе» (с. 557), что такие города больше открыты для бомбардировок с воздуха. Розенберг призывал приостановить до поры до времени рост городов, а новое жилищное строи-

тельство вести только там, где население еще не достигло 100 000 человек (с. 552). В то же время Геббельс заявил своим слушателям 11 сентября 1940 года (речь опубликована в сборнике Й. Геббельс «Беспримерное время», Мюнхен, 1941, с. 316), что германское господство в Европе обосновывается необходимостью координации работы множества предприятий — тут уж нечего было стесняться говорить о развитии техники, транспорта и крупной индустрии.

После прихода гитлеровцев к власти создание новых крестьянских хозяйств не ускорило, как можно было ожидать исходя из словесных эскапад нацистов, а наоборот замедлилось. Соответствующие данные приведены Артуром Швейцером в нью-йоркском «Ежеквартальнике политических наук», № 3 за сентябрь 1947 года (т. LXII, с. 326).

	1927 г.	создано	3372	новых	хозяйства		
					площадь	36704	гектара
1928 г.	—	—	5545	—	—	61213	—
1930 г.	—	—	7441	—	—	79833	—
1931 г.	—	—	9283	—	—	99642	—
1932 г.	—	—	8877	—	—	101926	—
1933 г.	—	—	4914	—	—	60927	—
1934 г.	—	—	4827	—	—	72969	—
1935 г.	—	—	3905	—	—	68338	—
1936 г.	—	—	3308	—	—	60358	—
1937 г.	—	—	1900	—	—	37000	—
1938 г.	—	—	1894	—	—	26649	—

Усиленное образование новых хозяйств в пору кризиса объясняется тем, что многие крестьянские сыновья, потеряв работу в городе, возвращались в деревню и принимались за привычное дело. Но едва безработица в городах сократилась, как урбанизация Германии вновь пошла по нарастающей. Национал-социалистское государство не препятствовало этому процессу — ведь крупная индустрия нуждалась в прибылях, и к тому же предстояло наращивать военный потенциал страны. Германские аристократы сохранили все свои владения, а они, надо сказать, были немалыми — тысячи и даже десятки тысяч гектаров земли. Зато в национал-социалистском идеологическом ведомстве пропаганда аграризации Германии и воспеание патриархальных крестьянских традиций и обычаяв никогда не сходили с повестки дня.

Нацистские идеологи (Вальтер Дарре и др.) считали крестьянство неким сословием, а отнюдь не профессией или классом — занятие сельским хозяйством передается, мол, по наследству. Задача крестьян — снабжать народ продуктами питания, поэтому их долг — добросовестно вести хозяйство.

Но еще более важный долг крестьянства — быть источником настоящей крови для немецкого народа. С этой целью в крестьянских домах должна поддерживаться чистота нордической крови. По концепции национал-социализма, главнейшей предпосылкой принадлежности к крестьянскому сословию является расовая полноценность человека. Только обладатель немецкой или родственной крови имеет право быть крестьянином (см. «Кровь и почва», т. 1, с. 22).

Теоретики нацизма предлагали передать в распоряжение расово полноценных индивидов неотчуждаемые крестьянские хозяйства, «родовые гнезда», владельцы которых в основном плодились бы и воспитывали расово «безупречных»

детей. Части этих отпрысков суждено было, по мысли фашистских идеологов, остаться на селе, продолжая заниматься сельским хозяйством, другим надлежало питать своей высокоценной кровью все области жизни и, благодаря хорошей наследственности и примерному воспитанию, сформироваться в руководящий слой нации. Владельцы «родовых гнезд» имели бы право жениться только на специально подобранных, выдающихся по своим расовым свойствам девушках. Тот же Вальтер Дарре рекомендовал, исходя из расовых и иных качеств, подразделять всех девушек на четыре группы. В первую группу вошло бы около 10% девушек — с элитными свойствами, при обязательном замужестве и обеспечении максимально благоприятных условий для рождения и воспитания детей. Это первые кандидатки для «родовых гнезд». Вторая группа — большинство девушек: против браков возражений нет, но способствовать им не следует, особенно в отношении низшей подгруппы IIb, где наследственные признаки оставляют желать лучшего, тут путь в сельские «родовые гнезда» закрыт. Третья группа — страдающие наследственными заболеваниями, могут выходить замуж после стерилизации. Четвертая — слабые и профессиональные проститутки, брак воспрещен.

Едва придя к власти, нацисты развернули кампанию по изъятию земли у евреев, иностранцев и лиц, не способных как следует вести хозяйство, — наделы передавались расово безупречным субъектам, то есть активистам национал-социализма, под предлогом увеличения числа расово и профессионально полноценных крестьянских семей.

В демагогических целях, а может быть, для шантажа некоторых аристократических группировок, не исключалась возможность дробления крупных земельных владений (свыше 125 га) на ряд мелких хозяйств.

Но и это требование осталось на бумаге. Гораздо большее значение в росте числа крестьянских хозяйств, подчеркивали нацисты, будет иметь колонизация (Siedlung). Чтобы привлечь сельскую молодежь к реализации агрессивных внешнеполитических планов германского империализма, нацисты твердили на всех углах, что колонизируемые земли достанутся прежде всего тем крестьянским сыновьям, которые не наследуют отцовский дом, но будут учтены интересы и других выходцев из крестьян — сельскохозяйственных рабочих и просто лиц, зарекомендовавших себя пригодными к крестьянскому труду. У идеологов национал-социализма не было и тени сомнения, где взять землю для основания новых крестьянских хозяйств. Утопические проекты аграризации Германии надлежало осуществить за счет других народов.

Гитлер считал желательным такое положение, при котором народ, раса, государство и «жизненное пространство» находились бы в единстве и непрерывно возобновлялась здоровая, как он говорил, жизнеспособная, естественная пропорция между этими элементами, и с ростом численности народа все более расширялось имеющееся у него «жизненное пространство» («Моя борьба», с. 728). Наличия пригодных для колонизации земель требовал третий пункт программы НСДАП. Главное содержание

борьбы за существование, которую ведет немецкий народ, — это, мол, завоевание новых земель как непремное условие обеспечения численно растущего народа.

При недостатке земель в народе, якобы, возникает напряжение, оно проявляется и в бедности, и в особом рвении, и в поиске гениальных методов производства, и в чрезмерной бережливости. Но настает день, когда все эти средства оказываются исчерпанными, и задача тех, кто руководит народной борьбой за существование, — устранить невыносимую диспропорцию между численностью народа и площадью страны и возобновить более приемлемое соотношение между ними («Вторая книга Гитлера», с. 54).

Нацисты объявили существующее распределение территорий между народами крайне несправедливым. У некоторых народов, по их мнению, земли в избытке, в то время как другие, несмотря на свое прилежание, не могут обеспечить себя хлебом насущным. Планы отнятия территорий у других народов нацисты обычно оправдывали правом сильного, вытекающим из биологических законов.

«Первейшее право в этом мире, — восклицал Гитлер, — право на жизнь, если только есть сила. Исходя из этого права, сильный народ всегда найдет средства, как согласовать свою территорию с числом своих соотечественников...» (там же, с. 55).

Здоровые народы, по мнению нацистов, не считают расширение своей территории аморальным делом, а наоборот естественным явлением. Изменение существующих границ не может считаться аморальным и потому, что на земле нет ни одного уголка, который был бы передан какому-либо народу в вечное пользование как место его обитания. Не какая-то верховная власть, а сами люди поделили землю так, а не иначе. Но людские решения не могут считаться пригодными на все времена, их не опекает Провидение, они не освящены в качестве законов на будущее. Точно так же, как земная поверхность переживает геологические катаклизмы, точно так же, как в органическом мире одни формы беспрестанно исчезают, чтобы уступить место другим, и обиталища людей подвержены вечным изменениям. И Гитлер продолжает: в той же мере, в какой одни народы заинтересованы увековечить существующий раздел территорий, поскольку он отвечает их интересам, другие, кому он невыгоден, всячески стремятся его изменить. Требование изменения границ путем захвата территорий, принадлежащих другим народам, стало официальной аграрно-политической доктриной фашистской Германии в конце 1938 года: после аншлюса Австрии, присоединения Судетской и Клайпедской областей уже не было смысла трепать старый лозунг о праве немецкого народа на объединение. Но то доктрина, а в нацистской идеологии подобное требование излагалось еще на заре движения. Идеологи нацизма изображали отсутствие «жизненного пространства» как главную особенность истории немецкого народа, утверждая, что так обстояло дело еще во времена великого переселения народов (там же, с. 83).

Этим фактором нацисты объясняли все беды, обрушившиеся на немецкий народ в результате феодальной и капиталистической эксплуатации и бесчисленных

воин. В своей речи 13 июля 1928 года Гитлер писал на этот фактор и безработицу, и нехватку продовольствия, и самоубийства, и эмиграцию и т. п. Даже классовую борьбу пролетариата нацисты толковали как пошедшую в неправильном направлении реакцию немецкого народа на отсутствие «жизненного пространства» (Г. Гримм «Народ без пространства», Мюнхен, 1933, с. 1237). Задача бороться за улучшение границ переходит от одного поколения немцев к другому («Речи Гитлера за столом», с. 494).

С приходом к власти гитлеровцев в стране возросла интенсивность труда пролетариев, рабочий день часто превышал 10 часов — монополистическая буржуазия была охвачена жадной прибылей, народное хозяйство ремилитаризировалось; Герман Геринг же, ораторствуя в Нюрнберге 10 сентября 1938 года, оправдывал эту потогонную систему отсутствием «жизненного пространства» и утратой колоний в результате первой мировой войны. Вот и Ялахр Шахт, выступая 9 декабря 1936 года на заседании Общества географии и статистики в Берлине, тоже поставил жезленную пластинку немецко-фашистских идеологов: никакие усилия немецкого народа, никакой самоотверженный труд не смогут обеспечить ему благосостояние, если не будут изменены существующие границы.

Идеологи нацизма не делали акцент на требовании заморских колоний. Это и понятно: у немецкого народа еще свежи были в памяти итоги довоенной колониальной политики Германии. Гитлер осудил программу строительства военно-морского флота, которую до войны осуществляли германские политики, как напрасную трату огромных средств — по его мнению, на них следовало оснастить сухопутную армию. Германский флот не уберет заморских колоний, но превратил Англию во врага Германии. Кому в Германии была бы выгодна колониальная политика? Как и в других странах империализма — только крупной буржуазии. А как мы уже говорили, ее интересы нацисты блюли на деле, но отнюдь не на словах. По климатическим условиям заморские колонии вряд ли подошли бы для германских крестьян-переселенцев, и они-то не очень зарились на эти земли.

Отодвинуть требование колоний на второй план нацистам диктовали и внешнеполитические соображения. Их лидеры не хотели раньше времени лишиться симпатий крайне реакционных кругов других империалистических держав, которые одобряли антикоммунистический курс национал-социализма. В середине 30-х годов особым расположением к фашистской Германии отличались деятели правого крыла британских консерваторов, весьма щепетильные вместе с тем в вопросе о колониях.

Свою сдержанность в вопросе о заморских колониях руководство фашистской Германии стремилось превратить и в объект дипломатического торга.

В 1937 году, читаем мы в мемуарах Уинстона Черчилля «Вторая мировая война», тогдашний германский посол в Великобритании Иоахим Риббентроп в беседе с ним предложил гарантировать неприкосновенность Британской империи, если Германия получит свободу действий в Восточной Европе. Черчилль, не входивший в то время в правительство, эту идею отверг. Но на практике

политика кабинета Ее Величества в конце 30-х годов, и особенно Мюнхенское соглашение, подобному предложению ничуть не противоречила.

Внешнеполитическое ведомство Франции во второй половине 30-х годов также стремилось направить германскую агрессию на Восток и даже открыто предлагало Гитлеру Украину как плату за неприкосновенность своих границ и колоний (см.: «История Великой Отечественной войны», т. 1, М., 1960, с. 156).

Некоторые современники (например, Раушнинг в книге «Гитлер мне говорил»), а также историки объясняли напускное, по сути, равнодушие идеологов нацизма к вопросу о колониях и наивной верой Гитлера в то, что в случае новой войны Англия останется нейтральной, если Германия официально заявит, что германские территориальные притязания распространяются только на Восточную Европу. Гитлер не мог или не хотел видеть, что Локарнские договоры и вся последующая политика британских правящих кругов по отношению к народам Восточной Европы, приведшая к Мюнхенскому сговору, по существу являлась далеко рассчитанной интригой английской дипломатии, и это не могло, конечно, примирить германо-британские меж-империалистические интересы.

Лицемерие в вопросе о заморских колониях не означало, что правящие круги гитлеровской Германии признавали или хотели бы признать пределы возможной германской экспансии. Как только немецкая монополистическая буржуазия более или менее укрепила свои позиции в самой Германии, хозяйственная экспансия этой страны на всех континентах резко усилилась, но особенно в Южной Америке. Нацистские лидеры питали утопическую надежду колонизировать весь этот континент. Гитлер говорил об этом Раушнингу. В официальных речах государственных деятелей фашистской Германии требование заморских колоний звучало не раз. Я не берусь здесь сказать, в какой мере это была реальная угроза, а в какой — шантаж с целью побудить английское руководство к большей уступчивости в Восточной Европе. Можно лишь констатировать, что уже 4 августа 1935 года министр внутренних дел Германии Фрик, выступая в Эссене, выдвинул требование колоний. В гораздо более категоричной форме оно было высказано Герингом в его речи в берлинском Дворце спорта 28 октября 1936 года и И. Риббентропом на дипломатическом приеме 15 декабря 1936 года, причем обоснованием служил принцип равноправия народов.

В упомянутой выше речи Шахт горячо ратовал за колонии как необходимый германской промышленности источник сырья.

И вопреки кампании по требованию колоний проводились не раз, но это требование никогда не ставилось в центр германской внешней политики. В узком кругу нацистских бонз Гитлер говорил о заморских колониях еще в 1933 году (см. «Дойче Цайтунг им Остланд» от 1 января 1942 г.), но публично выступил на эту тему уже когда шла война (в радиоречи 31 декабря 1941 г.). Й. Геббельс 28 февраля 1940 года в Мюнстере назвал чудовищной несправедливостью тот факт, что англичанам принадлежит 40 млн. кв. км колоний, французам — 9 млн., а немцы вообще вынуждены обходиться без них.

Пропагандисты идей германского фашизма выдвигали требование колоний и задним числом, заявляя, что и до первой мировой войны нехватка колоний была главной причиной всех несчастий Германии (Г. Гримм, с. 1248).

В фокусе нацистских идеологов постоянно была Восточная Европа — сюда в первую очередь были направлены их территориальные притязания. На то имелось несколько причин. Не сумев уберечь свои заморские колонии, Германия в первую мировую войну сильно страдала от нехватки продовольствия и некоторых видов сырья, поэтому после войны среди немецких военных специалистов сложилось единодушное мнение, что в будущем страна сможет участвовать в борьбе за передел мира, только если сумеет обеспечить продовольственные и сырьевые ресурсы в Европе. Определенное значение в разжигании настроений в пользу восточной экспансии имели исторические традиции, а именно: многовековая деятельность немецких ремесленников, торговцев и лиц других профессий в различных восточно-европейских странах. В результате первой мировой войны многие представители немецкого меньшинства утратили свое имущество или привилегию; с охотой или не слишком охотно вернувшись в Германию, они активно проповедовали идеи реванша. Нельзя сбрасывать со счетов и убеждение лидеров национал-социализма, особенно Гитлера, в том, что страны Восточной Европы, в том числе СССР, очень слабы в военном отношении, а значит, немецкую экспансию на Восток ждет меньше всего преград, зато она даст наибольшее приращение территории.

И все же идеологи нацизма отдавали приоритет пропаганде восточной экспансии главным образом по демагогическим соображениям. Тут они не выработали никаких принципиально новых доктрин, а перепевали на все лады аргументы идеологов агрессии предыдущих десятилетий и даже веков. Широко цитировались сочинения немецких поэтов XII—XIV веков, прославлявших крестовые походы и агрессию немецких феодалов против западно-славянских и прибалтийских народов, пересказывались авторы и пропагандисты захватнических военных доктрин Ливонского ордена, Бранденбургско-прусского государства и кайзеровской Германии. В различных массовых изданиях и периодике публиковались призывы магистра Тевтонского ордена XIII века Германа фон Зальца прекратить крестовые походы в Палестину и направиться в Пруссию (см., например, «Фельддайтунг фон дер Маас бис ан ди Мемель» от 9 января 1942 г.), песни немецких колонистов XIV века — типа «Мы хотим скакать на Восток» (см. «Дойче Цайтунг им Остланд» от 17 мая 1942 г.) — и прочие творения идеологов немецкой феодальной экспансии предыдущих веков, а также высказывания, заявления видных политических деятелей Германии, идеологов Всегерманского союза (Alldeutsche Verband) — организации, имевшей целью содействие экспансии немецкого империализма.*

* Союз основан в 1891 г. В нем подвизался целый ряд идеологов германского империализма. Союз первым принял пропагандировать тезис о расовом превосходстве немцев над другими народами, об отсутствии у Германии «жизненного пространства» и прочие домыслы.

Все важнейшие события германской истории трактовались национал-социалистами на основе теории «жизненного пространства» и экспансии на Восток (см. Ф. Кох «Лифляндия и рейх до 1225 года», Познань, 1943). Расширение «жизненного пространства» в восточном направлении как бы служило для нацистских идеологов мерой всех вещей и абсолютным критерием, с помощью которого надлежит оценивать любые исторические события и каждого политического деятеля Германии.

Во имя принципов восточной экспансии А. Розенберг осуждал Штауффенгов и монархов Габсбургской династии, которые пренебрегали этой задачей, зарясь на Италию. В то же время он хвалил восточно-германских феодалов, и особенно Генриха Льва, которые сумели расширить территорию Германии за счет западно-славянских племен («Миф XX века», с. 479 и 523). Борьба Немецкого ордена против пруссов, прибалтийских народов и Польши изображалась национал-социалистами как славная традиция, от которой не резон отступать и в XX веке («Моя борьба», с. 742). Максимальные средневековые границы Священной Римской империи, по мнению фашистского историка Э. Бенца, намного разумнее тех, что существовали в XX столетии, особенно после первой мировой войны.

Битву при Танненберге (Грюнвальдскую битву) нацисты считали одной из величайших трагедий германской истории: здесь, заявил Вальтер Дарре в речи 7 июля 1935 года, перед носом прозябающего в перенаселенности немецкого народа захлопнулась дверь на Восток. Прямым следствием и проявлением этого разгрома, говорил он, были и Крестьянская, и Тридцатилетняя война.

Грубейшей ошибкой кайзеровского руководства Гитлер считал почему-то приписываемый тому без всяких на то оснований отказ (!!) от завоевания новых территорий и приверженность безумству (!!) хозяйственной экспансии, что привело к столь же неограниченной, сколь и вредной индустриализации («Моя борьба», с. 255). И еще: власть и завоевания — необходимейшая предпосылка хозяйственного развития и могущества (с. 158). Если до 1918 года идеологи германского империализма обычно изображали свои планы восточной экспансии как хозяйственную и военную необходимость («Первая мировая война. Документы и материалы», Берлин, 1961, с. 46—50) или, судя по заявлению в рейхстаге 19 августа 1915 года рейхсканцлера Германии Бетман-Гольвега, — как благодеяние по отношению к жителям оккупированных стран (цит. по «Норддойче Альгемайне Цайтунг» от 20 августа 1915 г., № 230), то национал-социалисты обосновывали германскую империалистическую агрессию, как правило, расовыми соображениями, требуя германизовать только территории, но отнюдь не их население («Моя борьба», с. 428).

Гитлер указывал, что целью германской внешней политики не может быть ни западная, ни восточная ориентация, однако Германия должна проводить такую восточную политику, которая позволила бы немецкому народу приобрести новые земли (там же, с. 757).

В своем политическом завещании Гитлер заявлял, что Германию нельзя считать в безопасности до тех пор, пока она не сможет обеспечить землями на столе-

тия вперед всех отпрысков немецкого народа (с. 754). Вождь призывает сознательно перечеркнуть довоенную внешнеполитическую ориентацию, колониальную и торговую политику, остановить германскую экспансию на юг и запад и обратить взоры на восток, чтобы продолжить ту линию, которая была прервана шесть столетий назад, — курс на захваты и колонизацию земель в Восточной Европе. «А если мы сегодня говорим о новых территориях в Европе, — писал он в «Моей борьбе» (с. 742), — то мы прежде всего должны подумать о России и подчиненных ей буферных государствах...»

«Жизненное пространство» в Восточной Европе немецкие фашисты мыслили приобрести силой оружия. Борьба за «жизненное пространство» потребует жертв, указывали нацисты, но этот кровавый расход оправдан, поскольку новоприобретенные территории позволяют многократно воспроизвести потерянную в сражениях людскую массу. Тем самым меч расчищает дорогу плугу («Вторая книга Гитлера», с. 54).

Подобные высказывания в основных чертах повторяли теорию предтечи немецкой геополитики Доктора Фридриха Ратцеля о борьбе Древнего Рима с племенами варваров, завершившейся уничтожением, изгнанием или порабощением этих племен с тем, чтобы на захваченных территориях расселить римских колонистов. Заимствуя положения «Политической географии» Ратцеля (Мюнхен—Лейпциг, 1897), национал-социалисты не только механически переносили нормы рабовладельческого строя и варварского общества на общество развитого капитализма, но и брали оттуда тезисы, что будто бы основным содержанием европейской истории Нового времени является борьба скученного населения за земли и что крестьянская колонизация, в отличие от плантаторских, купеческих и иных, возможна лишь путем изгнания либо уничтожения туземцев, как это имело место в Северной Америке, Южной Бразилии, в Тасмании, Новой Зеландии и т. п.

Последовательно твердя, что вооруженные захваты гораздо важнее для обеспечения будущего, чем хозяйственное развитие, немецкие фашисты вели пропаганду милитаризации всех сторон жизни немецкого народа. Введение в повседневную жизнь воинской дисциплины непосредственно отвечало интересам реакционных кругов крупной буржуазии уже хотя бы потому, что было направлено против революционного движения рабочего класса. Монополисты могли рассчитывать на успех в замысливаемой реваншистской войне за передел мира, только милитаризуя все сферы экономической, политической и культурной жизни Германии.

В вопросах военной жизни немецкие фашисты были неоригинальны и часто повторяли взгляды Клаузевица и Бисмарка, правда, в довольно вульгарной форме.

Обратимся, например, к Бисмарку («Мысли и воспоминания», т. 2, М., 1940, с. 93—94 и т. 3, М., 1941, с. 5, 6, 92) и сопоставим его высказывания с мыслями Гитлера («Моя борьба», с. 306, 647, 177 и «Вторая книга...», с. 63, 48, 50). Несмотря на весь пиетет к германскому генштабу, Бисмарк видел, что интересы военного ведомства могут не совпадать с обще-

государственными, что военная служба и офицерское сообщество не могут дать широты кругозора, а некритическое перенесение моральных критериев, исповедуемых милитаристскими кругами, на политическую жизнь чревато немалым риском и т. п. Нацисты наоборот считали, что армия воплощает в себе и содействует развитию всего лучшего в человеке. Армию кайзеровской Германии Гитлер называл величайшей школой народа, хранительницей национального самоуправления и свободы. «То, за что немецкий народ должен благодарить армию, можно коротко выразить одним-единственным словом, а именно: за все», — сказано в «Моей борьбе» (с. 306). По концепции национал-социалистов, германская армия являет собой школу взаимопонимания между немцами (там же, с. 647), средство дисциплинирования народа и к тому же «... наивысшую социалистическую организацию вообще...» («Вторая книга...», с. 63). Нацисты, конечно, сожалели о кровавых потерях немецкой армии в первую мировую войну. Но, согласно их концепции, жертвы народа в мирное время выше, чем потери вследствие войны. Гитлер утверждал: «Один единственный год ограничения рождаемости в Европе убивает больше людей, чем погибло во всех европейских войнах начиная с Французской революции и до наших дней, включая мировую войну...» (там же, с. 48).

Войны фюрер делил на оправданные и неоправданные. Первые — это те, в результате которых есть возможность репродуцировать человеческие потери (с. 50). Совершенно произвольное деление, так как результаты войны спланировать заранее очень трудно. На практике Гитлер не считался и с этим единственным своим возражением против войны. Узнав о том, что началась первая мировая война, Гитлер, по его собственному признанию, пал ниц от восторга, дабы возблагодарить небо, которое даровало ему счастье жить в такую эпоху («Моя борьба», с. 177).

Гитлеровцы стремились пропитать все сферы жизни общества духом воинской дисциплины и милитаристской психологией. 16 марта 1935 года в Германии вновь была введена всеобщая воинская повинность, продленная по распоряжению Гитлера 24 августа 1936 года на два года.

Попытки милитаризовать всю общественную жизнь проявлялись и в излюбленной терминологии нацистских идеологов. Так, публицист К.-Х. Рюдигер убеждал своих читателей, что «привитие народу военной выправки является этической задачей. Мы все солдаты Вождя: солдаты в политике, солдаты в мастерских, солдаты на пашне, солдаты духа и солдаты оружия...»

Борьба за мировое господство немецкого империализма изображалась нацистами как забота о благе немецкого народа. Говоря о его будущем, Гитлер утверждал, что в течение ста лет после уничтожения Франции на месте нынешних 80 миллионов немцев в Европе появится двести пятьдесят миллионов немцев, и к тому же не в тесноте, как фабричные кули во всем остальном мире, а как рабочие и крестьяне, взаимно обеспечивающие друг друга своим трудом («Моя борьба», с. 767). «Если мы сплотимся, — указывал Бальдур фон

Ширах в своей речи 2 февраля 1935 года, — то нам будет принадлежать не только 1935 год, но и все следующее тысячелетие». В годы второй мировой войны идеологи нацизма конкретизировали и уточняли свои цели. В результате этой войны, заявил Геббельс 27 ноября 1939 года, немцы должны стать народом мирового значения (Weltvolk). Борьба идет не за трон и алтарь, возвестил он 18 октября 1942 года, а за пшеницу и нефть. Территориальные завоевания, утверждал анонимный автор 9 января 1942 года в газете «Фельдцайтунг фон дер Маас бис ан ди Мемель», дадут возможность удовлетворить всякое обоснованное желание германского воина получить земельные наделы. После войны немцы, которые вместе с примерно 30 миллионами ассимилированных инородцев станут 100-миллионным германским народом, будут господствовать над Европой, объяснял Гиммлер руководителям СС в Бадшахене 14 октября 1943 года. Он же, выступая 7 сентября 1940 года перед офицерами дивизии СС «Адольф Гитлер», заявил, что после войны гарнизоны СС будут размещены от Южной Африки до Киркенеса у мыса Нордкап. 4 октября 1943 года Гиммлер декларировал, что главная цель гитлеровцев в этой войне — отодвинуть в течение 20 лет этнические границы немцев на 500 км на восток, и призвал немецкий народ рожать побольше детей, чтобы было кем колонизировать завоеванные территории.

Национал-социалистская пропаганда изображала немецких солдат как пионеров, одержимых колонизаторской миссией, которым уже мерещатся плодородные земли Востока в виде немецких колоний (из речи И. Геббельса 18 октября 1942 года). Даже еще 12 ноября 1944 года, когда на горизонте маячило военное поражение фашистской Германии, Гиммлер, зачитывая в Мюнхене речь Гитлера, выдвинул требование раздела «жизненного пространства» в соответствии с военной силой (см. «Фелькшер беобахтер», 14 ноября 1944 г., № 310).

Военная доктрина немецких фашистов опиралась на волюнтаристские фразы и была столь же авантюрной, как и их политические и экономические воззрения. Пытаясь объяснить все явления общественной жизни в терминах биологии, нацисты провозглашали борьбу и войну универсальным законом природы и общества. Отбор протекает вечно. Сильнейший сохраняет право на жизнь и самую жизнь, слабейший гибнет, сказал Гитлер в секретной речи перед молодыми офицерами в берлинском Дворце спорта 30 мая 1942 года. Все решает физическая сила, сила воли и духовная сила. Хитрость, сказал в Познани руководителям СС Гиммлер 4 октября 1943 года, мало помогает на продолжительном отрезке времени. Вечная борьба и отбор существуют и в отношениях между народами. В ходе борьбы, подчеркивал Гитлер в упомянутой речи, сильный становится еще сильнее, в то время как без борьбы дегенерирует. В схватке народов сдуют лишь те нации, у которых окажется достаточно «жизненного пространства» и сырья, остальные, предрек в своей речи Геббельс 15 ноября 1942 года, вымрут.

Всячески варьируя подобные и схожие высказывания, немецкие фашисты изображали свои военные авантюры как заботу о будущем немецкого народа, а

неудачи в войне — как угрозу его существованию. Особенно часто этим занимался Й. Геббельс.

Конечно, отнюдь не рассуждения гитлеровцев о войне и ее значении, а громадный военный потенциал Германии, отличная выучка офицеров, а главное, огромные средства, которые были истрачены на подготовку к войне, сделали армию гитлеровской Германии ударной силой мировой реакции. Теория «жизненного пространства» сама по себе, без поддержки фанатичной толпы и квалифицированного, согласованного взаимодействия обладавших гигантскими ресурсами администраторов, ничего не значила бы. Правда, она могла бы послужить в качестве демагогического публицистического лозунга, но ее воплощение в жизнь на протяжении более или менее длительного отрезка времени сулило только лишь непреодолимые противоречия.

Достаточно простого арифметического подсчета, чтобы убедиться в том, что при оптимальных условиях, а таковые возможны лишь теоретически, национал-социалистские взгляды на «жизненное пространство», точно так же как и по всем другим вопросам, неизбежно заводили бы в тупик.

Допустим на минуту, что нацистам удалось бы осуществить свои самые далеко идущие планы — установить мировое господство, уничтожить другие народы и основать тысячелетний рейх. До второй мировой войны немцы составляли неполных 5% населения мира. (В начале 1930 г. в мире насчитывалось около 1953 млн. жителей. Из них немцев и говорящих по-немецки в Европе было 83 млн., а на других континентах — свыше 10 млн., причем только в США 8 млн. Эти данные взяты из Географического и статистического универсального атласа проф. Хикмана, выпущенного в Вене в 1930/31 гг. Спустя же 20 лет после войны, в 1964 г., в мире было 3256 млн. человек, из них немцев и немецкоговорящих в Европе около 87 млн., на других континентах неассимилированных немцев около 6 млн., то есть в целом неполных 3% населения планеты. Данные взяты из справочника «Население земного шара», М., 1965. В 1988 г. в мире было около 100 млн. немцев и говорящих по-немецки, из них в ФРГ 54 750 тыс., в ГДР 16 530 тыс., в Западном Берлине 1 600 тыс., в Австрии 6950 тыс., в Швейцарии 4260 тыс., в США 6300 тыс.,

в СССР 2 млн. — по справочнику «Народы мира», М., 1988).

Не вдаваясь в проекты ассимиляции части шведов, норвежцев, исландцев, голландцев, фламандцев, англичан и т. д., допустим, что расово полноценными были бы признаны менее половины немцев, то есть примерно 2% населения планеты. Известно, что при благоприятных условиях — а к созданию таковых нацисты энергично призывали — население может удвоиться в течение жизни одного поколения, то есть за 33 года. Если так, то за 200 лет число потомков тех самых двух процентов уже намного превысит население земного шара до «отбора» и проблема «жизненного пространства» станет еще более острой, чем прежде. Только газовые камеры непрерывного действия, которые на сей раз перерабатывали бы в группы, а затем в костную муку стопроцентных представителей нордической расы — других просто бы уже не было на свете — могли бы спасти от голодной смерти замышлявшееся национал-социалистами аграризированное государство.

Существование тысячелетнего рейха по рецептам идеологов нацизма привело бы к еще более наглядному абсурду. Английский статистик Э. Родес вычислил, каким будет население земного шара в 3000 году, если ежегодный прирост составит 1,5%. (Как известно, в 60-е гг. XX века население Земли росло быстрее — в среднем на 2% в год, или на 20 человек на тысячу жителей. Самый стремительный прирост отмечался в странах Африки и Южной Америки: в Гане с 1948 по 1964 г. — 38, в Венесуэле в 1961—1963 гг. — 37,3, в Мексике в 1960—1964 гг. — 34,8. Очень бурным был естественный прирост населения и в ряде республик СССР: в Азербайджане в 1964 г. 32,5, а в 1960 г. — 35,9 и т. д.).

В таком случае в 3000 году в мире было бы 14 470 000 000 000 000 жителей. Если их равномерно распределить по всей поверхности суши, включая Антарктиду, на каждого человека придется 102,97 кв. см. Если в этом процессе будет участвовать только 2% населения мира, то и они, размножаясь подобными темпами (а это в три раза медленнее максимального темпа размножения, рекомендованного нацистами), в 3000 году будут иметь на каждого потомка «высшей расы» около 0,515 кв. м «жизненного пространства», или в 1600 раз меньше, чем у современного жителя Нью-Йорка, где в среднем

на человека приходится 800 кв. м, считая улицы, дома, парки и т. п. Не экстенсивным освоением новых территорий, площадь которых всегда будет недостаточной, а развитием производительных сил человечество может обеспечить материальные предпосылки прогресса.

Из сказанного понятно, что планы территориальной экспансии, которые вынашивались нацистами, были нереальными и могли бы привести немецкий народ к катастрофе даже в том случае, если бы беспрепятственно проводились в жизнь.

Но столь же далеки от реальной жизни и практических возможностей были те средства, которыми нацисты пользовались для осуществления этой экспансии. Развязывание второй мировой войны, установление режима террора в оккупированных странах, политика геноцида в отношении целых народов и социальных групп неизбежно оборачивались развертыванием мощного антифашистского движения во всем мире и привели к созданию антигитлеровской коалиции. Германский империализм, который сумел с помощью националистической демагогии вовлечь в борьбу за свои интересы широкие массы немецкого народа, оказался политически, экономически и в военном отношении недостаточно силен для завоевания мирового господства, к тому же влияние национал-социалистской идеологии на массы служило серьезным препятствием планам отдельных кругов крупной немецкой буржуазии, которые хотели бы в конце войны освободиться от некоторых лидеров нацизма, чтобы спасти сам реакционный режим и избежать полного разгрома германского империализма во второй мировой войне.

Абсурдный, утопический характер проектов будущего, разрабатывавшихся национал-социалистами, отнюдь не уменьшал опасность этих планов. Нереальный характер последних компенсировался фанатическим упорством национал-социалистских лидеров в их осуществлении. С точки зрения народов Европы неважно было, обречены ли эти планы на провал в будущем или нет, — уже первая стадия их осуществления ставила под угрозу существование этих народов. Только поражение немецкого империализма во второй мировой войне привело к краху и его демагогического прикрытия — идеологии национал-социализма.

Перевел ЛЕОНИД ГУРЕВИЧ

Avots

Сегодня утром
один пожилой воробей в Старой Риге
мне прочирикал:

чао!
Ты где пропадал?

Мы поболтали немного о жизни,
о демографическом взрыве,
о международном положении
на набережной Даугавы.

Потом я отправился к старой груше.
К пню, что остался от груши.
Не желаешь присесть, спросил меня пень.

Я послушал его грампластинку
(вместе с синичками),
и подземные лабиринты
щекотали мне пятки.

Мило проскрипела лестница
старой «Лондонской» гостиницы —
вспомнила!
На стене написано мелом:
«МЕСТА ЕСТЬ».

И Ридзене *
разливалась по всем щелям,
по дорогам, по улицам и площадям.

Мой багаж умещался в горсти.

Перевел Александр ЕРЕМЕНКО

— Юрис, скажи, а где она находилась — эта «Лондонская» гостиница?

— Она все еще находится — недалеко, там за кафе «Велдзе» такой дворик, туда можно зайти. Сейчас она стала трехэтажной, все перестроили.

— Простой жилой дом!

— Ну да. А раньше — до войны — там сдавались двухместные номера на пару часов. Славное было местечко.

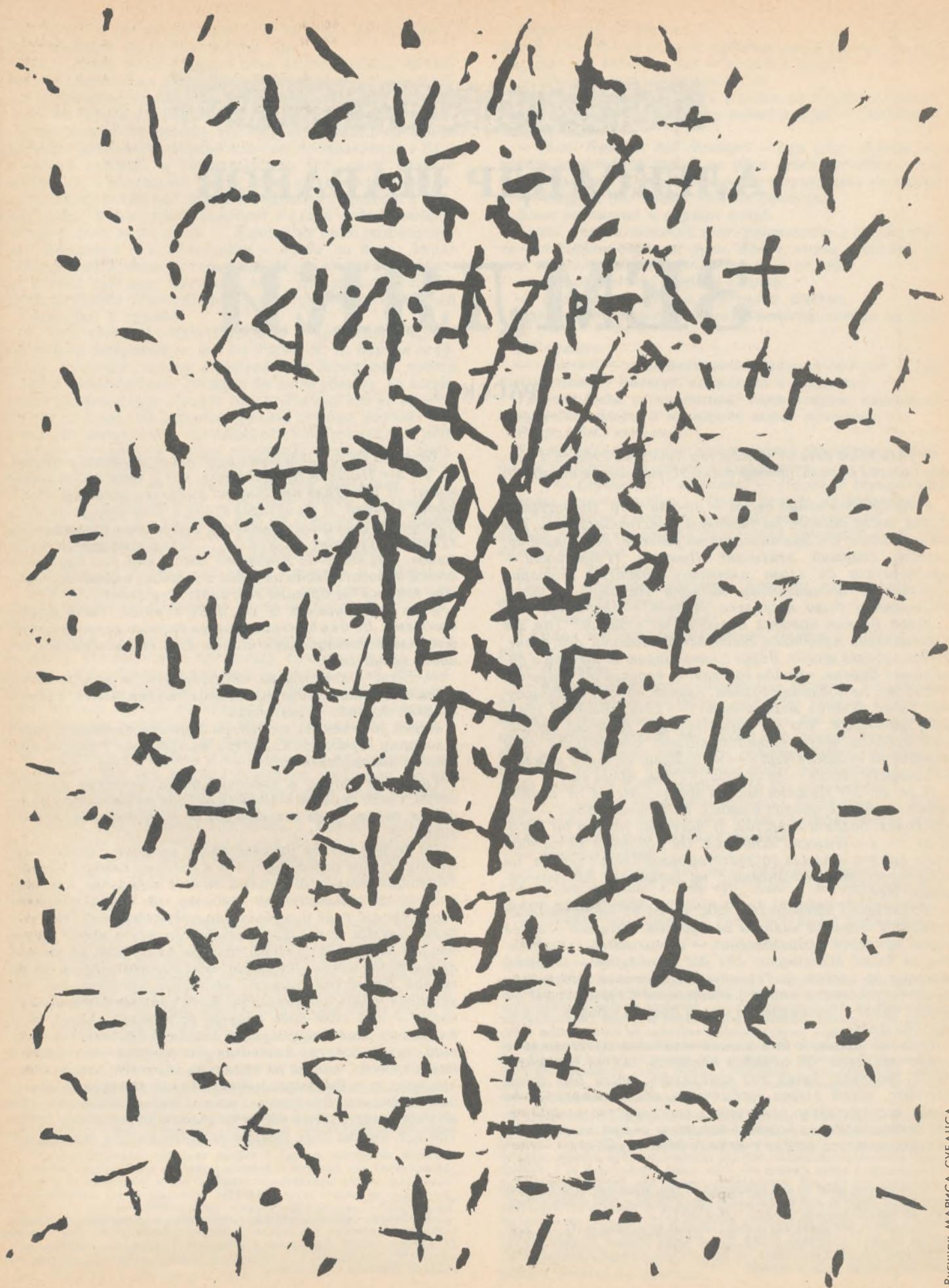
— Но ты-то родился все-таки после войны. А рассказываешь, будто помнишь...

Нет, глупо удивляться невозможным воспоминаниям, которые становятся стихами. Почти каждое стихотворение Кунноса насыщено знанием прошлого, и дает повод для пространного комментария, — как те подземные лабиринты, по которым действительно еще и сегодня можно — если только знать все ходы — долго гулять под нашей привычной Ригой.

Но нельзя написать комментарий к странной и трудной свободе в этих стихах. Иногда с грустной завистью вспоминаю: его багаж умещался в горсти.

Аманда Айзпуриете

* Речка в Старой Риге, зарыта в XVII—XIX вв.

АЛЕКСАНДР ШАБАНОВ

ЗЕМЛЯКИ

РАССКАЗ

Стояла жара лета от Рождества Христова 1988-го. Гвардии рядовой Буркин, призыв осень-87, оказался в наряде по бане.

Была суббота конца весны — начала лета. Он заступал с утра, после развода на парково-хозяйственный день. Так было принято. Он был назначен на развод. Его командир, гвардии старший лейтенант Пышкин (Глупышкин — предпочитали за глаза именовать солдаты), пошарив глазами по подчиненному личному составу — в числе подчиненных было несколько человек, — предпочел его.

Вчера Буркин наводил порядок¹ на позиции.² Там же в канцелярии находился гвардейский старший лейтенант. У него заболел живот. Вдруг в канцелярию со щеткой в руке зашел Буркин. «Найди газету», — проскрипел Пышкин. Подметая, не поднимая головы, Буркин на этот напряженный голос ответил механически: — «Есть, товарищ старший лейтенант». Что его характеризует. Правила негласного кодекса чести военнослужащего однозначны: если можешь не отдавать чести — не отдавай ее. Если можешь не говорить «есть» — не говори. Чё там, воша еще.

И гв. ст. л-т Пышкин послал его за газетой. И Буркин забыл — убирал, убирал и забыл. И Пышкин забыл — живот болел, болел и перестал. И наступил развод на ПХД. И гв. ст. л-т Пышкин вспомнил. Он вспомнил не потому, что в памяти всплыла соответствующая статья устава: ни один проступок подчиненного не оставлять без воздействия. Нет.

Но внезапно заговорили о том, что от их подразделения требуется старший машины за мусором. Пышкин оглядел строй офицеров подразделения — и похолодел: лейтенантов не было! Мелькнуло: «Ах да! Кандауров — старший машины за хлебом, а Тесемочкина припахал писать ему какие-то конспекты майор Поддорожко! Старый хрыч! Не может сам», — лихорадочно думал brave офицер. И живот дал знать.

Старлей Пышкин был самым младшим из стоящих в строю офицеров. Он обладал полнотой, как он сам полагал — здоровой. Щеки его круглились, росту был выше среднего, порой слегка горбилась, и, оборачиваясь, из-за горба подозрительно осматривал пространство позади себя: всякого подвоха можно ожидать от окружающих военнослужащих, это засело с первых дней службы.

Хотя это было следующее утро после прежних спазмов, гв. ст. л-т Пышкин почувствовал, что у него снова заныл живот. И тут стало необходимо выделить человека из его людей в наряд. И он оглядел строй и злорадно припомнил Буркина. В его строю неказистый Буркин был единственный воша. «Товарищ сташант, кх-м, кх-м, . . . остальным уже не положено». Ему даже на мгновение показалось, что Буркин во всем и виноват. Сходи он тогда в нужник, возможно, будущее явилось бы другим? Кто знает, кто знает . . .

У гв. ряд. Буркина О. М., 1969 г. рожд., были другие проблемы. Но для него разрешение данного вопроса сопровождалось похолоданием членов. Ему не понравилось это новое назначение.

— Есть! — приказы не обсуждаются, а выполняются, и два человекца, следуя чужой воле, направляются: один — в баню, другой — в автопарк.

Перед убытием на хозработы Буркину следовало зайти в казарму переодеться. Внутри на тумбочке стоял дежурный по подразделению.³

Тумбочка стояла в коридоре почти напротив входной двери, слева десяток с лишним метров до спального помещения, справа на не меньшем удалении окно на дорогу к позиции.

По скрипу первой уличной двери несущий службу в суточном наряде определяет, что в казарму следует военнослужащий, возможно грозный, то есть начальник, и на всякий случай становится на тумбочку, где ему и положено быть. Чуткий слух дежурного по подразделению стал особенно чутким благодаря ночному залету — когда ночью пришел дежурный по полку капитан Алисейкин, на зычный вызов дневального дежурный нерасторопно показался из темной Ленинской комнаты, настолько нерасторопно, что заставил ждать дежурного по части (самого дежурного по части! — при этом надо широко распахнуть глаза), а по пятнам на лице и щурящимся глазам добросовестно несущий службу капитан Алисейкин удостоверил, что «товарищ наш дорогой», как он не преминул заметить, «харю давили», чего, если бы товарищ дорогой следовал уставу, делать был не должен. Это грозило неприятностями, имелась возможность заступить в наряд по новой и не спать еще сутки. Так вот, чуткий слух дежурного живо уловил скрип улич-

¹ Говорят так: кому же еще наводить? Чё там, воша еще. Кто-то давно исковеркал слово «вш» на «воша» и нарек им молодого военнослужащего на первых полгода службы. (Или «дух»).

² Позиция — это домик под землей, который не должна взять — и, значит, не возьмет — никакая бомба. Шели, через которые стекает дождь, не должны пугать. Гвардейцам ли бояться замочиться! Побеждают не машины, а люди! Будьте начеку!

³ Тумбочка — это не тумбочка, а небольшое, сантиметров пятнадцать возвышение, которое, как считается, поможет бдительному дневальному (в данном случае бдительному дежурному) издали заметить злоумышленно крадущегося к оружейной комнате злодея и пресечь его вредные действия штык-ножом.

ной двери, и дежурный мастерски прыгнул на тумбочку. Неожиданный приход застал его там.

На тумбочке должен стоять один из дневальных, но сейчас оба дневальных мыли полы, и дежурный ждал окончания их работы, чтобы один его сменил и он мог бы идти спать на четыре уставных часа или смотря по обстановке.

Итак, дежурный ожидал, что откроется дверь и на пороге величаво возникнет высокий плотный подполковник с благородной седinouй, и дежурный что есть силы крикнет «мирно!», и потрясутся своды казармы, и лениво распрямятся скрюченный над полом дневальный с тряпкой в мокрых руках, и дежурный посмотрит в глаза подполковнику, и станет ясно, знает ли он... Каково же было разочарование дежурного — и облегчение, — когда на порог вполз сморщенный Буркин, который испугался взгляда дежурного и стал суетливо вытирать ноги. Дежурный младший сержант Радюк отличался резкостью суждений и движений и ревностью к службе.

— Чего честь не отдаешь, собака? — призывая к порядку, заорал дежурный гв. мл. с-т Радюк И. В. Буркин испугался, захлопал глазами и рефлексивно дернулся к побегу с места происшествия. Убежать бы он не убежал, но постарался бы побыстрее сделать так, чтобы они его не видели. Не тут-то было. На рефлекс Буркина ответил рефлекс Радюка: тот метко подсек его движение, нога взвилась, и подпрыгнув с тумбочки, Радюк засандалил сапогом по задку. Буркин, встрепенувшись, слетел с половичка, и балансируя, приземлился на скользком мыльном линолеуме.

Заголосили дневальные. Оба были одного призыва, на полгода старше несчастного. Как ни странно, агрессивнее был тот, который натурал пол «машкой»⁴, а не тот, который стирал мыло и грязь, возясь, с противной тряпкой.

Агрессивный дневальный кинул «машку» и подскокил к провинившемуся, осквернившему линолеум грязными своими ногами, по-базарному крича на ходу: «Э-э-э, стой, сука.»⁵

И Буркин, вместо того, чтобы сойти с линолеума, замер на месте, что было не в его пользу. Продолжая там оставаться, он продолжал злить весь суточный наряд. И, главное, подчинение Буркина приказу Гаффарова дало ему понять, что раз Буркин подчинился, то уже в его власти — при избрании правильной тактики. Правильная тактика есть давить на слабинах, не давая опомниться.

И Гаффаров подскокил и наотмашь дал ему оплеуху: он чувствовал, что вся честная компания настроена против Буркина, и его смелый шаг не вызовет осуждения, а станет выражением всеобщих чувств.⁶

Оплеуха шла ладонью наотмашь, и Буркин, чувствуя, что последует удар, выставил улом руку, как всегда готовый пионер, делая жест универсальным. Но вдруг заскулила дальняя уличная дверь, и дежурный напряженным шепотом крикнул:

— Э, замаяли!

— Молчи, сука! — Гаффаров и пугал, и давал понять, что они принадлежат к одному солдатскому братству и не к лицу выдавать его тайны, и давал знать, что за ним коллектив и своих земляков, и своего призыва, и подразделения, и, таким образом, нарушение неписаных законов чревато — и все оттенки выразились разом через закол и через сильный взгляд во взгляд.

⁴ Т. наз. «машка» — универсальный полотер, широко распространенный в армии. «Можно машку за ляжку», — строго ставит на вид требовательный командир нерадивому подчиненному, когда он вместо по-военному четкого и ясного «разрешите» безвольно мямлит граждански-неопределенное «можно» — приучает их к порядку.

⁵ Что они кричали, выражая протест? Трудно конкретно ответить на данный вопрос. Речь военнослужащего — находка для специалиста: невзирая на должность и чин — трудно представить, но это так, — она непередаваема. Он не сюсюкает интеллигентски: знаете ли, э-э-э, так сказать, — а говорит четко и ясно — почти как в уставе, — употребляя простые русские выражения, и всяк сущий в армии язык поймет и ответит.

⁶ Счастлив, кто предвидит, на кого падает всеобщее осуждение, и умеет своим знанием с удачей пользоваться. («Малыя хитроумнасти воинскаго искусства», С.-Петербург, 1888 г.)

Гаффарову не удалось потешиться и потешить честной народ. Если бы не помеха, события могли бы развиваться дальше. Это было бы так — взгляд в упор:

— Почему руку поднимаешь, а?

Буркин пытается смотреть в глаза, но Гаффаров пугает, делает обманный понарошку выпад и Буркин смаргивает. Ага, боишься:

— Чмо! Припух, да? Припух? — еще удар, Буркин пытается защититься рукой, но удар легко проходит сквозь эту декорацию. Следует пощечина и сразу хват за грудки:

— Обурел, да? Воша! Земляк сопливый.

Воля подавлена и вынужен испуг.

Глаза в глаза, жесткий хват, уверенность в своей правоте — и Буркин опускает руки. Венец, чтобы закрепить успех: с силой толчок безвольного тела от себя:

— Усоплище! — и Буркин сломан.

— Убежал за тряпка. Протирай. Бистро.

Буркин заторможенно поворачивается, следуя за тряпкой.

Но хлещет:

— Бистро! — с одновременным пинком под зад, и Буркич поспешает смешно, сломленно и униженно.

Тревога была не напрасной: торжественно прохрипела замученная дверь, и на пороге вырос командир.

Ритуал был исполнен.⁸

Командир, несомненно, почувствовал напряжение между двумя фигурами: Буркина и Гаффарова.

— Что случилось, Гаффаров? — строго и справедливо спросил отец-командир. — Опять чего-то не поделили?

— Ничьво не слючился, товарищ подполковник, — с любезной сердцу командира солдатской готовностью откликнулся Гаффаров.

— Чьво молчишь?

Голос Гаффарова заставил Буркина встрепенуться и вызвал воспоминание шока.

— Скажи, чьво молчишь?

В армии два тяжелых прозвища. Первое — стукач. Второе — тормос.

— Н-ничего.

— Ка-ак так ничего? — командир, кажется, определился. Из двоих более виноватым выглядел Буркин, к тому же он был более слабым. А командир был, без иронии, настоящий мужчина. Всегда так: даже при равной вине двоих, если из них нужно выбирать, наказан будет слабейший. Если без выбора, и наказание будет одинаковым — слабому перенести будет труднее. Но это исключение.⁹

— Так что же все-таки произошло, Гаффаров? — обратился командир к нему, как к более сильному, более старшему, внушающему большее доверие.

— Пус он скажет.

— Ты же видишь, что он в агрегации шока. Офонарел... Да, Буркин? А? Ну что? Как? — он дружески трепал по щеке и чесал за ухом этими словами-вопросами.

— Почему пол пачкать? Тогда все будет нормально.

⁸ Ритуал «встреча командира». Обими сторонами эта позиция предлагается как немая сцена по немому уговору. Со стороны подчиненных восторженный испуг и почтение (не обязательно испуг, но обязательно восторженный) вкупе со службистским рвением, командир же как бы стоит выше этого и не замечает высоких чувств, играя беспристрастие. Но не надо заблуждаться и принимать мнимое беспристрастие за истинное. Оденься в беспристрастие подчиненные, и барометр отношений либо — восстановится, когда сперва с помощью шуток-прибауток командир даст знать, кто здесь хозяин, либо — упадет в репрессиях, если подчиненный шуток не понимает.

⁹ Имеет место дифференцированный подход к наказанию, и обычно оно выборочно. Видимо, корни надо искать, начиная с первобытно-общинного строя. Еще в глубокой древности Оцеола, вождь сименеолов, из двоих воинов, плохо подметших пещеру, подвергал наказанию Худую Свинью, а не Долговязого Быка, зная, что скоро в поход и нужен командир среднего отряда, или позарез — разведчик. Накажи его, того и гляди, взбунтует часть племени. Другое дело Худая Свинья: никого не взбунтует, да и время от времени кого-то наказывать необходимо, чтобы остальные боялись. Да и работать в последнее время Худая Свинья стала хуже, ишь, расслабилась, пол плохо подмела. Надо наказывать, надо: и работать станет лучше, и вообще, зачем она еще нужна, кроме как подметать пещеру. Ничего, будет и дальше хорошо служить без пререканий, подадим на ефрейтора.

Командир понял.

— Ну ты уж поди и вытри. Вытри, — доверительно обратился он к Гаффарову.

— В следующий раз он не будет пачкать. Да, Буркин? — ожидая выражения благодарности хотя бы интонацией.

— Да, — ответил Буркин. Заботливый командир ожидал напорно.

— Что надо отвечать? «Да-а». Прослужил полгода и не знаешь? Эх, Буркин, Буркин, — горестно вздохнул командир.

— Так точно, товарищ подполковник, — выученно, вымученно и перенято ответил солдат.

— Ты вчера сдавал наряд. Я тебе говорил убрать в сушилку?

— Нет, — пролепетал раздавленный Буркин. То ли говорил, то ли нет. Сказал, правда, но мимоходом, и Буркин забыл.

— Что нет? — подполковник обернулся и чуть не подпрыгнул, в упор уставившись на Буркина. На них смотрели: дежурный с тумбочки, дневальный Перепелица с машкой в руке у спального помещения, дневальный Гаффаров, который вышел из туалета и стоял у двери, натягивая тряпку на швабру.

Кошки-мышки надоели. Подполковник Новейников вышел из себя.

— Так, товарищ рядовой. Назначаю вам один наряд на службу, — подполковник Новейников, смотря в сторону и немного вниз, дал небрежную отмашку от козырька.

Вся сцена протекала напротив неплотно прикрытой двери в сушилку, и глаз подполковника по ходу диалога отметил беспорядок.

Подполковник вернулся и шагнул к сушилке. — Буркин!

— Я! — испуганно откликнулся Буркин.

— Значит сейчас ты — оставь эту вещь, что у тебя такое, — Буркин мял в руке пластилин, и когда Новейников отобрал его у него, то испугался еще больше.

Новейников взял пластилин, взглянул на него, смял в пальцах и положил в карман.

— Значит сейчас ты все до микрона вот это убираешь. Понял, да? — подполковник повернул голову к Буркину.

— Так точно! — был ответ, и командир зашел в сушилку.

— Это что такое? — он небрежно пнул бычок на полу.

— Это что? — он скинул на пол какие-то лохмотья хэ-бэшки, державшиеся на крючке на одной нитке.

— Это? — он рванул на себя лоскут обоев, свисавший со стены в углу. И он бы его непременно оторвал, если бы не боялся испачкаться клеестером. Когда-то давно кто-то из командиров ли, начальников приказал наклеить оставшиеся от ремонта бытовой комнаты обои в сушилку. Потом вдруг оказалось, что в бытовке их наклеили как-то неправильно, пришлось кинуть сушилку и остатком обоев переклеивать бытовку, а в сушилке осталась оклеен только небольшой угол, да и то — из-за большой влажности рядом постоянно текла труба — они начали самопроизвольно отклеиваться.

— Товарищ подполковник, я в наряде по бане назначен, по бане я в наряде, — робко пролепетал язык рядового.

Подполковник чуть было не ответил, фрондируя и грассируя:

— А меня это . . . ? (то есть беспокоит ли?) — но вовремя сдержался.

— Ничего-о, ты успеешь. Ты у нас везде будешь успевать. В баню в десять часов, а сейчас сколько времени, а? — он быстро поднес на миг руку с табло электронных часов к лицу Буркина прямо к переносице, и он ничего не мог разобрать в расплывчатом светящемся бисере цифр. Буркин, запинаясь, ответил, что еще нет десяти.

— Ну вот, все нормально, — склонившись над Буркиным, заметил он ему.

— Я проверю, — уходя, бросил Новейников через плечо.

Новейников вышел из сушилки, смотря перед собой и сохраняя беспристрастность, и повернул к канцелярши. Никто здесь бы не сказал, что он в тот момент отходил от происшедшего диалога. Очнулся и вынырнул в действительность, когда миновал младшего сержанта Радюка,

стоявшего на тумбочке. Тот с каким-то подчеркнутым усердием вытирался, и подполковник, видимо, что-то вспомнив, кинул ему не глядя:

— Зайди ко мне.

Младший сержант скорчил рожу, долженствующую означать, что сейчас последует взбучка, и, хотя это неприятно, но все до фени и по фене. Выражение рожи подсек Гаффаров и скорчил соответствующую ухмылку хоть маленькому, но начальнику:

— Держис, Коля.

А между тем Буркин лихорадочно пытался навести порядок в сушилке. И все-таки он опоздал на десяток-другой минут. И, уходя, так и оставил болтающимся кусок обоев, который следовало просто отодрать — забыл, не заметил. Гаффаров стоял на тумбочке. Буркин проскользнул мимо него, хлопнула за спиной дверь, крика «э, куда? я проверяю», он сделал вид, что не услышал.

Запыхавшись, долго стучал в дверь бани. Он получил взбучку от Гаффарова, и теперь боялся, что за опоздание получит от банщика. Банщик Сеня главенствовал над раздачей белья, заведовал помещением и прочим банным scarбом. Он был рядовой. Банщиком его поставили не за так: благодаря крепкому телосложению он пользовался заслуженным авторитетом. Фамилию его мало кто помнил, но вся часть звала его по имени, как и повара, кладовщика, хлебореза и фельдшера.

Шум за дверями. Дверь отворилась на долгий стук. Лицо банщика опухшее, набухшее и помятое, как подушечки детских пальцев после долгой бани.

Буркин вздрогнул и обездвигел соляным столбом.

— Теперь видишь, что ты натворил? — спросонья прохрипела подушечка, разбухшая от долгих горячительных воздействий.

— . . .

Банщик дал банку и послал сгонять на кухню за солеными огурцами и рассолом: зверски хотелось пить. Спроси у Ахмеда, скажи, я сказал.¹⁰

Ахмед встретил неласково: на вопрос ударил половником по бляхе ремня. Затем подступил вплотную, и сопровождая каждый вопрос «чё хочьш? чё хочьш?» ударом под вздох, в грудь, когда Буркин согнулся, последовало: — Чё хочьш, ты? — локтем между лопатками, видимо наслаждаясь молчаливым испугом Буркина: тот боялся что-либо ответить, чтобы не привести в еще больший гнев своего властелина. Наконец Ахмед смилостивился, сжался, так что самому приятно стало, сочувственно сказал: «Это тебе не дома», — и отпустил с миром и с банкой огурцов восвояси. Обидно только было Буркину, что пришлось отдать уважаемому комсомольский значок. Повар Ахмед был комсомолец, а свой значок — бывает — потерял. Жаль. Этот инцидент грозил Буркину в будущем неприятностями от командиров: «Где твой значок, разильдай?»

Буркин вручил банку банщику, для которого посылка Буркина за огурцами со своих угрюмых глаз долой была милосердным делом. Ему стало жалко Буркина где-то в глубине себя. Он поставил Буркину задачу, дал подручный инструмент и удалился согбенной спиной в свою каморку, пригрозив: «Только быстро». Оттуда приглушенно зазвучали «одесситы». В Буркине не было зависти или ненависти. «Отходняк», — тупо подумал он про «Сэмэна».

В этот день, как и в предыдущие дни, ему было начертано судьбой наводить порядок. Среди остального он оттирал от желтизны плитку в банном зале.¹¹

¹⁰ Соленые огурцы очутились в столовой непонятным способом. Видимо, причина была все-таки земная: где-то сляздили. Личный состав их, разумеется, таки и не пробовал, довольствуясь едкими солеными помидорами, вкупе со «вкусным наваристым борщом» (то бишь жидкостью бурого цвета, в которой плавают пара картошин, иногда — те же помидоры, которые вылавливаются и которыми с руганью плюются; добавлялись они, должно быть, для вкуса) и «сытной кашей» (которую не едят, а хлебают — таков процент воды в этой каше — видимо, для сытости).

¹¹ — Надолго ли хватит? Как ни оттирай, со временем все равно проступит, если трубы давно истончились и вода идет ржавая. Вот армейское занятие: пусть эта плитка трухлява, пусть ее изнутри съели тараканы, пусть она излучает радиацию — не так важно, в конце концов: главное, чтобы снаружи она блестяла. А что вода ржавая, так кто видит? — на глазок не видно. Поди докажи.

Он угостил банщика на просьбу-требование «курить!» и закурил сам. Тот кинул ему какую-то веревку: развязывай. Стоя на коленях на кафельном полу раздевалки, держа в зубах сигарету и щурясь, Буркин развязывал какой-то узел конопляной и бумажной веревок, и потому не слишком придал значения тому, что снаружи кто-то зашел. Другое дело банщик Сеня.

Банщик Сеня покоился на ложе, устланном старыми фуфайками, тряпками, остатками хэбэшек, закинув руки за голову, скрестив ноги не в сапогах, а в тапочках на босу ногу, пускал дым кольцами в потолок, слушал «одесситов» и размышлял через головную боль. Но хлопнула дверь, что-то зашебуршало в тамбуре, и Сеня осел: это пришел начальник тыла! У Сени, отягченного многими вчерашними событиями и утренней хворью, обещание начтылом визита вылетело из головы. Он вскочил, кинул сигарету, выдернул шнур магнитофона и поспешил податься из своей каморки. Дверь из каморки находилась в коридорчике между входом и раздевалкой. Начтыла уже стоял в раздевалке.

— Боец, почему курим? — начтыла заложил руки за спину, корпус, голову несколько подал вперед.

Сеня переступил порог раздевалки, начтыла был полубоком-спиной, обращаясь к стоящему на коленях Буркину, в недоумении подымавшему лицо с сигаретой. Тот был к Сене по ближней диагонали. Оба краем глаза заметили появление Сени. Буркин воровато выхватил сигарету изо рта и виновато закинул в угол, уничтожая следы преступления.

— Ну вот, и в угол. Не хватало еще, чтобы ваша фатера сгорела.

Буркин вздрогнул как бы в порыве за сигаретой, но ответил:

— Она не сгорит, товарищ подполковник.

— Иди возьми ее и не поленись, выброси вон.

Начтыла отвел глаза от суеты и неразберихи, учиненных Буркиным, который вначале пытался достать сигарету, ложась на пол — не получилось, — стал отодвигать громоздкие лавки и, перегибаясь, чуть не падая, барахтаясь, долго доставал сигарету. В полуметре от своего лица он увидел море таких сигарет: размокших, затем высохших, грязно-пестрых, линялых, старых. Начтыла отвел глаза от Буркина, чтобы отвернуться и обратиться ликом и всем корпусом к Сене.

— Здравствуй, — начтыла не подал, как обычно, руки, держа руки за спиной. — В чем дело, почему у тебя боец курит?

Начтыла подполковник Самсонов был коричневолиц и широк в челюстных костях. Он смотрел прямо в анфас. Лицо было тяжелым; я не имею в виду выражение лица. Кожа шеи под бритым подбородком становилась дряблой. Он был без пяти минут дембель, как он заметил, перебарываясь с дембелями на дембельских работах шутками-прибаутками.

Сеня много знал о нем, и это присутствовало, не проговариваясь.

Начтыла был несколько нервирован тем обстоятельством, что, как ему только что сообщили, в полк вот-вот прибудет некая видная комиссия как раз по вопросам тыла. Позднее они, видимо, захотят попариться, во всяком случае надо, чтобы они захотели — из предыдущего опыта заключил подполковник. Баню для личного состава можно отложить на завтра. Не проблема: для них же стараюсь. Подполковник Самсонов не хотел сесть в лужу. Он знал, что недостатки торчат изо всех щелей, и важно было загнать их туда обратно.

Сеня выдержал паузу после чужого вопроса.

— Объяснили ему, что в Советской Армии в учреждениях (это слово было несколько не к месту) курить запрещено? Курить разрешается только в специально отведенных для этого помещениях или местах. Ты сам куришь? — пылливо спросил подполковник.

— Нет, я выхожу на улицу на скамейку.

— Ну вот видишь, — обрадовался подполковник. — Знаешь, объясни ему. Хотя это и не учреждение, но нормы санитарии надо соблюдать.

Речевой поток подполковника лился свободно, почти не прерываясь. На этот поток накладывались замечания, пожелания, ответы Сени-банщика. На редкие вопросы начальник тыла с необыкновенной чуткостью реагировал.

— ... Ты сделал то, что я тебе говорил? Пойдем посмотрим — на ходу, уже идя в моечный зал, говорил начтыла. Между этими двумя предложениями Сеня медленно сказал свое, задевая словами слова подполковника: «Да. Посмотрите.» Речь шла об оттирании желтой плитки и об остальном хозяйственном деле. Непринужденный речевой поток гулко доносился из банного зала. Буркин вернулся с улицы и стал недалеко от двери в зал, и прислушивался некоторое время. Потом поспешил схватиться за швабру и заняться бодрим оттиранием пола — шаги приближались.

Они молчали, но чувствами были в разговоре и очутились в раздевалке, стоя вдвоем.

— Э, как тебя, Буркин, — металлически обратился Сеня. — Сейчас идешь в реммастерскую и берешь две чугунные решетки. Вопросы? — игрива иронией, как желваками или мускулами, глядя на Буркина и вбирая Буркина взглядом в себя, глотая его, спросил Сеня.

— Прямо сейчас? — с готовностью кролика глядя ему в глаза, захотел узнать Буркин.

— Да, — с той же убийственной иронией ответил он и дал нетерпеливую отмашку словами, за которыми стояла сила и власть, которая чикаться не любит:

— Только быстро.

— А где она? — так же наивно раскрывая зенки, спросил Буркин. Так наивно, что подполковник Самсонов сказал, обращаясь к Сене:

— Слушай-ка, Сеня, ты сходи сам. Он напутает, ему никто и не даст ...

— Скажет, что выполняет ваше приказание.

— Хоть Министра обороны, — непререкаемо пошутил подполковник. Сеня улыбнулся.

— Знаю я, как я Дебабова посылал ... — подполковник взял Сеню за согнутый локоть и повел к выходу, рассказывая невыдуманный анекдот. Сеня все еще был в состоянии сопротивления, когда делать не хочется.

— Товарищ подполковник, — они остановились на крыльце и Сеня о чем-то просил подполковника, но Буркин не разбирал о чем.

— Хорошо, хорошо, — донесся теплый голос подполковника. — Я жду, — сказал он.

Сеня вернулся и надел сапоги. Они с подполковником молча разминулись.

У подполковника руки за спиной. Подполковник зашел.

Не глядя по сторонам, он молча подошел к углу раздевалки и достал из кармана сантиметр, лишь повернув голову на плечах (лицо окаймлено сверху черным козырьком, снизу наискось краснополосый погон с двумя звездами):

— Солдат.

— Солдат, — громче, — не слышишь, что ли?

— Я, — ответил, вздернув кверху лицо и разом застопорив шустрое протирание пола, над которым он трудился, как дворняга над добычей. Вскинутое лицо только как будто, и ждало приказания, чтобы кинуться выполнять его со всех ног. И в глазах светилась преданность.

— Иди сюда. Шварбу оставь, — тот поперся со шваброй, споткнувшись от усердия.

— Бери, — подполковник стоял боком к подошедшему. Он подавал конец рулетки, держа ее у своего корпуса, и, как настоящий военный — который даже о зубной пасте

¹² Несколько лет назад, когда подполковник еще курил, ему был прочитан обширный курс о вреде курения неким генералом, который благодаря волосатой руке далеко обскакал своего ровесника и бывшего товарища; между ними было чувство взаимной неприязни. Накрыл он подполковника Самсонова, что самое обидное, в собственном кабинете. В учреждении.

скажет: «она закончилась» — не называя вслух предмет дачи. Военнослужащий потянулся руками и всем телом к подаваемому господином подполковником «концу» рулетки.

— Иди в тот угол и приложи к углу. Дорогой, вплотную. Приложил?

— Да.

Подполковник залез на скамейку — теперь они оба стояли на скамейках по разным углам — и колдовал чего-то в углу.

— Все? — Буркину нейдет от усердия, как будто не-втерпез.

Ответом подполковника было молчание.

Потом измерили другую сторону.

— Дай сюда, — глядя на рулетку и подсчитывая в уме, сказал подполковник. Буркин прыгнул со скамейки и подошел по полу к нему, хотя с тем же успехом мог пройти сверху.

— Все, — щелкнув рулеткой. — Спасибо. Занимайся.

Буркин опять согнул горб и затрясся над шваброй, а подполковник подсчитал. Что-то не клеилось. Подполковник думал, глядя, как мелькает швабра Буркина.

— Милый, ты только грязь разводишь. Разве так трут?

Буркин, ослабивший было натиск, участил движения.

— Стой, — Буркин отреагировал замедлением.

— Стой, остановись и послушай меня, — и Буркин остановился, положив одну руку на рукоятку швабры.

— Отставь, — продолжал подполковник тихим голосом и делая примирительный жест рукой.

Буркин отставил швабру и вытянулся, руки по швам, глядя на подполковника.

А подполковник начал, стоя вполборота, изредка взглядывая на Буркина для уяснения, насколько доходит им сказанное — в эти моменты Буркин преданно мотал головой, округло глядя в глаза и сглатывая слюну.

— Послушай старого подполковника. Ты только грязь размажешь, размажешь, и уйдешь в свою казарму. А мне за тебя выслушивать. Боец напорочит, а командир за него красней, как у нас в армии делается.

— Чтобы всю, всю вот эту вот грязь, — подполковник потер носком сапога об пол, от него оставались бляе полосу, — вот, видишь? чтобы всю, всю вот эту грязь оттереть. Берешь тряпку, — подполковник остро посмотрел из-под козырька глазами слегка склоненной головы на Буркина, тот глотал каждое слово, — берешь, мочишь ее, хорошо мочишь, — посмотри, дали ли они горячую воду, стой, — остановившая рукой Буркина: — потом посмотришь, ты слушай, уже сорвался, полетел, — шутливо сказал подполковник, — все вот эти вот разводы, всю вот эту вот грязь. Она вся у тебя должна отойти. Понимаешь? — аппетитно спросил подполковник. — Чтобы вся эта муть у тебя сошла, — он еще раз посмотрел на Буркина, тот преданно, понимающе кивнул, — и тогда ты ее хорошо моешь, только хорошо моешь, смотри — и насухо выжимаешь двумя руками (оба понимали, что речь о тряпке). — Потом всю грязь собираешь, чтоб было хорошо. Пол блестит, кафель чистый, каким он должен быть. А не какой он у нас есть. В гвардейском краснознаменном трижды орденосном. Как здесь, здесь год не убрали, — подполковник взглянул на Буркина, тот понимающе усмехнулся.

— Ну, теперь понял, солдат? — отечески спросил подполковник Самсонов.

— Так точно, — откликнулся Буркин.

— Смотри, — пожурил командир.

— ... Вот видишь, как хорошо получается, — сказал подполковник, вернувшись после хождений, когда Буркин оттер половицу пола. Подполковник ходил что-то мерять в банный зал и парилку. Потом зашел в каморку, закрыв дверь. Поморщился от дыма, улыбнулся. Поискал глазами. Увидел банку с огурцами и вернулся, хрустя гигантским соленым огурцом.

Буркин тер, усердно не замечая, что подполковник грызет огурец, ибо грызть огурцы не к лицу командиру. Когда самому так хочется. Подполковник остановился, глядя на

работу Буркина, жевал, не разжимая рта, по щепоти пальцев с зажатым огурцом тек сок, и он вытирал подбородок и сосал рассол.

— Хорошо оттирается, боец? — сказал подполковник, блестя козырьком. Пол был влажно чист. Капли рассола пятнали его выпуклыми пуговками.

— Да, очень хорошо, — Буркин тут же выпрямился и смотрел на подполковника, выражая признательность, готовый излиться в благодарность за заботу.

Подполковник кивнул, занятый огурцом:

— Занимайся.

Подполковник сытно проглотил хвостик огурца, достал носовой платок, развернул — он оказался большим желто-клетчато-красным — и вытерся.

Тщательно вытирая руки, спросил:

— Ты кто по специальности? Или ты только курить умеешь?

— Я закончил училище, — ответил Буркин, вытирая пол насухо.

— Где?

— 7-е ташкентское ПТУ.

Протирая платком вокруг кольца на пальце:

— Как фамилия, боец?

— Буркин.

— Рядовой Буркин, — выделяя голосом «рядовой», поправил подполковник, убирая сложенный платок в боковой карман кителя, развертывая плечи, выпрямляясь и глядя в упор на Буркина.

— Да, так точно, — что-то почуяв за словами, остановился в работе Буркин.

Подполковник не стал придираться к гражданскому «да».

— Выходит, мы с тобой земляки, Буркин. А полы ты мыть не умеешь, — пошутил подполковник, но не вызвал реакции: Буркин переваривал сказанное. И подполковник продолжил:

— Может быть еще и из четвертого микрорайона? .. Ты прямо удивляешь меня не по дням, а по часам.

Буркин обрадовался, и изумился, и растерялся: для него это было чудо. Подполковник Самсонов снисходительно поглядывал на это чудо, тем не менее ему льстило.

— Да, так точно, товарищ... — он сглотнул и проглотил звание собеседника, удивленно тараща глаза. — Я из четвертого.

— Есть там улица Урицкого?

— Я совсем рядом на Блюхера, — получив ответ, подполковник удовлетворенно кивнул, убедившись, что есть там улица Урицкого.

— Новостройки?

— Что вы сказали?

— Небось понастроили там небоскребов?

— Да, — рассмеялся Буркин.

— Я жил в глинобитном квартале, — сказал подполковник. Он уточнил, что это было до землетрясения. Да они и в самом деле были ткни и развалились. Но в жару не жарко, не то что эти современные. И подполковник с большим удовольствием жил бы в глинобитных. Хорошо, что название улицы сохранилось. Много новых, да, много новых. Он вспомнил о своем отце, который занимался рисованием орнаментов, вспомнил с шуткой, как тот рассорился с заказчиком-учреждением из-за того, что отец не хотел менять и перерисовывать рисунок, и после сочувствующего смеха попенял ему со своего жизненного опыта за упрямство. Буркин преданно смотрел в глаза и кивал головой. Да, были люди в наше время!

— Ты хоть знаешь, что такое орнамент?

К удивлению подполковника, он не только знал, но и поциркал у него пару узоров в блокноте. Подполковник смекнул и завербовал его на ремонт солдатской чайной, имея в перспективе возможность, если парень не врет насчет своих умений, использовать на своей даче.

Подполковник Самсонов взглянул на часы, и у Буркина упало сердце. Он обещал Буркину переговорить с командиром подразделения и многозначительно заключил: если что

надо будет, обращайся ко мне. Наказал кое-какие пожелания для передачи их Сене, посетовал, что тот так долго, кокетливо сказал: «передай ему, что подполковника Самсонова чуть кондрашка не хватила, так он тебя ждал», — и поспешил восвояся.

А Буркин, ослепленный и оглушенный, принялся дрючить пол, надеясь отличиться перед банщиком, и он из швов между плитками и трещин на кафельном полу слагал свои орнаменты.

Снаружи что-то тяжело громынуло. Должно быть, пришел Сеня со своими решетками. Буркин все так же тер и чему-то улыбался. Весь в поту зашел Сеня со злым лицом. Тряпку скоро надо выжимать.

По пути Сене повстречались мужики с котельной, с которыми он начинал тащить службу. Посмеялись, что он надрывается, как воша. Сеня отшутился.

— Курить, живо, воша.

Но Буркин не оборачивался и, улыбаясь, тер пол. Взыграло ретивое, что воша, которая всецело в его подчинении и распорядении, его игнорирует, и Сеня отвесил хороший пинок. «Гад ползучий! . . . Я там надрываюсь, а он дураком прикидывается. . . . Выслушивать за тебя от начальника тыла. . . .» — приговаривал Семен в продолжение рукоприкладства. Припомнил и наказ начальника тыла разъяснить курение в неположенных местах. Он деловито щурил глаза и вытягивал голову, внимательно наблюдая за действием своей силы, как будто ставил на Буркине эксперимент. Наконец тот рухнул лицом в жидкую грязь, которую он так и не успел убрать, где рядом валялась промокшая тряпка, и повернул лицо, с силой жмуря глаза и обнажая красную верхнюю десну в гримасе. Гримаса была гадкая, и Сене захотелось сделать так, чтобы ее не было в мире, и он ощущал неосознанное зуд-желание, чтобы Буркин был продолжением его воли и был по его хотению. Поэтому он схватил его за волосы и пару раз ударил в грязь об пол, умиряя себя и стирая из мира оскал красных десен.

За дверями стоял бескрайний мир, птицы медленно плавали кругами в голубой бесконечности, а в померкших внутренностях бани медленно выступала капелька крови из прокушенной черной губы.

. . . Сеня опомнился и закурил. Буркин все был на полу.

— Убежал за решетками, быстро! — приказал Сеня затягиваясь, выбрасывая горелую спичку и опуская коробок в карман.

Буркин со стонами поднялся, упираясь руками в колени, и старчески повернулся к входной двери, идя к решеткам. Это получилось у него достойно, так, как если бы он на вражьем допросе претерпел пытки за правое дело. И Сеня ударил его под дых. Команда была бегом!¹³ Буркин согнулся: «а-а-х-х» — и униженно согнул локти, и, вприпрыжку, заковылял.

Сеня курил, говоря себе, что так и надо, все правильно, нечего их распускать, теперь будет слушаться — словом, все то, что говорят среди второго года службы о тех, кто до года.

Буркин стоял на улице, приходя в себя. В голове стучало: «Быстрее».

Когда Буркин сошел под тяжестью чугуна в раздевалку, ему было стыдно и боязно остановиться для передышки под взглядом Сени. Он стал на ходу разворачиваться, но на мокром полу не удержал равновесия, поскользнулся, зависая, и упал. Решетки, хорошо, откинул в сторону, да так удачно, что от пола отлетела только одна ясно-голубая плитка. Но и ее было достаточно. Сеня засунул сигарету в рот и с бранью пошел на Буркина. Он превратился в машину для битья, усваивая эту свою функцию: он ему только что отвесил горяченьких за провинность — результат плох — значит, мало, и надо еще. Точно так, как люди усваивают простую функцию: подчиненный провинился — накажи его. Как командир объявляет наряды, как родитель ставит ребенка в угол или заурядно лупит, как общество

сажает преступившего его законы и как рабочий теряет в зарботке за брак: провинился — получи.

Сеня медленно нагнулся, поднял упавшую плитку Буркина и, стоя над ним и держа ее в руках, сказал:

— Иди умойся.

И страх поселился в Буркине. Высокая сознательность была внедрена. Он метался и летал, делал все, что скажет Сеня, превратившись в исполнительную машину и утоляя малейшую прихоть, и прихоти стали расти. Создание такой машины всегда явное или тайное желание тех, кто наказывает. И даже, быть может, неосознанно.

Сеня был в затруднении: выставить ли из каморки тумбочки и организовывать ли раздачу чая, как делалось для своих офицеров, или для гостей ни к чему этот доморощенный сервис. До гостей было еще далеко, но тем не менее. Для выяснения этого Сеня решил послать Буркина к начальнику тыла.

— Ну-ка, — Сеня взял Буркина за подбородок и повернул лицо из стороны в сторону. — Сойдет. Смотри, Буркин.

Это было дежурной угрозой, которые Буркин слышал на каждом шагу от полковника до старшего на полгода. Но сейчас эта угроза совершила обратное действие: натолкнула на мысль не подчиниться и осуществить дерзкое желание. От эйфории после беседы с начальником тыла нелегко было упасть лицом в грязь, точнее слово — досада. На разводах и построениях Буркин не раз слышал от командиров мысль: если вас обижают, докладывайте.

В домашнем разговоре с Самсоновым прозвучало обещание — и Буркин страстно вспоминал это обещание, перемалывал снова и снова и глотал его вновь и вновь. И мысли были горячечными, и он страстно желал своей цели, и от того она казалась достижимой. Оправдание себя. Мечь.

В горячечных грезах он подошел к штабу, испуг пронзил его, но он выправил качнувшуюся волю, а горячка увеличилась.

В отдалении подполковник Самсонов стоял на крыльце штаба и чего-то говорил через расстояние двоим со свободными позами в черных робах с засученными рукавами, один держал в оттянутой книзу руке ведро с черным смоляным варевом, в нем ослепительно плескался солнечный блик, другой щетку с черной липкой смолой, раскалялась белой звездой на небе солнце, из-под длинных волос стекала ручеек, и острые морщины от солнца прорезали их лица. В Буркина ударила действительность. Как жар асфальта. Он встал толчком. Ожидая, когда можно будет подойти, он осознавал то, что за менование до стоп-кадра он видел, не воспринимая; на посеревшем от жары асфальте площади перед штабом буйствовало солнце. Выцветала зелень.

Это были дембеля. У них были дембельские работы — покрывать расплавленным гудроном теплотрассу, она тянулась вправо и влево от крыльца, две черно-смоляных трубы ослепительно-округло сияли. Подполковник выходил из штаба и обращался к одному из них. Рядом на крыльце случайно стоял прапорщик. Он разевал рот, поднимая к солнцу голову, по-бровови топорща усы над блестящими зубами: по только покрашенным трубам ходят всякие! — он радел перед подполковником за армейское хозяйство. На погонах военных горели разной величины звезды.

Подполковник говорил одному из них, не с ведром в руке, чье лицо резали морщины, а тому, кто держал в руке щетку, а другую засунул в карман и слушал, склонив голову на бок и смотря на полямя теплотрассы.

— Сколько можно говорить. . . — доносились слова подполковника.

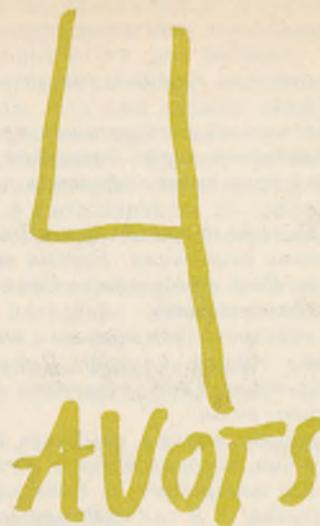
— . . . Как у нас в армии один солдат сделает, а другой тут же испакостит и испортит. . . . Надо по кумполу, чтоб неповадно было. (Склонивший голову сделал движение вверх) — Я разрешаю, — ответил на немой вопрос подполковник. — Это не будут неуставные.

Тогда Буркин уловил теплый блеск глаз к нему подполковника Самсонова и шагнул вперед.

На вопрос он ответил, что это он упал под весом решеток, и спросил насчет тумбочек и чая.

¹³ По команде «бегом» руки сгибаются в локтях. (Строевой устав ВС СССР)

ОЛЕГ КУЛАКОВ

РОЖА ХИТРАЯ, И ГЛАЗА БЕГАЮТ...

Многие могут со мной не согласиться, но я еще раз повторю, что телефон делает нас инертными. Прежде всего, мужчин. Представьте: раньше, чтобы помириться с любимой женщиной, нужно было, по крайней мере, выйти на улицу, нанять извозчика, полчаса трястись по булыжной мостовой и стоять под окном любимой до тех пор, пока она не проснется и не простит. Сейчас достаточно снять трубку, легким прикосновением пальца выстуцать комбинацию цифр, извиниться — все-равно за что, рассказать новый анекдот и пригласить на чашечку кофе до утра.

Я привел тот пример, когда мужчина более-менее энергичный и проявляет инициативу сам. Другие, а их немало, предпочитают обратную связь. То есть, чтобы звонили им. И тогда, если ждешь звонка от любимой женщины... или просто женщины, при каждом сигнале телефона вскакиваешь с дивана, делаешь тише телевизор и спешешь, спешешь поднять трубку!..

— Да, я слушаю!

— Юра, привет! — слышу голос соседа по лестничной клетке. — Зайди ко мне, пожалуйста. У меня тут такое приключилось! Сосед и в самом деле выглядит неважно.

— Вот какая история приключилась, — говорит он. — Зашел я в наш магазин купить трехлитровую банку. В том отделе, где соки продают. Купил я, значит, банку и иду домой. Прихожу — кошелек нет. Я сразу в магазин — где же я мог еще его оставить? Продавщица говорит, что ничего не видела. А у самой рожка хитрая, и глаза бегают. Сразу видно — она взяла! А у меня там почти вся пенсия. Вот беда-то!

— А вы с чем были в магазине? — спрашиваю.

— Да вот, сумка.

Я обыскал сумку — ничего нет.

— Может, ты сходишь, поговоришь? Вдруг у нее совесть проснется? — попросил он.

Я пошел. Насчет рожки ничего определенного сказать не могу, но в глаза действительно, не смотрит. Объяснил я ей и так, и этак — мол, старик, пенсионер, вчера последний сухарь сгрыз — никакого толку. Ничего не знаю, ничего не видела. Словом, непрошибаемая.

Вечером я снова зашел к соседу, предложил денег. Он отказался.

— Да не в деньгах дело, Юра! У меня кое-какие сбережения есть, так что не пропаду. Мне за человека обидно: откуда у нее такая жадность, такая нечестность? Я понимаю, бывает, на улице найдешь деньги. Я один раз двадцать пять рублей нашел. Разумеется, не будешь же бегать, искать, кто потерял — на деньгах ведь не написано. А тут же кошелек! Там еще квитанция за телефон и семь трамвайных талонов. Да... Ты знаешь, я тут еще одну знакомую женщину посылал. Она моей женой представилась, пробовала повлиять — так та ее даже слушать не стала. Закричала: «Да оставьте меня в покое!» Вот стерва, а?!

Через несколько дней мы встретились по дороге в магазин. Увидев меня, сосед захохотал и схватил меня за руку:

— Слушай, вот цирк, а?! Стал я вытряхивать сумку, он и выпал! Там, оказывается, подкладка отошла, он туда и попал.

Мы вошли в магазин и стали в очередь за соками. Я обратил внимание, что он не сводит с продавщицы глаз. Выпив сок, он еще раз внимательно на нее посмотрел и покачал головой.

— Что вы так долго ее разглядывали? — спросил я чуть позже. — Извиниться хотели?

— Извиниться? За что?! Ты знаешь, хоть убей, но рожка у нее хитрая, и глаза бегают!

Все это, конечно, интересно, но, черт возьми, позвонит мне хоть кто-нибудь?!.. Звонюк. Я вскакиваю с дивана, пока заглушаю телевизор, пытаюсь угадать, кто звонит, бегу к телефону, поднимаю трубку...

КУДА ДЕВАЛСЯ ГОРОД?..

Мальчик подошел к отцу, протянул ему внушительного вида роман, изданный в конце 20 столетия, и спросил:

— Пап, смотри: Нижний Тагил. Где это?

— В Бразилии, — подумав, ответил отец не глядя в книгу.

— Да нет же! — воскликнул мальчик. — Вот, слушай: «Если мы не достанем турбогенераторов, плана не выполним!» — зло крикнул Федоров начальнику ОТК».

— Ну и что? Может, Федоров поехал в Бразилию в порядке обмена опытом?

— Но в 20 веке в Бразилии еще не было ОТК.

Отец откинулся на стул. Пожалуй, и в самом деле не было. Решили посмотреть на карте. Посмотрели — нигде нет. Ни у нас, ни в Бразилии, ни даже на Гавайских островах. Обзвонили всех знакомых — тоже без понятия. Может, опечатка? Вроде бы, не должно. Черным по белому и несколько раз. Что за чертовщина? Не мог же город пропасть?!

— Ладно, — не выдержал отец, — давай поднимаемся к профессору, он в таких вопросах дока.

Профессор оторвал свою голову от научных изысканий, постучал пальцем по лбу, как бы проверяя на звук в каком из отсеков его необъятного мозга находится нужная информация, и ответил:

— Видите ли, в 21 веке жил известный поэт Сидоров, который внес большой вклад в развитие мировой поэзии. И когда он умер, чтобы увековечить его имя, Нижний Тагил переименовали в Верхний Сидоров.

СЛУЧАЙ С КАРТОШКОЙ

Как-то раз я купил мешок картошки. Думал, повезло — купил возле дома и недорого. Что меня надули, я понял на следующее утро. Картошка оказалась мороженой — возле мешка натекла большая темно-красная лужа. Делать нечего — надо выбрасывать. Я вынес мешок на лестницу и пошел переодеваться. Минут через пять выхожу — мешка нет. Нет, так нет — мне же лучше! Где-то через пару часов иду в магазин, смотрю — мой мешок уже этажом ниже. Делаю вид, что мы незнакомы. Возвращаюсь из магазина — мешка нет. Ну, думаю, кто-то его, наконец, выкинул — и делу конец.

Но я ошибся. На следующий день поднимаюсь к соседу на четвертый этаж (а я на третьем живу), гляжу — опять мой мешок! Еще через день я встретился со своим мешком на первом этаже. А конец всей этой истории наступил дня через три: я торопился домой и на лестнице чуть не сшиб с ног соседку с пятого этажа, которая, проклиная все на свете, тащила мешок на помойку.

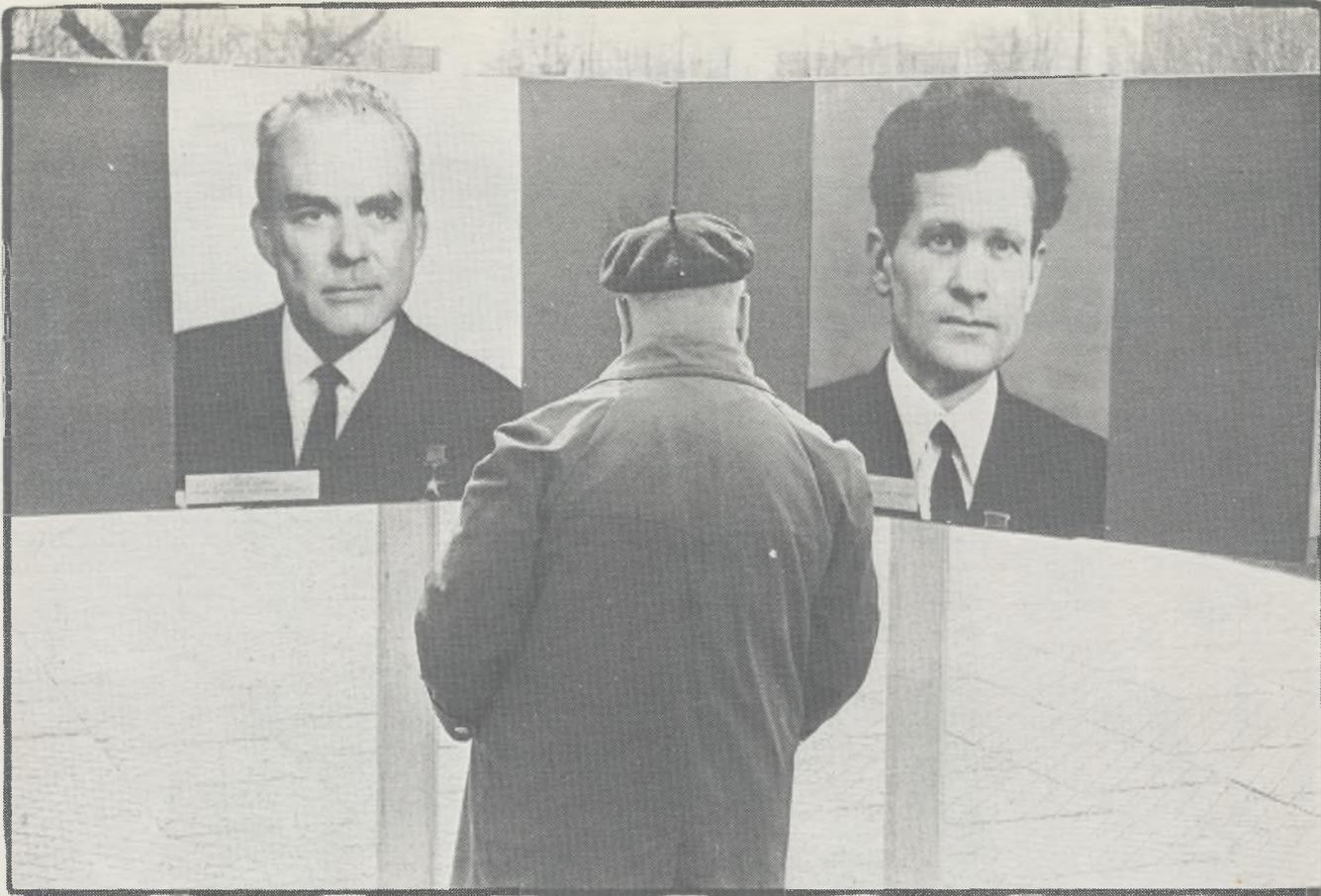

Фото — ГВИДО КАЙОНСА

Оформитель I, IV обложки — ОЯРС ПЕТЕРСОНС
«Родник» 1989, № 4, 1—80

50 коп.

Индекс 77110

РОДНИК

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ, ДРАМАТУРГИЯ, ПУБЛИЦИСТИКА, КРИТИКА,

